

ГРОМЫ, МОЛНИИ
И ОГНЕННЫЙ СТОЛП
в романе Олега Юрьева
"ПОЛУОСТРОВ ЖИДЯТИН"

КОНФЛИКТ РЕЛИГИОЗНОГО
И СВЕТСКОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ИЗРАИЛЕ

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ
ГЕРМАНИИ ДО И ПОСЛЕ
КАТАСТРОФЫ

"НОВГОРОДСКАЯ ЕРЕСЬ"
- несостоявшая реформация
Русской Православной Церкви

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ КАК СЕРИЯ
ОШИБОК ДИКТАТОРОВ

113

22

МОСКВА

№ 113

Общественно-политический и литературный
журнал еврейской интеллигенции из СНГ в Израиле

ДВАДЦАТЬ ДВА

113

Журнал выходит при содействии министерства абсорбции
и отдела культуры министерства образования

1999

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

- Олег Юрьев. Полуостров Жидятин.....3
Павел Лукаш. Этапы небольшого пути.....83
Нина Демази. Стихи.....95

ИЕРУСАЛИМСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

- Александр Воронель. Гуманизм с человеческим лицом....98
Эдуард Бормашенко. Закон тождества.....105

ИСКУССТВО И ЖЕРТВЫ

- Злата Зарецкая. Живое и Мертвое на сцене.....115
Софья Гутникова и Сергей Шац. О нас, музыкантах....123

ЗДЕСЬ И ТАМ

- Михаил Сидоров. Неудавшаяся русская Реформация.....140
Самсон Мадиевский. Христианские церкви
Германии до и после Холокоста.....158

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОГАДКИ

- Марк Азбель. Катастрофа и свобода Запада.....177
Изидор Ляст. Состязание диктаторов
в просчетах и ошибках.....179

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

- Сергей Черепанов. Золотой Рог.....206

СРЕДИ КНИГ

- Рита Гензелева. Литературная диаспора.....212
Ян Зарецкий. Книжка стихов со знакомым именем.....215
Ал. Мышиц. Большая горькая книга.....220

коротко об авторах.....223

На первой странице: Афиша театра "Габима"

На последней странице обложки: Сцена из спектакля "Братоубийственная война" (см. стр. 115 "Живое и Мертвое на сцене")

Олег Юрьев

Полуостров Жидятин
(журнальный вариант)

От редакции

При подготовке к печати романа Олега Юрьева «Полуостров Жидятин» мы пришли к выводу о желательности пояснений, существенных для восприятия и помогающих вхождению в романый контекст.

Автор, не взяв на себя подготовку справочного аппарата, поэтому мы были вынуждены начать поиски специалиста, компетентного в связанных с «Полуостровом» исторических и филологических материях, каковые поиски счастливо увенчались согласием профессора Лапландского Университета г. Рованиеми (Финляндия) Я. Н. Гольдштейна оказать нам необходимую помощь, за что, пользуясь настоящим случаем, мы хотели бы высказать ему нашу самую глубокую признательность.

Проф. Гольдштейн высказал ряд интересных и ценных суждений о присланном ему тексте. Пользуясь его любезным разрешением, мы публикуем некоторые из них ниже, в качестве предварения к самому роману.

Уважаемый г-н редактор!

Благодарю Вас за милое письмо и половину «Жидятиня». Присланную Вами часть рукописи я самым внимательным образом прочитал.

Несколько слов о тексте, точнее, о его *контексте*.

Особую важность, как мне кажется, представляют здесь пространственные координаты, в широком смысле, **МЕСТО ДЕЙСТВИЯ**.

Карельский перешеек — одно из самых живописных мест Ленинградской области. Хороша и величава его природа. Суровы могучие хвойные леса; бесконечны дали просто-

ров и озер со скалистыми берегами; причудливы встречающиеся повсюду огромные, поросшие мхом валуны.

С запада Карельский перешеек омывается Финским заливом Балтийского моря; с востока — бурным и глубоким Ладожским озером. Именно здесь, на северо-западном фронтире русского мира, в течение столетий труднодоступном для посторонних в силу географических и исторических обстоятельств (подробнее о природе и истории Карельского перешейка см. в [1] и [1a]), а в советское время и вследствие статуса закрытой пограничной зоны, поселил автор свое семейство «русских марранов» или, если угодно, «крипто-евреев» Жидята. Любовное и доскональное описание этой среды *изнутри*, в логике ее мистических и мифологических представлений, в подробностях ее отношений с внешним миром, в особенностях ее речи, свидетельствует о не *этнографическом*, но *автоэтническом* знакомстве автора с материалом. С некоторой долей уверенности могу предположить, что наш автор сам происходит из вышеописанной среды, т.е. рожден в одной из «жидовствующих» семей, оторвавшихся от основной группы единоверцев в ходе то ослабевающих, то усиливающихся преследований со стороны царского правительства и православной церкви (напр., уклоняясь от сибирской ссылки, сдачи в солдаты и отбора детей, подробнее об этом см. напр. в [2]) и на века затаившейся в попытке скрыть от окружающего мира свое еврейство (последнее следует понимать отнюдь не иронически, а самым прямым образом, подробнее см. в [3]). В рамках длящейся в течение последних двух столетий исторической дискуссии (см. ее обзор в [4]) никому, правда, не удалось доказать прямых связей между т.н. «новгородской ересью» XV-XVI вв., захватившей в первую очередь образованные слои русского общества (см. напр. в [5]) и наблюдаемыми с середины XVIII в. в крестьянской и мещанской среде случаями самопроизвольного (большей частью, в результате чтения и обдумывания еврейской Библии, т.н. «Ветхого Завета») возникновения «субботнических», «псалтырщицких», «ветхозаветнических» и сходных сект (см. [2], [3] и, в особенности, [4]). Но и невозможности обратного доказано не было.

Принимая за исходное автобиографическую подоплеку присланной Вами рукописи и исходя из возраста «первого лица повествования» на приблизительный момент действия романа (13 лет к середине 80-х гг.), автору должно быть сейчас около 25-ти лет, и «Жидятин», без сомнения, его первый литературный опыт. Конечно, я бы мог и не вдаваться во все эти догадки, а просто поднять телефонную трубку и расспросить Вас поподробнее, но мне было интересно испытать мой аналитический метод предположения текста по автору и автора по тексту, особенно в преддверии очередного (IV) литературоведческого симпозиума «Автор — Текст. Уравнение с двумя неизвестными», чьим инициатором и руководителем я имею честь являться. Я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы вкратце подтвердили или опровергли мои предположения, которые я собираюсь вынести на обсуждение участников симпозиума, конечно в гораздо более развернутой и научной форме. Я был бы очень рад, если бы Вы, дорогой г-н редактор, также захотели принять участие в этом научном событии. К сожалению дорогу и гостиницу наш университет оплатить не в состоянии, и взнос за участие в симпозиуме составляет 300 финских марок с человека, но, быть может, Ваш журнал или Лапландско-Израильская Торговая Палата возьмут на себя эти расходы? Официальное приглашение на всякий случай прилагается.

В случае, если я не так уж неправ в своих умозаключениях, простая попытка автора рассказать естественным для него языком о естественном для него мире, в полудокументальной, полухудожественной форме исчерпать, как это свойственно начинающим писателям, непосредственные впечатления своего "детства, отрочества и юности", превращается в «Жидятине» как вследствие расхождения свойственных для описываемой замкнутой группы языковых моделей с общерусскими ("динамическая консервация языковых моделей"), так и в результате несовпадения ее представлений о времени и пространстве с общепринятыми ("мифопоэтическое пространство") — и происходит это, вероятно, даже не намеренно со стороны автора! — в чрезвычайно комплексный литературный текст. Этот текст, однако, вряд ли можно напрямую соотнести с долгой традицией русской

литературы «о сектантах» — этому препятствует постоянно ощущающийся "взгляд изнутри". Решающим оказывается нехарактерное для реалистической литературы XIX в. (Мельников-Печерский, Лесков) и недостижимое для модернистской литературы XX в. (Андрей Белый, не говоря уже о второстепенном его подражателе "от противного" Пимене Карпове, чей "сектантский" роман "Пламень" рассмотрен подробно в [6]) полное авторское принятие исходных временных и пространственных координат описываемого мира. Именно этот взгляд позволяет назвать «Полуостров Жидятин» мифопоэтическим романом, налагающим на реальность очертания мифопоэтического пространства, ощущение мифопоэтического времени (естественно, не без соответствующих искажений) через преломляющую линзу своей особой культуры.

Юный герой «Жидятин» как бы проецирует сквозь линзу своего сознания еще одно изображение на историческую реальность последнего десятилетия советской эпохи, поверх ее уже существующей, спроецированной из других источников картины, но эта "первая" картинка для него, а следовательно и для нас, так бледна и так нечетка, что новое, "верхнее" изображение оставляет ее почти неразличимой, "съедает" ее на экране нашего восприятия, вплоть до отдельных вылезавших в просветах деталей и с большим или меньшим усилием угадываемых контуров. Как следствие - историческая реальность переводится в систему категорий, принятых семьей героя, этим последним осколком крошечной общины "тайных евреев", затерянной среди скал, лесов и озер Карельского перешейка. В этих категориях теряют свою актуальность идеологические параметры, определяющие за пределами рассматриваемого текста наше отношение, отношение людей конца XX века, к современным нам историческим событиям и обстоятельствам. В данном случае, важнейшим для нас (но не для них!) событием и обстоятельством является конец советской цивилизации - избрание на должность Генерального Секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева, поражение Советского Союза в "мирном соревновании систем", война в Афганистане, идеологическая капитуляция коммунизма, развал хозяйства, недостатки снабжения и т.д. Все вышеназванное проходит

практически мимо зрения "русских марранов", что не означает, однако, что они ничего обо всем этом не знают. Не могут не знать, не могут не сталкиваться на каждом шагу, но приоритетная структура их сознания отводит признаки и следствия вышеописанных явлений на периферию или же присваивает им другие, экзотические для нас причинно-следственные связи. Восприятие этими людьми окружающего их мира характеризуется прежде всего "относительным" (и с нашей, европейски-рационалистической точки зрения, *внеисторическим*) взглядом на время. История существует для них как бы одновременно, не в виде линейной цепи следующих друг за другом внешних событий, важность которых для индивидуального существования увеличивается с приближением по временной оси ко времени физического существования данного индивидуума, но в качестве некоего логического дерева, каждая "развилка" которого продолжает оказывать постоянное и непосредственное воздействие на сиюминутную жизнь и находится к "сидящему под деревом" индивидууму гораздо ближе, чем окончания ветвей. Корнем же этого временного дерева, источником всякого времени, самым близким и самым близко переживаемым моментом, как ни парадоксально, является в большинстве случаев *место* (или же перемена места). Для верующего мусульманина, например, переезд Магомета из Мекки в Медину ("хиджра") является более важным, в том числе и с практической точки зрения, более определяющим для его текущей жизни, чем последнее повышение цен на электричество, не говоря уже о Второй Мировой войне. Элементы подобного восприятия исторического времени характерны для любого религиозного сознания и чем это сознание религиозней, тем в большей степени такие элементы, замыкаясь в систему, подавляют и отменяют преподносимое современной цивилизацией *историческое* время-последовательность (см. замечательную своей чеканностью формулировку в [7]).

Языковые особенности «Полуострова» заслуживают отдельного теоретического рассмотрения, каковым я вместе со студентами моего социолингвистического семинара, собираюсь заняться в следующем учебном году. Основной тезис: замкнутая культура образует внутри языка мифопоэтичес-

кую речевую капсулу. Распространяемое в такой капсуле отдельное простое сообщение теряет за ее пределами и простоту, и отдельность, и первоочередную информационную функцию, то есть, оно становится для внешнего наблюдателя выделенным *социо-эстетическим объектом*, тенденцирующим к репрезентации всей капсулы в целом. Иными словами: исчезают социологические приложения языка (чтобы никогда не замениться другими). Равноправие (равноудаленность) языковых средств текста по отношению к языковым средствам читателя устанавливает иные эстетические и хронологические отношения между ними, создает, по моей терминологии, *мифопоэтическое расстояние*.

Открытость Вашего журнала ко всей этой (и близлежащей) тематике и проблематике, определяющей фон и контекст романа Олега Юрьева «Полуостров Жидятин», представляется мне заслуживающей самого глубокого уважения и поощрения. В случае, если Ваш интерес выходит за пределы беллетристики и распространяется на научную, научно-популярную и научно-художественную литературу (продающуюся, кстати, в наше время не хуже, чем стихи и романы), позволю себе обратиться Ваше внимание на [8] и [9], каковые сочинения, в основном, историографического и эссеистического характера, могут быть представлены на Ваше рассмотрение в самые сжатые сроки. Права на перевод [5] на финский и шведский языки принадлежат хельсинкскому издательству "Tavaroiden sailytus", остальные мировые права пока что свободны.

Жду Вашего скорого ответа.

Сердечный привет из-под Полярной звезды, пользуясь случаем, прошу Вас также передать мои сердечные приветы и благодарности Его Превосходительству Почетному Консулу Республики Парагвай в Герцлии, Вице-Председателю Лапландско-Израильской Торговой Палаты д-ру Юкке-Пекке Куркияйкинину, чьей рекомендации я обязан нашим приятным знакомством и, надеюсь, плодотворным сотрудничеством.

Уважающий Вас

Яков Гольдштейн

[1] Ник. Морозов (Я. Н. Гольдштейн). Карельский перешеек — русская земля на северо-западе. Л., 1977. *Пользуясь случаем, не могу не высказать своего приятного изумления от неожиданной встречи в присланной Вами рукописи с цитатой из этой моей давней работы (см. конец 2-ой главы).*

[1а] Я. Н. Гольдштейн. Карельский перешеек — финская земля на юго-востоке. Хельсинки, 1997 (на фин. и рус. яз.). — *то же соч., переработанное и дополненное.*

[2] М. З. Козьмин ("Иудейской секты субботник Моисей Захаров Козьмин"). Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников. В: «Еврейская старина», трехмесячник Еврейского Историко-этнографического общества, под ред. С. М. Дубнова, тт. VI-VII, С.-Петербург, 1913.

[3] Я. Н. Гольдштейн. Русские инославные и нехристианские секты. В сб.: «Религиозно-обусловленные составляющие этногенеза». Труды Лапландского Государственного Университета, Серия «Этнология и религиоведение», подсерия «Russica». Рованиеми, Финляндия, 1997. *Цит.: «С точки зрения еврейских религиозных и гражданских законов этническое, в данном случае русское, происхождение не играет ровно никакой роли: евреем считается всякий, исповедующий еврейскую религию или рожденный еврейской (в этом же смысле) матерью. Поэтому, например, т.н. «ильинцы», воронежские крестьяне чисто кровно славянского происхождения, принадлежащие к субботнической общине, пережившей дореволюционное и, после некоторого перерыва в 20-х гг., когда их еврейская самоидентификация была официально признана, в т.ч. образованием сельхозкоммуны «Еврейский крестьянин» (sic!), также и советское давление, безо всяких проблем получили разрешение на въезд в Израиль в качестве государственно и религиозно признанных евреев. К середине 90-х гг. они практически полностью выехали в еврейское государство». Об "ильинцах" см. также в [3а].*

[3а] Л.А.Тульцева. Эволюция старого русского сектантства (на материалах Воронежской области). В: Вопросы научного атеизма, выпуск 7. М., Мысль, 1969.

[4] Я. Н. Гольдштейн. История российских евреев от второго раздела Польши до второго раздела России. *Рукопись, ок. 1400 стр.*

[5] Ник. Морозов (Я. Н. Гольдштейн). Схарья, премудрый жидовин. Исторический роман-хроника. *Рукопись, ок. 500 стр.* В художественной форме, но на строго научной основе излагаются события древнерусской истории начиная с появления в Новгороде (1471 г., по др. данным 1475 г.; прибыл в свите киевского князя Михаила Олельковича) ученого еврея Схарьи и образования вокруг него кружка т.н. "жидовствующих". распространения его идеологического и политического влияния на высшие круги Московского государства, вплоть до самого великого князя Ивана III, кончая осуждением на церковном соборе 1490 г. ереси "жидовствующих" за то, что они "хулы изрекали на Иисуса и Марию" и "чли субботу паче воскресения Христова", и преследований, санкционированных в 1504 г. Иваном III и завершившихся сожжением в Москве ведущих представителей этого религиозно-политического течения.

[6] Я. Н. Гольдштейн. Неопровергнутый голубь. О романе Пимена Карпова (1884 - 1963) "Пламень". В сб.: «Бульваризация русского модернизма. 1900-20 гг.» Труды Лапландского Государственного Университета, Серия «Литературоведение и история литературы», подсерия «Russica». Рованиemi, Финляндия, 1997.

[7] «...В результате того, что Тит-римлянин разрушил Иерусалим и Израиль был изгнан из своей страны, я родился в одном из городов изгнания. Но я всегда рассматривал себя как рожденного в Иерусалиме... » (Шмуэль Иосеф Агнон. Нобелевская лекция).

[8] Я. Н. Гольдштейн. Более или менее секретный протокол (Лингво-мифологический опыт об определении еврейства). В: Я. Н. Гольдштейн. Разговоры в пользу бедных. Маленькие трактаты. (Эссе и литературная критика 1978-98 гг. *Рукопись книги, общ. объем 700 стр.*)

Я. Н. Гольдштейн. Второе пришествие человека без свойств (Две «посмертные культуры» — посттабсбургская и постсоветская). *Там же.*

[9] Я. Н. Гольдштейн. Введение в заблуждение. Исторические очерки 1978-98 гг. *Рукопись, ок. 630 стр.*

1. И БУДЕТ У НАС КРОВЬ ЗНАМЕНИЕМ НА ДОМАХ

Мискин кисленький краешек постукал дробно по зубам, те в корнях беззвучно и пустотело зазвенели, миска же отодвинулась — наконец-то разгородила дыханье. Следом, с запоздалым каченьем и чмоком, на донце у ней отхлынула мшистая жижа — холодный маковый суп. Баба Рая, отставивши миску на табурет у изголовья, отерла мне шероховатым запястьем подбородок и губы, приподняла под шею с подушки и зашептала, будто широко, беззвучно и душно засвистала рот в рот: «Проснешься, князенька, все вспомни. Первым же долгом вспомни все как было, как есть: где ты? кто ты? где у тебя что? — верх, низ, право, лево. Где Рим, где Ерусалим. Чтобы было, как было. А пока не вспомнил — очей, однако, не размыкай, целиком сначала в уме найдись. Великий нынешний день ото всех прочих отдельный, — пока не нашел себя всего до последней щепотки, никуда, гляди, не гляди. И не думай даже, князенька! не то до скончанья века не найдешься, будешь вон как Яша наш — по крайний срок потерянный». Отпустила падать затылком в подушку, наложила бескозырку на подпрыгивающее лицо — до верхней губы, чтоб во сне не задохся, и ушла за простыни.

Ну вот я проснулся на койке, лежу навзничь (посмел бы разомкнуть веки. не увидел бы все одно острого чердачного потолка: его высота теряется в темноте). На лице у меня сидит еще Яшина эта бескозырка бесхвостая, затхло-сладко пахнет залубенелым суконцем, с исподу сырая и сыр-ная от пролитых во сне слез. Койка изножьем приперта под среднее западное окошко — сквозь жидкое сено матраса пружинные перевязки подкалывают спину, затылок заваливается за изголовье — слегка. Чердак весь вдоль, поперек и угловым ходом разгорожен простынями, они там в сумерках должны смутно белеться, а поверх приналегли темно кривые девкины чулочкины и растопыренные рубахи. Куда только было гвоздь вогнать, где что деревянное — хоть стреха, хоть стояк, хоть веревя дверная — туда девки и наколотили, а потом опутали все от гвоздя к гвоздю военно-полевой связью, полторы катушки извели хорошей, финской. Высотою по плечо, по бабы-Раино. Чердак пройти из конца в конец, от трапезного места у печи до выхода на лестницу, и чтоб без

подныра под простынные завеси — с ума съедешь, поте-
ряешься. Один только Яша знает все входы и выходы,
проходы и завороты. Все его кричат, коли не помнят куда. А
без простыней тех и того хуже — перережешься, того гляди,
в полусвете об сшелушенную телефонную проволоку. Где у
бабы Раи плечо, у меня уже горло.

На шестидюймовом гвозде над высоким креслом пустым,
над престольным местом из мореной морем сосны, покачи-
вается дореволюционный фонарь «летучая мышь», пожужжи-
вает с отстрекотом динамой ручной. Пока временно все так
оборудовано — мы ж тут кроме Яши не навсегда живем на
пакгаузном чердаке. Самое крайнее, только до русской паски,
когда съедут снизу ленинградские дачники. Внизу, под полом,
дачники те сейчас глухо друг на дружку кричат, перебегают
из кухни в комнату и из комнаты в кухню, топоча, а то нач-
нут громыхать в сенях об ящички лыжами. Шли бы лучше
поискали по округе своего малого, а то он, в поселке
говорят, потерялся у них: с недельник никто его не видал ни
здесь, и ни там, и ни где — недельник уже с гаком. Не врут
коли поселковые, будто пацан у них потерялся, — поэтому,
зна-чит, и не съезжают: надеются, вдруг найдется. Стулья у
них бесперестанно скрипят, двери бухают и радио не выключа-
ется никогда. Городские русские люди, они привыкли
шуметь, такое их свойство.

Наш верх, их низ (но только до русской паски их, потом
вновь наш) — а вместе получается пакгауз. Пакгауз постав-
лен кесарем Пстрой на Жидячем Носу (по-русски «погран-
запретзона полуостров Жидятин») у самого Алатырского
моря, шведскими пленными сложен из красного голландского
кирпича и дан по скончанье века нам. У бабы Раи на то есть
бумага с гербом в жестянке из-под «папирос Жуков» от
самого Жукова получена, от балтфлотского главного адмира-
ла, и другая еще — от хозуправления штаба Ленинградского
военного округа. На жестянке нарисован турок в обширных
шароварах полустертого цвета, на голове у него перевернутое
алое ведро с кисточкой, над кисточкой висят колечки рва-
ного дыма одно за одно зацеплены, а усы, как у сомика. У
кого усы, тот сволочь.

Хорошо, тепер где у нас Рим? Он у нас от пакгауза на
зюд-зюд-ост, от меня же, как я лежу, об левую руку. Это у

язычников город великий, зовется от них также Питер-Город, Ленин-Город и просто: город; ехать туда можно — сухим путем дуговым (в рейсовом автобусе или по железной дороге), а то хоть и морским прямым ближним, если на целебные бабы-Раины собачьи носки выменять у Цыпуна новую минную карту, а отмели-то мы и сами знаем какие, по нашему здешнему житью искони. Да хоть бы и ближним, — ближним тоже не ближний свет, да и делать там нечего. В лето за той зимой, как нас Красная Армия и Краснознаменный Балтийский Флот назад своевали, баба Рая еще молодая была, еще Яшу титькала, так тогда ее и старуху Субботину (не старую старуху, а среднюю, Семеновну горбатую, и других здешних, кого теперь никого не осталось) возили туда на броненосце «Двадцатилетие пролетарской революции» как освобожденное христьянство от белофинского гнета с музыкой, и музыку эту Яша запомнил: *Товарищ, я вахту не в силах сдержать, сказал кочегар кочегару...* Река у них, говорит баба Рая, от поперечной широты на низ не течет, только пошевеливается по себе стоймя, от близкого солнца пошла искрой накось, а под искрой — с рудным отливом темна и напухла от донного стеснения к середке. На дне же, особенно под перепонными мостами, видимо-невидимо голокостых шкилетов — людских, так и зверских; шкилеты те по пояс завалены каменным и железным хламьем, а сверх пояса волнуются, касаются и цепляются. В улицах стоят лишь одни церкви с колоннами и острями у них, пивные сады и срамные бани, а на местах на площадных расставлены всякого размера и вида христы — меловые, железные и из американского золота, а также и иные бешменчики, на конях и без, а которые голые. Самый же страшный — зеленый, вздутый, сердитый — двумя жеребиными ногами скачет по острому камню, зовет рукою за море, на закат. С нашей крыши, с заднего ее восточного ската, ясным утренником видно в командирский бинокль: виснут над городом тем отдаленным дымы гурьбой — белые, черные и пегие, и каждый упирается в исподнее небо, в недалекую небесную твердь, и уходит коленом куда ветер дышит: то из поганских курилен всходят куренья и стекаются в чересполосое плоское облако — с отекшего восточного боку розоватое, а по кромке нестерпимо сверкает.

Так, где у нас теперь Ерусалим, город старый? Он — стоять к морю передом, к пакгаузу задом — об правую руку, на норд-норд-вест; от хананеян белоголовых зовется Хельсинки, оно же Гельсинки или Гельсинский Форт; Сивер-звезда над ним когда горит, когда мерцает, когда укрывается. Сегодня бы ее увидеть можно, сегодня нарочно приотворены на ладонь правые створки в западных окнах чердачных (а восточных и во всем пакгаузе нет, кроме снизу кухонного, — восточных кесарь Петра не прокладывал окон); но я же не разлепил еще век, и на мокрое лицо мне налегла бескозырочка Яшина: я еще весь целиком не сыскался. Пуску нам туда больше нет — там сидят чухонские хананейские люди, они же мимо нас в русскую землю ездят, а к ним в землю нельзя. *Где чухонец прошел, там жиду делать нечего*, шутил начпогранзаставы капитан татарин Юмашев, пока (уже месяца четыре тому) не потерялся в запретном лесомассиве. Когда в русском царстве сделалась некогда смута и они своего кесаря смертью казнили, были у них мятежи, и междуусобья с крови пролитьем, а также большая махаловка, тогда вот отчинили себя те чухонские люди из-под русской руки и стали жить сами, своим уделом. В набольшие города называли Ерусалим, больше-то у них и не было, кликать же его велют только по-своему: Гельсинками и никак иначе. Из иных народов живут там у них лишь одни басурманские люди-татары: испокон века в дворниках служат, но и держат от себя мясницкие лавки: режут на колбасу лошадей. Похабство какое — коня есть! Баба Рая, пацанка еще была, ходила туда новые бумаги на пакгауз справлять, как старые, от кесаря Петры, через отчиненье ихнее вышли из силы, но про то она ничего не рассказывает, как ходила. Что вдруг — или такая была страсть? То было во время октябрьской революции и гражданской войны, с окрестных усадеб барские собаки сбежавшие — длинные, голые — стаями сбились и ели в лесу людей. Ехать до Ерусалим-города недалеко бы, на катере береговой охраны рукой бы даже подать (если знать все банки, как мы их знаем по нашему здешнему житью искони, и где лежат мореные варяжские корабли и висят подводные бомбы цепные, а есть доподтуда проход и иной...) — но ездить заказано накрепко от власть предержащих, да куда и незачем. Баба Рая говорит, от нашего, от жидовского, никакого там ничего не

осталось: Мойсееву Гору язычники при первом еще Николае-кесаре в яму срыли и восставили из той ямы римскую церковь с колоннами и острями и с круглой золотой шапкой; трогать ее финны боятся, не дерзают дразнить русскую силу, так и стоит. Но Ерусалима от нас не увидишь за лесами, за скалами, за изворотом взморья, за береговой мглой и за косым солнечным отблеском от воды — и с верхов не увидишь, даже и в ясный утренник даже и в командирский бинокль даже и с самого пагдаузной крыши конька.

Впереди, куда я ногами (если их вытянуть, через собачьи носки знобно студит голландская кладка), широко раскинулось Алатырское море. Оно кипит шесть дней кряду ледяным кипятком, катит на берег волна за волной заплетенные мохнатой водорослью волны, а в день в седьмой утихает, покоится. Сейчас вот с берега ни гуду не слышно, ни малого какого плеску, только жиличкино буркотанье подбивается с-под полу: видать, молится своим бешменчикам, это у них такие мелкие домашние христы типа чемоданных чертенят, с собой возят. Если поднять слабую половицу под койкой, они их чуть что через второе слово на третье поминают: *бешменчики то, бешменчики се*, а так, кроме нижнего буркотанья, — тихо: чередной уже, значит, настал день седьмой: Полуночное море, океан Ханаанский, лежит, не шелохается, и все корабли на нем и под ним, а рыбы там так и так нет, иногда вот нанесет невесть откуда мертвых угрей несметно — и невесть куда смочет. Мы их не едим, поганая они снедь, полузмеи морские, бесчешуйчатые. А дальше за тем Алатырским морем широким, раскинутым — и нету ничего, одна пустая вода, в нее же загибается небесная твердь, нижнее исподнее небо с Мойсеевой Дорогой на нем, от христианских язычников *Млеющий Путь* или же, с военморбазы мичман Цыпун говорит, *Чумазый Шлях* называемой. И как только не скатываются крайние звезды за край? — не знаю, крепко-накрепко, видать, приколочены: Сам Бил, не как девки наши потукивают от локтя с бабьим изворотцем, а сплеча Бил, одним Забахом; — так там до самого края ничьей нету земли, или, может оказаться, чья-то земля есть, но ее баба Рая не знает, или знать, может, знает, но мне сказать рано чья, не то раньше срока состарюсь. Может, когда-нибудь теперь скоро скажет, как минет этот великий и особенный день.

За пакгаузом сзади, за глухим пакгаузным тылом, сразу же за колодцем начинается долгое болото кишкой: трухлявая буреет подо льдом прошлогодняя гать, а с того конца налажена загородная жерда на колесике, по-русски «шлагбаум». У жерды спит в полосатой будке сторожевой солдат к тому наряженный, за солдатом (минут еще тихим шагом шесть по грунтовой дороге) — поселок городского типа: два дома шлакоблочных углом, клуб Балтфлота с колоннами, церковь со вдовым, но непьющим Егором-попом во имя св. св. Апостолов Петра и Павлы, а посерединке фонарь электрический — матовый шарик на крашеной серебряной краской ноге. Об то место Жидятина деревня была раньше, дворов так под сорок, на той деревне жила наша родня, также и бывшая родня перевернутая, и другие еще люди русского, чухонского и всякого племени неродные. Из них уже нет никого, и семени их не осталось, кроме как тех Субботиных — когда нас Красная Армия и Балтийский Флот обратный раз своевали, кого убило, кого в финскую землю увело, кого в сибирскую землю побросило, на их же место прислали всякого люду не знаю какого с Руси. Забобонского. Говорят они речью не знаю какой — мы ее с середины на половинку разбираем: слова есть похожие, а склад весь не тот, как у нас. Забобонская речь, одно слово, русская. Они нас с бабой Раей и девками всех ненавидят, и Яшу тоже, невесть чего про нас говорят и заглазно евреями дразнят, черным русским словом. Это они так нашу нацию и веру бранят, одно слово, скобари — такое у них свойство. Пацанам поселковым я за это сходу вламываю. Вырасту, и взрослым тоже вломлю.

- Баба Рая, а кроме нас еще есть на свете жида?

- Еще Субботины те были, да при Николае-кесаре обратно в русскую веру перевернулись, в забобонскую.

- При котором это Николае? При Николае Кровавом?

- Спи, князька, спи, радость... Мы на этом свете одни жида, никаких больше нету. ...При Николае том, Палкине, при каком же еще!

Все, можно глаза уже отворять? все я вспомнил, что и где, и как оно до того было? Забыл что — стану, как Яша, по крайний срок потерянный: *На палубу вышел, сознанья уж нет, в глазах его все помутилось...* Под бескозырочкой сжимается-разжимается распроедртая духота с искрами и

золотыми кругами, а сама бескозырочка с носа на рот съехала. Вот как задохнусь я тут у них в великий в особенный день, — что будут делать?! Поправить же бескозырку никак — обе руки у меня от кисти до локтя примотаны инд-пакетным бинтом к коечной раме, чтобы я, дескать, не сделал себе во сне никакого вреда. Что ли, покричать бабу Раю? — да ей и не отойти сейчас от плиты: она сушит там одно кожаное колечко, я его срезал сегодня с мужеского уда себе, в знак рождения и завета. Не перевернешь вовремя, колечко и прогорит, стлеет — тогда все пропало, второго-то не нарастет, не ноготь. Яшино вон колечко прогорело, пропало.

От простого мотанья головой не делается ничего той бескозырке — глубоко сползла, за подбородок зацепилась, задела накрепко. А если ее поддунуть сильно и подщелкнуть языком в ободок, и колотить при том, как дятел, о плоскую армейскую подушку затылком? Нет, не выходит ничего, не спадает суконная дура, перекосилась только слегка, но хоть какая-то щелочка приоткрылась и можно вдохнуть сквозной холод от приотворенных окон. Внизу-то уже не болит, совершенно не болит, будто ничего и не было — от бабы-Раиной мази, от подорожного масла с маковой вытяжкой, все там как обледенело внутри. Под ложечкой — щемит, это да, но это щемит просто с голоду: с самого рассвета во рте... в роте, вот уж доподлинно, одна только маковая росинка и была из снотворной той миски, а баба Рая с девками, те уж восьмой день не евши сидят, и как только сносят, бедные? Теперь и я буду с ними опощаться голодом — перед жидовской паской восемь дней кряду: сегодняшнего утра я у нас родился в лоно Аврама, Исака и Якова и первый в жизни раз на невидимых коленях сидел у пророка Ильи — на престольном том месте под фонарем «летучая мышь». И в предпоследний, коли на моем веку не стряется ничего такого особого дальше. Потом и Илья исчез, как не бывало, мало ли у него забот! — но к полуночи, к великому разговенью, воротится, придет по Мойсеевой небесной Дороге обратно: есть у него еще одна нужная служба назначена на Жидячьем Носу. Баба Рая сказала: *Благословенъ приходящій!* и окровенила об меня пяток рыжих перьев от петуха Авенирки из хвоста, и тоже запоспешила, пока не засохло: дверные верей мазать и оконные ставни. Так надо, чтоб я не умер. Но и простыни, где

она между пробегала, в красных остались помазках — все теперь наново стирать, не отдашь же в моей крови замазанные простыни холостым офицерам русским по пятаку штука стирка, две копейки глажка. Пока баба Рая пела и говорила, и девки ходили туда и обратно (левая рука машет, правая полуопущенным козырьком приставлена к бровкам), пока я садился на кресло, оттягивал и разом резал, по-над коньком пакгаузной крыши кувыркались меньшие ангелы, толклись у спуска на лестницу, плескали и били крылами — бело-золотыми папоротьями — об десятую ступеньку, об пустую приступочку, с какой никуда — лишь на конек да подшагнуть на исподнее небо. Потом и они улетели. Оттянул, резанул, больно было до слез, потом от холодильной мази утихло, а теперь обратно стреляет легонько, потягивает, как заусенец, и все там набухло под индпакетным бинтом, будто тяжелый, мокрый лед. Хорошо хоть, не вздрочилось со сна, даже думать не хочется, чего бы там было, какая бы вновь сделалась мука. Спасибо хоть, покуда выручает заговоренный мак бабы-Раин.

Где-то за простынями глухо, глухим раскатом всхохатывает Яша: вспомнил, не иначе, что смешное из своей любимой кинокартины. «Любители итальянской оперы, — жатым вздрагивающим голосом говорит Яша. — Любители итальянской оперы! Бум! Бум!»; лежанкины рейки трещат и стонут от его подскакиваний, голое белое лицо криво морщится, все в светящихся каплях. «Эй, матка, пойду-ка я завтра в кино, сказал кочегар кочегару!» «Нет!» — сразу откликается баба Рая. Потом, погода, добавляет: «В поселок ты даже не думай ходить, механик тобой недоволен. ...Тшш, ирод, малого прежде часу разбудишь!..» Яша покорно и горестно молкнет. Все врут они в поселке, будто Яша наш якобы совсем идиот! — нет же, он половину всего понимает и половину всего может делать. И то оттого только всего половину, что недостерпел, всего только половину всего вспомнил в особенный тот день, как ему тринадцать лет подходило — где он, кто он, где у него что, где Рим, где Ерусалим: значит, он только наполовину идиот. Вспомнил бы тогда все, как есть, как было (*чтобы все было, как было*), тогда бы он был первенец в доме, тогда бы он был жених, а не я, и тогда бы он самый главный жидовский принц был, а теперь буду я — а куда денешься, кроме-то все одно никого нет больше. А за

«идиота» я Вовке тому Субботину еще вломлю кренделей, подкараулю где-нибудь без евоной шоблы и мало не будет! Вот они шасть на шоссе, жевачку фарцевать под двухэтажным хананейским автобусом, а я его за Веркиным за ларьком как раз повстречаю, козла.

Интересно, отложит мне продавщица Верка «Пионерскую правду» от той и от этой недели, или же отдаст тому жилинину папану? Ему-то зачем? и чего он туда все бегаёт? — а мне надо: я жду знаменья.

Опять девки запели и заходили перед печкой — гуськом-гуськом гусиным шажком туда-сюда и обратно, но не слишком-то в ногу, особенно при развороте через левое плечо, но ничего, ладно, *сойдет для сельской местности*, как говорит замполит погранзаставский старший лейтенант Чучьчев, когда перед принятием присяги или каким другим войсковым праздником проверяет строевую подготовку личного состава части. Ветер от девкиной ходьбы мелко покачивает и пузырит простыни, запоздалый и ослабелый он доходит до моего лица, приносит паутинный шар теплого духа под бескозырку — то еще один протвинь с пресными калитками испекся, подошел; они его там встречают ходьбою и пеньем. Вкус великоденного хлеба хрупчат и пресен, но дух его — жирен и округл. От того духа сжимается крест-накрест живот и под язык подбегают жидкие слюны, но до великой полночи еще далеко, долго еще надо ждать той полуночи. Об полночь воротится Илья-пророк с вином и брашном в пакгауз — с неисчерпаемым котелком каши манной, медвяной, изюмленной, и можно будет сесть вокруг моей койки, и мореную морем доску наложить столешницей на меня, и хорошо разговеться на паску. И вина дадут ради такого дня треснуть: плеснут багрового азербайджанского «Агдама», сладкого, гнилого (или розового полынного вина, молдавского вермуту) из ендовы полуведерной черного морщинистого серебра и споят надо мной великоденную: «Раздвинулось море широко, лишь волны бушуют вдали, ведет Мойсей насъ далеко отъ египетской грешной земли...» Раньше была другая великоденная, слова другие и напев иной, да в последнюю войну забылась; теперь эта поется. Хорошо Яше, он все время колбасу ест и горя не знает. Это та половина, какой он не знает, но зато он поет ладнее всех — девкам, тем медведь на ухо наступил, а у

бабы Раи от кашеvarного и стирального чада да от папирос «Север», от пронзительных по четырнадцать копеек коробка, навсегда расселось горло. И еще у нее всякая песня слегка сбивается на «Миллион алых роз» в исполнении заслуженной артистки РСФСР Пугачевой.

«Адонаю, Адонаю, — хрипло бормочет баба Рая за простынями, — Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ, спасибо, что Вывелъ насъ изъ земли грешной отъ фараона злаго. Спасибо за хлебъ пресный, а солить его всегда есть чемъ... Спасибо за домъ этотъ крепкій, за убежище на краю...» В ее пухлых под черствой кожей руках подрагивает чугунный протвинь, позванивает, побрякивает о плиту, а девки с полуприкрытыми глазами все ходят туда-сюда-обратно гуськом гусиным шажком и поют тихо-натихо без слов, как ноют.

Дом-то еще да, крепкий, пакгауз кирпичный, — оно доподлинно верно. Хотя сами те кирпичи, пусть голландские, но уже кое-где и переложить бы их надо: какие треснули, какие выпали, а какие только мохом и держатся. Хорошо еще, замуравленные они у нас: в последнюю войну броненосец «Двадцатипятилетие пролетарской революции» три дня кряду палил Жидятину деревню прямой наводкой поверх пакгауза, выпаливал оттуда третью лыжную бригаду белокарельских стрелков, — такой стоял тогда по-над пакгаузом жар вперемешку с песчаной пылью, что кирпичики те и закалились тогда, застеклелись и замуравились. А где, наоборот, порастрескались (там мурава моховая выросла, муравейная). Еще бы крышу надо постлать новой толью, хотя бы передний, западный скат, а то протекать начала, зараза, — как подается на крыше лед, так с пол-чердака и напрудит, да через съёмные те половицы сырость понатечет и наниз; но дачников-язычников там уже не окажется, они будут съехавшие к себе в Рим-город до июля: свернули манатки и бешменчиков своих увезли, а мы подставим ведрышки — одно в кухне, одно в сенцах, одно в спальне — и таково обойдемся. Балки б еще перебрать, балки-то аховые, труха балки — где в сердце погнили, а где и древоточцем поедены, древесным муравеем жорным: обрухнем, того гляди, всем чердаком на голову дачникам нашим; жалко, хороший чердак, совсем еще новый, послевоенный — строил его русский начальник,

военюрист первого ранга Яков Борисыч Фридлянд, первый самый начОСО базы Балтфлота в Жидячьей Губе; тогда баба Рая (молодая еще была, Яше только восьмой годок шел) ходила просила его нас оставить в пакгаузе жить. Он сперва покочевряжился, потом разрешил, и даже матросов послал, чтобы ремонт исполнили и отделили пакгаузный верх под чердак. *А то снаружи огромный какой домина, а места внутри всего ничего — одна высота.* Еще велел в задней стене проделать окошечко снизу, теперь у нас там зимняя кухня, с видом на материк. А в подпол входы — из-под лестницы и наружный — забрали чтобы решетками наказал, и чтобы замкнули амбарным замком, и запечатали кесарской великой печатью: напухший земной круг под двумя витыми оглобельками. Спуск из горницы спальни замуровали матросы навовсе, а поверх цемента наклали в елочку палубных половиц с подбитого хананейского крейсера «Вяйнмейнен»; на том месте стоит у нас железная с шпичками кровать, прадедом Яковом с Питер-Города привезенная, с трехсотлетия Романова Дома; на той кровати сейчас, но только до русской паски, не дольше, нижняя жиличка спит с Яков-Марковичем ееным, а обыденно мы там с бабой Раей ночуем — ногами навстречу, головами вразвод. Девки зимой в кухне, попереk раскладной тахты, а ноги на подставных табуреточках, летом же им там у плиты жарко — они во времянке спят с курами, на помосте под наковальной. Яша, тот вообще до света по чердаку бродит — да он и глаз никогда не смыкает. Вот рухнет чердак — где нам простыни офицерские сушить? где Яша будет бродить напевая? а нам где жить, как дачники понаедут? и где мы тогда свою веру будем шабашить? А мебели наши, а посуда древняя, дорогая? а на пакгауз документы в турецкой жестянке в тайной стеной полости за буфетом? Все прахом пойдет, все, что товарищ Фридлянд, военюрист балтфлотский, нам тут разрешил и построил! Баба Рая говорит, начальник тот добрый был, даром что необрезанец христианский, но скоро его отставили, и полутора лет не прослужил тут у нас на Жидятине, на Жидячьем Носу. Девки рожались, как раз он дембелизовался верховным указом и уехал по месту призыва в свою Тьмутаракань - по-русски, в «закрытый порт Севастополь», на Руси самый дальний конец южный, к черному Турецкому морю. Его там пос-

тавили в Нахимовское училище имени Нахимова по забобонам главным философом, от мамки отобранных деток-нахимовцев суемудрию военно-морскому научать. Он и бабу нашу Раю звал с собой жить к теплему морю, плакал даже, до того звал, и слал потом открытки с зайчиками и киноартистом Кторовым, и телеграммы в семьдесят слов, но, само собой, не поехала она на чужую сторону — от Ерусалима далеко, и пакгауз жалко бросать исконный, только что задарма отремонтированный; уже и хозяйство почти что наладилось: с воснморбазы электрический ток подвели, а с погранзаставы совсем еще хорошие печки подвыкинули из бронебойного листового железа, старые финские: Яша их подобрал, подпаял и установил на чердаке и на кухне — живи не хочу! Да и как уедешь? — тут же под восточной стеной все поколенья наши лежат, а на кладбище поселковом пустые только могилы под крестами для виду, мы их на поминальный день моем и яички над ними едим. Праматери же наши все здесь, и многие праотцы также, — здесь, в самом начале бездонной топи, под пакгауза восточной стеной: та стена вся глухая, кроме новодельного окошечка с кухни. Когда пекутся у нас на великий день пресные хлебы, выходят праматери и праотцы из-под сорока разгнивших гатей на горячий дух известковый и виснут над протвином сернистыми дымками, вдыхают. Как их бросишь? — а с собой не возьмешь! Скорей они тебя с собой заберут, коль под великий день верей дверные да притолоки оконные не помечены кровным родством — заберут качаться стоячей тенью в болоте, до самого того дня, как воротимся в Ерусалим, старый город жидовский — и живые, и мертвые. Или это для ангелов знаменье, какие над крышею плещут? Ну неважно: он бы, Фридлянд Яков Борисыч, все равно бы в нашу веру и нацию ни за какие коврижки не перешел бы, у него своя была, русская. А у нас своя. Его все равно через годик-другой в Тьмутаракани расстреляньем казнили, к бабе Рае тогда подъезжал с Выборга секретный человек в малиновых околышах, расспрашивал все о нем, да и обмолвился ненароком: казнили. *Вы, говорил, Раиса Яковлевна, вполне наш человек, простая русская женщина, мы вам доверяем, у вас почти все семейство погибло от рук белофинских диверсантов, а вот гражданин покойный Фридлянд, не хотел ли он взорвать броненосец «Тридцатилетие*

пролетарской революции», не слышали случайно? — а чего ж тогда тот переломился ни с того ни с сего на Гельсинском рейде по всем теоретическим шпациям? а, кстати, не просился он к вам в подпол запечатанный, а оттуда подземельными трубами до самых Гельсинок ход, а то и далее, до шведской Стекольной, еще кесарь Петра клал, — не просился, нет? а не восхвалял ли с глазу на глаз чего вражьего — песен каких, киноартистов или оружейных вещей? Трудная у них служба, у воинских людей христьянских, под позором и смертью ходят и коли войны ни с кем нет.

«ВОИН, ПОМНИ! АНТИФРИЗ — ЯД!» — черными извивистыми буквами написано на рубероидной стенке погранзаставского гаража. Рубероидом-то и нашу крышу обкласть бы тоже невредно, с него дождик ладно стекает. Погран-та-застава, чей рубероид, хоть и стоит на самом берегу почти, в том амбаре, где прежние с Жидятиной деревни люди держали лодьи свои через зиму, а потом карельских стрелков казарма была, но хранит она только сухопутный державы римской рубеж, одну только лишь сушу, а моря почти не касается — Алатырское все море от Рима до Ерусалима и обратно бережется единственно флотом: поверху — авианосцем «Повесть о настоящем человеке», откуда возносятся самолеты и восстают крестовые лучи: попадет в перекрестье пролетная чайка, перевернется и падет кверху пальцами; посередке — минными тральщиками, сторожевыми катерами торпедными, прочими боевыми плавсредствами; но также бережется и по самому низу: там у них порасставлены всюду железные мережки на дне, и навешены ржавые бомбы цепные, и ходят неслышно подлодки, но то не с нашей базы подлодки, не с Жидятинской, она у нас маленькая, — а есть на Гельсинском рейде подводная скала с чугунными воротами в самом основанье, изнутри полая вся, водолазами выдолбленная — в ней та подлодная база и есть, а наверх они никогда оттуда не всходят, такой у них с хананейским народом договор заключенный: по низу как хочешь ходи, а чуть всплыл — все, пропал. ...Яд не яд, а Пашка тот усатый Субботин-убийца, который опять сейчас на зоне, выпивал его и не умер, здоровьем только ослаб и стал временно нетрудоспособен к телесному усилью, оттого его с гаража и погнали, и

наняли нашего Яшу, вот он там с прошлого года за семьдесят три рубля помесечно плюс котловое довольствие и вкальвает — катает туда-сюда бочки с соляркой и когда кому надо приподымает мотосани военные за заднюю ось. *Яшка-Домкрат*, зовет его веселый замполит Чучьчев. Обмундированья же и семидесяти же копеек в месяц взамен табачного довольствия он не получает как вольнонаемный, а не военнотружущий. Зато он может кровь сдавать в Красном Кресте-Полумесяце на отсос за двадцать пять рублей денег и стакан крепкого слащавого «Агдама»-вина выпить, у него группа крови нолевая, для всех людей подходящая, а ему не подходит ничья. Через то нас Субботины пуще всех ненавидят и при любом заглазном случае оговаривают *евреями*, черным русским словом, а с них безьянничает и прочий поселковый народ, и мелкая их пацанва также. Только что они о нас знают, новосельные люди? — мы свою веру ото всех бережем, шабашим укротно, и ходим для отводу глаз к попу Егору в церковь, и в клуб Балтфлота на русское кино, и все такое, а во всех бумагах казенных у нас так и значится: «национальность — русская». Фамилия же та наша — Жидята — случайная, от Жидятина полуострова отведена; как мы здесь живем искони, потому нас так и назвал первый Лександра-кесарь: *Жидята*. От кесаря того приходил в шелковых лентах и белых чужих волосах такой старчик один — нарочно давать народу фамилии русские: Жидята там, Субботины, Замысловатые... Безродные еще была фамилия, были и иные, но с истеченьем времен позабылись. В основном, типа как Сообразительные и Беззаветные, баба Рая говорит; — тому строгому старчику нравились фамилии, как у миносок. А с поселка скобари, сборный по сосенке люд, не умеющий отличить правой руки от левой, ничего об том всем не знают, да и знать не могут, так просто твякают, тягом за Субботиними, а те Субботины — из-за гаража с котловым довольствием и еще из-за разного другого по древнему счету — вечно умышляют на наше злосчастье. *Бог не фраер, правду видит!* яростно кричал перед пакгаузом Пашка Субботин и кидал наземь кепку. *Бог не Яшка, видит кому тяжело!* шипела и плакала у него за спиной старуха Семеновна и мелко закрепивала кривую грудину. *Убить вора блядина сына, а тело в лес собакам кинуть,* сухо сказала баба Рая сбоку у подзорной луковки в ставне...

У койки моей собрались — кричат курочки, зябко поджимают то одну, то другую лапу — но что-то среди них не слышать петуха Авенирки походки с подцоком, не слетел ли он, пестренький, на улицу через приотворенное какое окно? — ох, не застудился бы на последнем льду... на дряблом апрельском леде!

* * *

— Еврея, Агрипина Семеновна, по виду обязательно можно легко отличить — они все большие, толстые, с большими носами. Моются чаще людей и все такое. И говорят как бы не по-нашему.

— Не по-русску? — Семеновна горбатая подняла и повернула лицо от половой тряпки, но тереть половицу не перестала. Смотрела извернувшись снизу, а сдвоенные руки ходили под ней взад-вперед отдельно. Голова двухметрового попа Егора терялась в потолочных сумерках церкви, черное же ведерко на той голове потерялось в тех сумерках совершенно; казалось: длинный золотой крест — парчовая кокарда — висит над нею в ничем, совсем в пустоте. Определенно видны были только белые выкаченные глаза, их слюдяное сверкание, да встопорщенные усовые кисточки отчетливо чернелись поверх вспухлых щек.

— Как бы по-русски, но особо. Во-первых, с акцентом. Многие буквы они не так говорят, как мы, например, «рэ», «сэ» и «мягкий знак». Да вы мойте, мойте, не торопитесь, Агрипина Семеновна, время у нас, как говорится, еще вагон до открытия, и маленькая тележка — добрый еще час до заутрени. Мы еще с Божьей помощью еще и отчаяться успеем, мне вчера раба Божья Вера-ларешная свеженьких сачек подкинула с изюмом. Во храм не ходит, а батюшку на великий пост балует, это ей зачтется и все такое... .. Вот-вторых же, сама речь у него не простая — не наша, не сердечная, а как бы с ехидцей, с задней мыслию, с под...стебцем как бы, прости Господи. Но так-то они хорошо говорят по-русски, для конспирации. Почти незаметно.

Семеновна понимающе кивнула под себя.

Вот она домоет на крылосе, выкрутит в ведро тряпку и длинно плеснет с порога на зачерствелый сугроб; там заши-

пит, задымится, а у отца Егора в задней горнице, где он переоблокается в служебное платье, как раз закипит-поспеет электрический самовар. Они уйдут туда пить чай №36 со вчерашней сайкой и беседовать о последних известьях, а я приподыму снизу тихонечко скользкую доску, третью от аналоя, и неслышно высунусь на локтях из-под пола. Там уже будет буквально рукой подать до отца-Егорова желтой жестью обитого рундучка с забобонскими книгами. Только бы успеть обернуться. пока начнется заутреня. И только бы не промахнуться, как прошлым летом.

2. А ВОДЫ НАМ БУДУТ СТЕНОЮ ПО ПРАВУЮ И ПО ЛЕВУЮ СТОРОНУ

Что было, что есть? — Ну, это просто: тыщу лет назад жили в Испании, недалеко от Египета, король Франко с королевой Езавелью. Франко-король был сначала жид, а потом перевернулся в христианскую веру, в забобонскую, его Езавель-королева перевернула, не то, говорит, больше на яблоко не дам. Он без того не мог и перевернулся. А та ему: "И всех жидов своих переверни, не то на яблоко не дам". Он велел всем жидам перевернуться. Одни перевернулись, другие не захотели, тогда у них началась в Испании гражданская война, и король Франко стал всех ловить, которые к нему в забобоны не пошли, и отводить к Езавели в инквизицию — она у них там выедала сердце. И всех так убила, кроме пацанчика одного лет так тринадцати, а именем жидененок Захарка — и не простого пацанчика, но он поколенья от самого Мойсея числил, от того Мойсея, что народ еще до того из Египета вывел, где было то же самое, только раньше. Захарку добрые люди спасли, русские новгородские корабельщики, спрятали у себя на корабле под тюки с мягкой испанской рухлядью и увезли в Новгород: они его усыновили. А король Франко решил: больше в Испании жидов нету, я сам теперь бог, Исус Христос и бешменчик, и мне все можно. И стал делать разное похабство: поженился вдобавок к Езавели на трех своих дочерях, они ему давали на яблоко. Потом Бог его убил, он умер. А мы с девками, с бабой Раей и с Яшей прямо от тех корабельщиков поколенья числим — их Захарка-жидененок жидовской вере научил и принял в жидовский

народ, в лоно Аврама, Исака и Якова. И еще Субботинных тоже, Замысловатых, Еретициных, Промышленных и Поганкиных, новгородских тоже торговых людей, но те при Николае-кесаре обратно все перевернулись в русскую веру, в языческую, а нашу Захаркину напрочь откинули и почитай все об ней позабыли. А мы свою веру сохраним издревле и всегда ее укромно в тайне шабашим, а что при Николае-кесаре перевернулись якобы в забобоны и ходим к попу Егору в церковь и в клуб Балтфлота на русское кино про Душечку Ковальчик — так это для отвода глаз, *во спасение живота*, говорит баба Рая, *во отведение великия угрозы*. Не то бы нас тот Палкин-кесарь, Николай первый этого имени, угнал бы жить, кто постарше, в глубокое сибирское поселенье, на край земли — на станцию Зима, где всегда зима и кровавый снег соскальзает с небесного ската — ко злым татарам, к немирным конейдцам бабайским. А деток бы наших все одно поотнял, и поразрознил, и объязычил, и по разным училищам Суворовским да Нахимовским в воспитанье пороздал — наблошнять там их в забобонских науках пирожками да батожками для навечной потом службы в православном русском воинстве. ...А может, его первомайские наши цыгане приукрали, малого того жиличкиного, если вообще? Той осенью — у нас тогда как раз пропали из школы учительницы Казимира Витаусовна по физкультуре и Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре и, спасибо, никогда больше не нашлись — Субботинных Вовка, гусь гундосый, рассказывал всей своей шобле на ящиках за Веркиным ларьком: это-де цыгане всяческих людей воруют, особенно детей и баб, усыпляют их маковым настоем на самодельном свекольном вине, увозят в кочевых телегах к посередине запретного лесомассива потаенному месту, зовется же оно: Раклодром, а иными: Цыганская Падь, и волхвуют там над ними с заклинаньями таинственными и песнями типа «ай нанэ-нанэ, дуги-дуги-да». Ворованные бабы и дети просыпаются под теми телегами как с бодуна во все старое цыганское одеты и ни шиша не помнят — кто они, что они, каких они; думают, так цыганами несчастными и родились. *Где цыган прошел, там жиду делать нечего*. Потому-де фараоново племя на свете не искореняется. Баба Рая на это считает: вряд ли.

Зато школы нет и не будет, покуда не пришлют с России новых учительок или не отъпрутся старые, Казимира Витаусовна по физкультуре и Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре. Как потерялись они обе разом, тогда сразу через недельник прикатили с Выбор-города в газике Виктор Иваныч-милитон оперуполномоченный весь в портупее с чужого живота и округлая как облако штатская тетенька по фамилии Облоно или как-то так типа того. Собрали родительское собрание в клубе Балтфлота и всем школьно-обязанным по закону о всеобщем среднем образовании велели пока что в учебу ходить в Первомайский совхоз. *Сказано, нога завязана, ходи, не хромай*, сказал к закругленью повестки худой фараон, злоехидная моща милицейская: *Шутка, граждане! Ферштейн?* Та первомайская школа, она длинная-длинная, желтая с белыми колоннами, а помещается в бывшем помещицком доме Иван-Иваныча Энгельстрема-барона, из тех шведских пленных, что строили кесарю Петре пакгауз, а потом остались в русской службе служить; вместе с евоным батюшкой, со старым Иван-Иванычем-бариним-бароном, перед первой еще германской войной нашего жидятинского прадеда Якова возили на паровой генерал-губернаторской яхте до самого престольного города Рима, до кесарских самых палат — шествовать там под крылатым столпом перед почетной трибуной, представлять Великого Финляндского княжества сословья и народности к трехсотлетью Романова Дома. Прадед ходил пешком, в облакированных для сохрана лаптях из Кунст-Камеры обутый, за вольных хлебопашцев великоросского исповеданья, а старый Энгельстрем-барин с сабелькой наголо скакал на Ласточке, на соловой кобыле — за финляндское дворянство, за военнопленных шведов и за всех земле-владельческих люторан. Лопари еще там были в собачьих сапожках, ижора, да весь, да корела всякая и иные хананейские лыжные племена в пуху и меху. Про то есть у бабы Раи в сенях, в тайной полости за одним особо процарапанутым голландским кирпичиком съемным, великая книга мрамористой зеленой кардонкой обложена, называется «Нива на 1913 г.», по ней она меня учит, пока школы нет и не будет, тайному жидовскому письму со всякими запретными ижицами, фитами да ятями, *но чтобы писать таково не смел, даже для себя, даже не думал чтобы, не*

то загремим по этапу с Яшей и девками на край земли, где всегда зима... Ничего, на крайний случай у нас есть одно ненаходное место посередине запретного лесомассива, на том Похвальном на карту не нанесенном озере: с воздуха его под наклоненными скалами и деревьями не видно, а тропы к нему буреломом завалены и костяком зверским, от самых еще ото дней октябрьской революции и гражданской войны; мы туда, кроме как Яша, и сами почти что не ходим. Вот учинится какая беда — гражданская война, октябрьская революция или годков через пять меня в русскую армию забрить-забрать захотят, в православное красное войско — там мы с бабой Раей и Яшей и с девками схоронимся, переждем...

Внутри первомайской энгельстромовской школы — тишина, темнота, паркетные багровые мастики улащенные на терты полотершами-зэчками с соседской жензоны по шефскому договору до скользкости льдинной; по почти не освещенным темно-блестящим коридорам изредка пробегают на цыпочках, оскользаются мелкие цыганята — дерганые, но медленные тени: похоже как под водой, в просвеченной светилками и кораблями сердцевине широкого Алатырского моря. Ходить-то с тех пор так все и ходят, как сказано-нога-завязана, по Выборскому шоссе до первомайской центральной усадьбы, но пока что допехаешь, уроки-то все и окончились, уже из электрической машины, в учительской стоит, прозвенел последний звонок на голос нашей великоденной песни или похожий: *Прощайте, товарищи с Богом. Ура!* В той машине под хрустальным кожухом бесконечно-медленно обращается мелкодырчатый мелкозубчатый круг из латуни, из желтого железа латынского; ее старый энгельстромовский барин перед первой германской войной выписал с Гельсинк за сумасшедшие деньги: подглядел одну такую на генерал-губернаторской яхте, не яхта была, а целый особняк плавучий, — пока их с прадедом Яковом туда-обратно возили и на убой кормили холодными фазанами, типа наших куриц, но самоцветного пера, и поили до онеменья крымским шипучим вином «Советское шампанское», а машина знай себе сама по себе играла, играла., а он слушал, слушал и тут же за столом продал прадеду Якову заручно клин земли от пакгауза до моря — в пятый, обещался, что в самый последний раз: Лютором и всеми бешменчиками клялся, больше-де никогда не будет звать

адвоката Гуревича отсуживать ту землю назад, и — прямо с яхты выписал забобонскую эту машину беспроводным телеграфом: обеденное время отбивать, ну и под музыку для всяких беснований всенощных, для люторанских радений — для плясок хороводных и парных вокруг энгельстремовских ослепительно начищенных мелом панцырных пращуров с мечами и копьями; пращуров потом свезли в Ленин-город в старый кесарский дворец на всеобщий позор и во съединенье идольской силы, а машину ту по утрам заводит и наводит финский татарин Хидиятулла Муслимайнен, тамошний школьный дворник. Придешь туда, покуришь за колоннами, спишешь с доски заданье домашнее, ну да и иди себе прямо с Богом обратно. *Не хромай.* И дворник Хидиятулла прячет в две лобовые морщины восемь сырых воспинок, шаркает по двору кривой плоской метлой: *Шайтан! Пишла, пишла вон!* Меньшие до пятого класса цыганята, каких еще не берут в дальнее кочевье с цыганскими мужиками, а берут только с цыганскими бабами и младенцами христарадничать милостыню и торговать петушками на щепочке, из сгущенной крови-руды вылиты, на Выборском горвокзале, они поселковым через то завидуют смертною завистью и кидаются им в спину пригоршнями придорожного праха и сухими лошажьими яблоками, зимой же — твердым снегом и ледяной теребенью. Но в меня целить избегают — такое им заказано строго-настрога от самого цыганского атамана Виталика Скоробьенко: ему с нами ссориться никак не с руки, он к нашим девкам лошадей водит: перековывать в летней кухне по трехе за двенадцать копыт...

«Порвали тельняшку, паршивки, вы мне! И слезы у многих блеснули!» — крикнул Яша, и возня на миг затихла. Яша больше всего на свете любит матросскую обмундировку и вообще все морское, флотское, мореманское — следом, конечно, за вареной колбасой по два двадцать и воскресным кино в клубе Балтфлота про Душечку Ковальчик. Тяжелая картина, он всегда на ней плачет. «И слезы у многих блеснули! И слезы у многих блеснули! И слезы у многих блеснули!» — никак заело его, как в энгельстремовской той музыкальной машине бывает... нет, тьфу-тьфу-тьфу, проскочил вроде, икает теперь гулко между вздохами, бедный. Любимую эту тельняшку подарил ему старый мичман Цышун, завхоз-

хохол с военно-морской базы, чья как раз жена тоже пропала, Казимира Витаусовна размужня по физкультуре. Тому Цыпуну баба Рая вяжет носки из собачьей шерсти, целебные от ревматизма, мозолей и ножного вспотенья. Без таких бы носков Цыпуну в наших широтах до пенсии не дослужиться, обезножил бы, сам сказал, наклонил набок голову и весь сожмурился глазами и лбом. Как у него перестали потеть от носков... носок ноги и отпали пятидесятилетние струпья, он было даже захотел взять Яшу к себе на базу ВМФ разно-рабочим, но особый отдел не утвердил, а почему нет — *кавторанги мичманам не докладываются, нэ журыс, Якльна! нэ-плач-нэ-рыдай, хлопче!* И сожмурился еще пуще. Тогда-то он и подарил списанную свою тельняшку Яше в утешенье носить. Зимнюю, с рукавами. Вечную — ни единой дырочки, кроме как заштопанной под левой лопаткой с войны. С-под низа, от ленинградских дачников с кухни, что-то знакомо-неразборчивое играет радиола — не их радиола, а наша, ее Яша нашел за ларьком Веркиным и отремонтировал от бабы Раи украдкой. Все хорошо, все путем, все *на ять*. Узнал я ту песню, узнал: «МИЛЛИОН, МИЛЛИОН, МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ...» — глухо подбивается с нижней кухни. А по-каковски поется, того мы с бабой Раей не знаем — и слова многие вроде как не очень понятные, и весь склад темноватый — вроде как и не наш, и не их...

А вдруг он у них и на самом деле запропал, тот дачников малой, тот русский малахольный пацанчик? У нас на Жидячем Носу все время иногда все пропадают — учительницы, мелкие дети, беспризорные старушки, пограничные собаки — а думают все время на нас, на Жидят. Этой зимой, как запропали командир погранзаставы капитан Юмашев с завучем Равилей Бархударовой по физике, химии и биологии, подъезжал к бабе Рае в навислых ремнях оперуполномоченный из Выборга, с Выбор-города самого, расспрашивал все: что, и как, и куда, а почем баба-то Рая знает — она ж только желтый суп-горох на личный состав варит, и бронебойную кашу с тушенкой, и компот из сухофруктов — слюни у меня стали во рту разом многоводней и слаже, и горло их сглотнуло само. Ну разве еще носки кому когда свяжет собачьи, целебные — а из чего, спрашивается, теперь ей вязать их, с кого шерсти начешешь, когда все пушистые собаки с погран-

заставы сбежали, кроме одной старой, блохастой и недавно чесанной? Еще она, конечно, берет на дом офицерские простыни — по пятаку штука стирка, две копейки глажка — а больше ничего такого не делает! *Оно же Советской властью не воспрещается, носки вязать да от людей стирать?* — *Это вы, гражданочка... так... — Жидята Раиса Яковлевна, русская с тыща девятьсот тринадцатого года рождения, прописана по... стоп, где штамп прописки?! — ага, это у нас оборонная тайна, ясненько, ясненько... незамужем... — это вы, Раиса Яковлевна, политически правильно говорите: это все Советской властью как бы не запрещается. Но по законодательству запрещено! Ферштейн?* А кто такой этот Ферштейн и чего он его через слово на слово поминает, того и я не знаю, да и баба Рая то же самое, хоть она мудрая сердцем женщина, умеющая прясть. Может, это его самого такая фамилия, а может, так его личный бешменчик зовется, карманный такой складной истуканчик, и он его всегда с собой держит — в кобуре, за сапогом или же в планшетке набедренной... — кто их разберет, кесарских служилых людей, какие у них тайные обряды и домашние обыкновенья, это у них по ихней вере что-то свое, нам туда мешаться невместно. Пускай делают чего хотят, лишь бы нас не трогали... у них свое, а у нас свое... *...Запрещено, конечно, социалистической законностью, но вы вяжите пока что, гражданка Жидята, вы себе стирайте пока на здоровье; потом, смотря по международной обстановке, разберемся. Ферштейн?* Причем сам не в свои сани лезет — армейские люди, когда по уголовному делу, не ментовским подведомственны, но военной милиции; и брать их в розыск губернский гевальдигер должен, а не простой УВД. Начзаставы же того с завучем Равилей Бархударовной не иначе как завели цыгане в Цыганскую Падь, на свой Раклодром ненаходный, и голыми-босыми бросили на погибель. Больше-то некому. Юмашев-капитан у Виталика Скоробьенко хотел под Новый Год откупить бурого в яблоках мерина, предлагал через бабу Раю пятнадцать рублей. К нему, мол, вся казанская и уфимская родня ожидается на новогодний сабантуй, полагается съесть лошадь. А разве же цыган продаст коня на конину за пятнадцать рублей? — цыган на коня молится, даже на такого

сивого, сопливого и кривого. Кони — ихние цыганские бешменчики. Тогда Скоробьенко Виталик забил с Юмашевым стрелку, в двадцать три ноль-ноль за шлагбаумом, в пришоссейном леске — ему-де как ненадежному цыган в запретзону допуска нету. *Но за пятнаху, скажи, Яковлевна, шурум-бурумү своему косоглазому, котта он может купить и съест сырым с усами вместе. А об коня меньше, чем с полтинника и базарить не станем!* Конечно, баба Рая ничего такого милиционеру Ферштейну не доложила — не наше это дело: мешаться в дела народов земли. Мы тут живем у Ерусалима под боком, дожидаемся знаменья. Нам ничему худому учиниться не вмесно: не останется на земле нас — не придет избавленье и не исполнится завет.

Что-то они там зашебуршились, зашущукали, забежали сызнава — опять что ли опресноки, калитки великоденные, подошли, испеклись? Нет, волны хлебной, сырогорячей нету на меня, плита не гремит и протвинь не брякает, одним только веет простынным колыханьем холодным. Да и шаркают где-то поближе. «Раздвинулось море широко, лишь волны бушуютъ вдали, ведеть Мойсей насъ далеко отъ египетской грешной земли, — надтреснуто, стараясь потоньше, заводит баба Рая. — Не слышно ни криковъ, ни песень, лишь Красное море волною шумить. А берегъ суровый и тесень, — какъ вспомнишь, такъ сердце болить». Баба Рая идет по большому проходу с длинной можжевеловой веткой, в полколена приседает, в полпояса наклоняется, а между шагов, приседаний и наклонов шлепает с легоньким таким оттягом простыни по правую и по левую сторону. За ней — гуськом-гуськом гусиным шажком подбираются девки в хламидах, делают все то же самое, только слова не поют. Яша дает от плиты голос, помогает бабе Рае не сбиться с напева. Дошли до выхода на лестницу — постояли, помахали вокруг можжевелами и обратно повернули, к Яше. Теперь девки впереди, а баба Рая следом, хлещется. Это РАЗДЕЛЕНИЕ ВОД. «За нами полки фараона спешать, какъ туча на насъ надвигаясь, какъ тысячи змеевъ намъ въ спину шипятъ, отъ злобы своей содрогаясь». На будущий год пойду уже я говорить и петь за место бабы Раи по большому проходу — тогда уже я буду главный принц и мужик; буду, только если все сейчас до последней щепотки вспомню, где у меня что, кто я, где я... и

всякую страсть перестерплю, какая ни случится. И не раз-межу век и не выгляну из-под проклятой бескозырки, прежде как все перестерпел и все вспомнил. На будущий год, если только... «Адоною, Адоною, — бормочет себе под нос баба Рая: она уже снова ведет девок к лестнице. — Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ, спасибо, что воды Разделилъ и насъ посуху Пустилъ, а злаго того фараона волнами Накрылъ со всемъ его войскомъ...» И так двана-десять раз туда-сюда-и-обратно. Раньше, баба Рая говорила, прадеды выходили за два часа до полуночи на берег, заходи-ли до середины голени в море и хлестались ветвями по пра-вую и по левую сторону. Теперь нам такого нельзя — берего-вую полосу от правого Фараонова Кремня до левого ежечас-но обходит со стражей песьей пограничный наряд, а по ближ-нему морю, по Жидячьей Губе, бесперестанно снуют стороже-вые катера и светят кружные и скрещенные светы с авианос-ца «Повесть о настоящем человеке». Какую песню прадеды пели и какие точно говорили слова, того нам не передано, за наши грехи, говорит баба Рая. А какие у нее грехи?.. Или у Яши?.. Или у девок?.. В последнюю войну, едва как отогнали хананейские люди русское войско до Пьетари — по-ихнему значит, до самого Рима, — воротился из Гельсинок меньшей Энгельстрем-барин на лыжах, со взводом карель-ских стрелков. Внизу на кухне уселся, за спиной двое с авто-матами, но сам цивилинный; сидит, скovyривает полированной острой палочкой зазелень и ржавчину с шерстяных белых гетров и вежливо так говорит: *Никогда я, милейший Яков Яковлич, мужичью нашему досужему не верил, будто вы якобы жид. В церковь вы ходите, волосами блондин, с но-су курносенький, цвет глаз у вас голубоватый с проды-рю, и все ваше семейство такое — самые наитипичней-шие русские Иваны. Вейне-лейсы? — Вейнелейсы, вейне-лейсы!* — кивают у него за спиной автоматчики, толстые усы оттаяли и качаются, капают. *Мы, да будет вам известно, Яков Яковлич, дорогой вы мой, чудесный старик, мы как раз жидов и не бьем, нам того маршал Маннергейм не ве-лит, ибо мы не какие-нибудь немецко-фашистские черно-сотенцы и хамы. Мы — освободительная армия много-страдальной Суоми и освобождаем нашу священную зем-лю от российских колонизаторов. А где, кстати говоря,*

контрактик тот старый, что вы с батюшкой моим в тринадцатом году заключали? Не знаете? Ну ничего страшного, я тут сам пока огляжусь, не буду вас задерживать... Баба же Рая с трехгодовалым Яшей схоронялись в безоконной каморке за кухней, размером со стоячий гроб (туда только из Яшиного чуланчика переходик есть внутренних: через поворотный камень и боковым протиском), потому их тогда вместе с прадедом, прабабкой и рыжим Яшкой-зайкой, бабы-Раиным братцем-погодком, не застрелили у задней пакгаузной стенки и не сбагрили в ближнюю топь. А турецкая та жестянка с бумагами была у бабы Раи в каморке с собой, ничего Энгельстрем-барин-сын не нашел, даром только порасщепил все поставцы да лари, печки по камушку поразметал, перины с подушками повспорол и пращуровы рукописные книги все поперервал и поразбрасывал; великоденная же прежняя песня как раз в тех таинственных книгах и была: слова новгородскими буквами написанные на старом жидовском языке и напев испанский, крюковой. Он бы с досады и весь пакгауз пожег, вместе с бабой Раей и Яшей, да пакгауза ему, видать, жалко стало — то ли он после войны тут полагал учинить люторанскую кирку, то ли вертеп гостиничный с рулеткой и дамской прислугой для торговых гостей, до Гельсинок и обратно мимоезжих, то ли еще похабство какое промышленное. Жечь, короче, не стал, свистнул с болота стрелков к построенью, набул лыжи, накинуд маскировочный балахон и пошел себе на зюд-зюд-ост по своему воинскому стрелецкому делу. И никогда уже назад не являлся.

— Баб, а если бы тогда у пращуров расступилось бы море — что тогда?

— Ничего тогда, пошли бы как были в Ерусалим-город прямо по тому росступу, а за ними бы и весь народ воскрес и пошел.

— А мы что же? Как же мы тут на чердаке в простынях? Мы ж тут и не заметим ничего, коли вдруг...

— Спи, князьенька, спи, радость. Все заметишь, не бойся. Час будет, будет знак. Знак будет — и пойдём. А по морю ли, по суху, или какими подземельями — того нам сейчас неведомо, то не в нашей лежит Руке. Спи, чадо, ты это увидишь...

Как сошлось тогда за жидами море, войско все фараоново накрылось волнами и поголовно утопло. Одна только малая толика, головной отряд человек в сорок, выплыла и выползла на тот берег, мокрые. Обсушились и поодаль пошли за жидовским народом — куда они, туда и они. В Испанию — в Испанию. В Россию — в Россию. Но поодаль. Из тех вот египетских загорелых людей и сделались потом цыгане, фараоново бездомное племя. Себя они, на тайном своем языке, римляне кличут, чужие же все народы дразнят: ракло. Но ни в каком Риме им впуску и оседлости нету — ни в первом Риме старом, том, что кесарь Петра на воздухе выковал за домом дом, за церковью церковь, за истуканом истукан, и весь разом поставил с ладони на побережную топь, и ни в другом, новом. Ново-Рим тот недавно у русских людей выстроился где-то далеко в Сибири: когда были мятежи, и междусобья с пролитьем крови, а также большая махаловка, и они своего кесаря смертью казнили, и с ним заодно весь остаток Романова Дома, тогда вот и было стольное место унесено в российскую глубину, подалее от чухонской границы и от вечной Петриной мести. Там в Сибири из белого и красного камня поставился у них новый Рим-город великий на горках крутых, еще больше, еще страшней прежнего — но и в нем, новом, египетским выходцам впуску и оседлости нет тоже. Только в Первомайском совхозе. Бабы и девки у тех людей круглый год ходят на Выборском горвокзале гадать по ладони, но правды никому не гадают — правда написана на правой руке, они же смотрят нарочно на левую, так им издревле заповедано от ихних богов; малые дети при тех бабах из-под пестрых юбок бегают милостыню нищенствуют, а где чего и стырят; мужики же цыганские наняты в обдирном цехе в совхозе: свежуют там пушных крыс да кроликов шапочных и отскребают бухтарму от мездры, но чуть весна, все на бюллетень и уходят с левой шкуркой в Россию — примерно так: от Юрьева дня весеннего до осеннего Юрьева дня. Вот как русская паска минет, явится к нам в летнюю кухню Скоробьенко Виталик, ихний цыганский вождь и барон — лошадей по новой ковать, черные ножи вострить на нашем хорошем довоенном круге, пятак лезвие. Они чуть что в ножи, такое у них свойство. По цыганскому закону всякий человек им добыча, кроме нас, жидов. Даже пацанятам своим

не велят в нас кидаться пригоршнями придорожного праха и сухими лошажьими яблоками, зимой же — твердым снегом и ледяной теребенью. Знают, чем это кончается.

Муторно мне как-то, непокойно. Что там с колечком моим, не перетлело ли, не пересохло? — я ж его красным дикокаменным сколком прямо с живого срезал, муку терпел в знак рождения и завета, — пропадет если, расплзется ли с перетлеву или с пересуху переломится — все, с концами, другого не вырастет, не картошка. И вся мука зазря. Хорошо ли там Яша за ним смотрит, покуда баба Рая с девками в проходе ходят, хлещутся? Перевернет ли, когда надо, острой сосновой щепочкой?

В школу-то я бы уже теперь так и так не пошел, и долго. Хотя бы Казимира Витаусовна по физкультуре и Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре никуда не девались — с военморбазы доктор, капитан-лейтенант медслужбы Леонид Яковлевич толстоносый, выпишет мне, если надо, больничную справку на месяц-другой, с кесарской балтфлотской печатью; кончится одна справка, как миленький, напишет другую. И еще одну. Только крови отберет на анализ в стеклянную трубочку — и выпишет: мичман Цыпун его всегда когда надо попросит, у них свои дела. Меня-то и прежде не очень в учебу пускали, чуть что рапортовали больным — да мне там и делать особо нечего: по-русски читать-писать я более-не-менее подвыучился уже, таблицу умножения с меня каждый день Яша спрашивает, на будущий год грозитя к таблице логарифмов перейти, а прочие науки языческие там преподаваемые суть одна только лжа да похабство, нам же их пристойно бежать. По субботним дням и по великим дням само собой разумеется. Цыпун и не то бабе Рае сделает за ее собачьи носки, за целебные, он в наших климатах без них как без рук. Она на всем Жидятине одна умеет прясть да сучить овчарочью куцую шерсть, секретным умением прадедовским. А нет, не захочет Цыпун или уже с воинскими почестями вышел на пенсию и уехал к себе в хохлацкую родину в Улан-Удэ-город, так у капитана второго ранга Правоживотовского Яков-Исакыча (он ленинградских наших жильцов родня и сюда их заселил на отдыханье по пятиалтынному за койкоместо в сутки) матушка, древняя Цецилия Яковлевна, служит в зашлагбаумном поселке художест-

венным руководителем клуба Балтфлота и по совместительству директором медпункта. Только она принципиальная старушка, перед ней надо хрипло дышать и пронзительно кашлять. И дает ненадолго. Яков тот усатый Исакыч, как забегает навестить родню по дороге с базы ВМФ на заставу или в поселок и обратно, перед тем как взойти на крыльцо, все задирает голову, чуть я ему завиднеюсь в чердачном окошке, подмаргивает так снизу ехидно и спрашивает: *Ну что, юнга, дана, что ли, команда сигнал «хер», конец учения, так, что ли? так и будем на берегу Митрофанушкий сачковать?* — и скрещивает по-над фуражкой руки с воображаемыми флажками в желтых прощелкивающих щепотях. Все ходит, и ходит, и ходит, и все сидит-сидит, кофей-чай пьет, будто у него и службы никакой нету. На кой мне, спрашивается, ляд сдалось все это хоженье по школам? Читать-писать я уже худо-бедно научен, таблицу умножения с меня Яша спрашивает, а прочее их ученье суть одна только лжа да похабство. ...Какой к ляду Митрофанушко!? — так у нас в роду отродясь никого не крестили! Балаболит просто так, ляля-тополя — пустой, веселый человек с усами, как на бабы-Раиной жестянке у полустертого турка! В крайнем же случае может и Чучьчев-замполит что-нибудь такое отписать на пограничной бумаге: он у них, покуда не прислали на заставу офицерского пополнения, и за командира, и за начфина, и, что главное, за начмеда. До следующей паски уж всяко продержимся, а там поглядим. *Будет день, будет пища...* Может, так выйдет, что ничего и не надо будет... Все, баба Рая и девки пошли уже на последний заход, если только я со счета не сбился.

«...Быль чисть-неподвиженъ въ тотъ мигъ океанъ, какъ зеркало воды сверкали. Наддайте, ребята, Мойсей закричалъ, за нимъ все впередъ пошагали». Как их только еще ноги держат, бедных, восьмые сутки не евши? Долго ль еще до разговенья? — как знать, у бескозырки у Яшиной на доньшке часов нет. Каждый народ свое ест, а свое в рот не берет. Финские, например, люди хананейские лесные и озерные — друзья ягод, но враги грибов. Клюкве с морошкой в ноги кланяются, гриб же как увидят растет — хоть красный, хоть боровой — и ну его шибать сапогами нарочно: всякий гриб в их глазах мерзость, пока не расшибут его в говенные крохи,

не успокоятся. Татарин, тот лошадь ест, а свинью не хочет. Командир заставский, пропавший Юмашев-капитан, так бабе Рае и говорил: *Когда у тебя, Яковлевна, в супе-горохе свиное чего, ты мне даже и пробу снимать не носи — я того не кушаю. Только замполиту не брякни, подумает еще, у меня религиозные предрассудки. А у меня нету. Просто свин — грязный животный, мы его с Равилей не кушаем.* Русские же, наоборот, люди коня есть не станут, свинью же, однако, пожалуйста. А мы и коня не едим, и свиньи не едим... козлят еще не едим, покуда они у матки-козы молоко сосут... собак, понятно, мы всяко не едим, также и кошек. Курочку — можем, но ее жалко, она яички несет... Грибы берем всякие, и белые, и красные, и маслята с груздями — сушить-солить про запас, а также и на обыденную снедь: хлебово варить да на постном масле с картошечкой жарить. Будет у нас на великое разговенье с белыми грибами пирог-кулебяка, и еще один, с краснорыбницей — с лохом алатырским лакомым, редким: через голубые лучи с авианосца, через то, что они круглые сутки по дну шарят, пропала та божья рыба из Жидячьей Губы, который год не заходит, не ловится; последний у бабы Раи оковалок в запечатанном подполе на холоду лежит, девки его настругают в пирог. «...И за нимъ все впередъ пошагали». Кажется, все. Сели. Дышат.

* * *

"Установленная Ништадским мирным договором 1721 г. Государственная граница со Швецией прошла по северному рубежу Водской пятины — старинных новгородских владений на Карельском перешейке. С освобождением Выборга и Кексгольма (Корелы) угроза шведского нашествия на северо-западные земли Русского государства был устранена. С целью снабжения русских войск провиантом и фуражом Петр I построил в удобных для захода галер местах балтийского побережья систему маяков и пакгаузов, содержание которых было императорским указом поручено представителям коренного русского населения Карельского перешейка — потомкам отважных новгородцев. Общероссийский рынок все больше связывал возвращенные земли с Петербургом. Однако в 1811 г.

по воле Александра I Карельский перешеек был включен в состав автономного Великого княжества Финляндского. Все протесты населения, не желавшего подчиняться финским законам, служить в финских войсковых частях и отдавать детей в финские школы, оставались царизмом без внимания. Это административное включение и послужило в дальнейшем «основой» для претензий финских белогвардейцев на русские земли Карельского перешейка. Несмотря на существование мирного договора между СССР и Финляндией они развязали поздней осенью 1939 г. войну против своего великого миролюбивого соседа. Потерпев сокрушительное поражение в этой войне, начатой по указке англо-французских и американских покровителей, реакционная клика Маннергейма спустя 15 месяцев снова напала на Советский Союз, на этот раз связав свою судьбу с гитлеровской Германией..."

— Эх, Жидята, Жидята... Совесь в тебе есть или как? Нет, ты скажи — есть?

— А чего, Людмила Прокофьевна?

— Я-то так радовалась, дура, думала, наконец-то наш Жидята научился грамотно по-русски писать. Хотела даже выдвинуть твоё сочинение на районный конкурс пионеров и школьников «Знай и умей родной край». А тут — захожу случайно к Цецилии Яковлевне в библиотеку, а она мне: Людочка, в тамбовском лесу волк сдох — мальчик жидятинский в библиотеку записался, книгу даже взял, а через день вернул, прочел, говорит. Вот, посмотрите: Ник. Морозов, «Карельский перешеек — русская земля на северо-западе», Лениздат, 1977 год. Так, говорю, понятненько. Дайте-ка мне, Цецилия Яковлевна, эту волшебную книжечку поглядеть... Все сдул. От первого до последнего слова. Тебе хоть стыдно, скажи? Ребята, ему хоть стыдно, как вы думаете?

Не стыдно, не стыдно, ставьте ему банан, закричали наперебой шесть Субботиных и одиннадцать остальных всяких и заскакали на партах.

— После летних каникул принесешь мне новое, самостоятельно написанное. Иначе останешься на второй год. Понял?

Но с каникул она сама не вернулась. Как ее сынка-нахимовца удавил в клубе Балтфлота Пашка Субботин — перепутал в темноте сеанса его шею сзади с моей и удавил, — так

она вскоре после того от нас и пропала, не дожидаясь даже начала учебного года. И физкультурница Казимира Витаусовна размужня с ней.

3. ДВЕ СКРЫЖАЛИ, НА КОТОРЫХ НАПИСАНО БЫЛО С ОБЕИХ СТОРОН

Сначала Бог выбрал Иисуса и доверил ему народ, чтоб он о нем заботился. Но Иисус не оправдал доверия и предал народ язычникам, те ему за это поклоняются и называют «христом». Тогда Бог выбрал Мойсея. Мойсей пришел, спас народ из Египета, из земли грешной, и привел в святую землю, в Ерусалим. За это мы ему поклоняемся. Для нас Мойсей лучше, он о нас заботится. ...*А я так думаю: Христа распяли бляди и свалили на евреев*, сказал капитан первого ранга Черезов, начальник Жидятинской базы ВМФ, и свысока полил себе в рот из бутылки. Мужики с четверенек согласно кивнули задранными ободранными подбородками. Зрачки их растворились в текучем алатыре кашитанского пива. Черезова фуражка упала назад наземь; он ее поднял и с треском отбил о воздух, сразу как струя кончилась. Глаза у мужиков опять отвердели и потемнели, подбородки опустились к грудям — таким образом они кивнули еще один раз. Верка-продащица высунула из ларька «Культтовары. Продукты. Керосин» босую по локоть, круглую руку в мелких царапинах, нежных пупырышках и косых золотых волосках, укатила с прилавка набитую пенными пузырями бутылку и обиженно выдохнула: *Не блядь, а честная давалка!* — *А о тебе вообще никто не говорит*, сказал Черезов, облизнулся и выжал усы платочком.

...А потом за наши грехи пришли хананейские финны и прогнали нас из Ерусалима в Испанию. Там было то же самое, только позже. Но Захарка-пацанчик жидовский приплыл-спасся в Новый Город великий, на Волховскую сладкую реку, — там мы к нам присоединились и пошли по Руси дальше. А Русь за нами. А мы от нее. ...*Эй, малой! Да, ты там в засаде, пакгаузный! С Костишкой моим не познакомился еще? Прибыл вчера с училища на вакаши. Ну ничего, все еще лето впереди, сто раз еще закорешитесь*. Я кивнул и снова отступил за бетонный угол ларька. *Тетьа*

Вера, а «Пионерправды» свежей не было сегодня? — голос вроде как дачников наших пацанчика? Сегодня только жи-гулевское пиво свежее. Наше, выборгского завода. Может, возьмишь Яков-Маркычу-то своему парочку, пока оболтусы туюшние не рассосали? Ну, как знаешь.

Начальная ночь на Алатырское море осела, великая ночь, самая последняя перед паской Господней. Осела, как ей не осесть, хоть мне и незрима. Уже должна была, раз баба Рая с девками все двенадцать раз проходили Разделением Вод в простынном проходе.

И не иначе как весь наш жидятинский берег обсела уже, облегла и обстала — та светлая ночь, через военно-морские лучи и снежные отсветы светлей даже вечернего полусвета слепого, но уж где темна — в морской глубини, в лесной чаще, в небесной выси — там уж темна, очень темна, темным-темна; и добротою тьмы своей превосходней всякой тьмы иной и всякого света яснее и глубже (кроме, конечно, Сивер-звезды полуночной): глубокая, хорошая тьма, когда еще такая проклюнется?! — а я ее так и не увижу, под затемнем бескозырочным обезглазел! Веки саднят и напухли; в очах, моргай не моргай, что-то будто колетса мелко, легонько свербит; руки поплечно как отнемели; ноги в икрах цепенеют, и поджимай ты пальцы хоть до самых до пяток — все одно не поможет, разве только судоргу сдержит, начнется коли, да и то... Того морозу, того ржавого леда и серого снега, понабилось мне через верх полные валенки, как я утром сегодня летел из зашлагбаумной церкви, мчался в пакгауз домой. Напрямки, без разбору — сугробы порол, болото по кочкам пропрыгивал, из попова рундука спасенная книга тяжко скакала за пазухой, била под сердце кованым уголком, здоровущий небось намяла синяк. Или не тогда, а раньше набрался промозглого холоду? — а даже и скорее всего: тоже сегодня, но часами двумя того раньше, перед заутреней. Натрудил бедные те мои ноги в лядвиях, и в коленях, и в лодыжках, до немоты нахолодил, покуда споднизу пробирался в поселок, под Петропавловскую под самую церковь — подземным ходом, долгим, кругом болота обходным, кругом

шлагбаумной вахты обводным (кесарю Петре рыли-строили пленные шведы): шел во тьме непроглядной, промозглой и тухлой, всю дорогу, как безьян какой или вон как солдатики упражняются у Чучьчева на физзарядке, когда он у них за начфиза, — на короточках, чтоб не обшибить головы о свод подземельный и ядовитой слизи земной не обскресть на глаза. Обе руки вперед навытяжку, напряженные колени поочередно щелк-щелк, и каждая подошва галошная наощупь по чугунному по настилу где шурк-шурк, где хлюп-хлюп, а где в проломину сорвешься ногой, свиснешь. Едва одну хорошую еще галошу «треугольниковскую» не потерял, вот бы было от бабы Раи! Внизу же под той окслизлой решеточкой журчит и чавкает, пузырями стреляет, не хочет никак леденеть какая-то дрянь — тягучая, парная, морозная... не по жизни живая... Ноги мне девки-то растерли чем осталось в военно-полевой аптечке нашатырного спирту, по сию пору пахнут — но где-то, видать, недотерли: успел холод — в кость ушел, за-таился. Может, еще вытянут его собачьи носки? — вроде как в эти на мне не подмешано шерсти с нашей бурой козы — та шерсть, хоть легкая и жаркая, но отнюдь не целебная; такими, с козьей примесью, баба Рая торгует по выходным на Выборгском горвокзале, а своим знакомым людям, мне или Цыпуну-мичману, или зашлагбаумному попу Егору, она чистые овчарочки дает, на одну пару пряжи напрясть месяц уходит, дедовским сокровенным уменьем. Меня даже и то гонит вон из пряльной каморы, из совершенно секретной (в ту камору верхом только, с чердака ход: под третьим направо от лестницы стояком отобрать шесть половиц с напольной елочки, с каждой стороны по три лапы — обнаружится лаз, а там еще две перекладки вниз, и перильце железное обрывает кожу с ладони). Туда у ней единственный Яша допущен — по-над прялкой стоять с фонарем «летучая мышь», рукой динаму крутить, ногой накачивать прялку. *Огни в моих топках уже не горят, сказал кочегар кочегару...* Он уменье пряльное знает и сам будет, когда баба Рая помрет. Цыпуну-то завхозу с базы, тому поддельных носков и захочешь не втюхаешь, у него *глаз-ватерпас*, особенно на собачье электричество. Он сам кому хочешь чего хочешь затюхает, такое у него свойство. И ославит еще бабы-Раины носки несобачьими на весь военморгородок, и на всю заставу, и на весь поселок

зашлагбаумный — на всю погранзону, и на всю Россию дальше. *Где хохол прошел, там жиду делать нечего*, одобрительно говорит про него каперанг Черезов, его по военмор-базе набольший начальник.

Чем они там сейчас занимаются, в трапезном месте на том конце у плиты? — смотрят только в огонь, свеся руки с коленей, или еще какие дела у них есть до срока не переделаны? Когда меня, кстати, баба Рая соберется будить наконец? Или вдруг забыла? И у тех тихо, у буркотливых ленинградских жильцов под низом. Даже радио смолкло. Может, ушли куда? — на нас в поселке гопу собирать, что мы, дескать, зарезали пацанчика ихнего к нашей жидовской паске. Звать идти с дрекольем и в топоры на пакгауз. Ничего, ничего, найдется пацанчик ваш... если где потерялся, в лесах или где еще, у цыган в Первомайском совхозе или в самом Выборге на горвокзале даже — Илья его нам во избавление същет и живым или мертвым сюда назад притаранит. Или своим ангелам хожалым велит. Ему, старому пророку Илье, с тучного облака все как есть видно — от Рима до Ерусалима, от Сибири до Алатыри, и обернется он расторопно, ему ведь еще надо поспеть на разговенье великое к нам, великоденного харчу маленько поднести, и вообще.

Что есть — вроде как все уже вспомнил, ну да, все подчистую как есть: право, лево, верх, низ, где Рим, где Ерусалим, где база, где застава, где мы, где они, и где Гельсинок вокруг три царя-волхва с войсками стоят на заоблачных горках, обороняют краденый город от нас — с севера и северо-запада черное войско, фараонова полосато-знаменная рать, и с ней заодно орда белая, собачьи да оленные племена в меху и в пуху, с востока и с юга им подмогают римские красные люди, христьянские русские кесарцы, *имя же им легион* — Красная Армия, Военно-Морской Флот и погранвойска МВД. На полуночь раскинулось широкое Алатырское море, океан Западный, за ним, может, есть чего, может, нет: по нем же все ходят, кто хочет, как хочет: и дредноуты фараонские (ночами на палубе тьма негров высыпана, все в белых робах распахнутых, все жевачку жуют, загорают при лунном свете — кто добела загорел, производится в офицера), и кесарские заградители минные и сетевые, и прочие гвардейские боевые суда. Еще тяжелый авианесущий крейсер

«Повесть о настоящем человеке», для устрашения называемый авианосцем, — он не ходит, а у базы ВМФ сидит на мели, на том ровно месте, где кесарь Петра прыгнул с трофейной галеры «Повесть временных лет» и в поятренных сапожищах вышел на жидятинский берег. Даже и хананейские линейный корабль «Ильмаринен» с эскадренным миноносцем «Маршал Карл Густав Эмиль Маннергейм» проскользают иногда бочком-бочком-впритирочку повдоль финляндского самого бережка, но постоянного на том море владенья нет ничего, да и вообще ничего нет — все начисто, кроме подлодной базы скальной в глубине на Гельсинском рейде, сносится ветрами и волнами смывается, одни остаются корабельные остовы да всякие железные меретки на дне, *где спят желтолицые черти...* С этим, кажется, все, или как?

Что было — пока так, середка на половинку, но никуда оно не денется, подвсплывет еще самоходно (*никуда не денется, влюбится и женится*, Яков Исакыч, наших жильцов дядя, любит говорить такую русскую народную прибаутку), есть еще время. А вот *что будет* — из того повспомнилась пока лишь самая малая малость, самая пока только ближняя будущность, примерно лишь выход этого дня. ...Да, войски-то Ерусалима кругом стоят как стояли, а волхвы-те-цари на стеклянных горах, на заоблачных, на невидимых горках, обретаются ныне в отсутствии: кто помер, кто, может, отошел куда, а кто на больничном: пустуют пока те дозорные горы — может, это что значит?

Будет... будет... Ну, сперва-то ясно: сперва перетащит меня Яша на закорках под «летучую мышь» к престольному месту из мореной морем корабельной сосны, и они там с бабой Раей споют и походят, и Адонаеву книгу мне на колени положат, и восставится завет и восстановится корень, и от того часа я сделаюсь на Жидячем Носу полный принц и мужик. Потом вся штука с колечком (как оно? не причинилось ли ему какого вреда? не съели ли его, к примеру, крысы? — да не должны бы: там у плиты баба Рая с девками топчутся, шепчутся, звякают, и на Яшу тихим шипом шипят, но без особого яда — ничего, значит, не случилось с колечком моим, и догляд, значит, какой-никакой, а все-таки есть. Да и крыс тех Яша прошлым годом подчистую из пакгауза вывел: вырезал из тушеночной банки, из желтой жести латынской, два-

надесять разной длины язычков с пронзительным звуком, язычки приспособил к дощечке стоймя и пошел с нею, ногтем играя дивную песню, от пакгауза к морю. Все крысы за ним. Побрел по закатной красно-золотой полосе к сизо-серебряной черточке авианосца: потом сырость морская начала заплывать Яше в ноздри и он остановился. Все крысы утопли). И тогда, после штуки с колючком, начнется у нас престольное разговенье великое — в тройную к обычному силу: и великоденный, и день-рожденский, и свадебный пир честной заодно: для того пира сволокнут меня с пеньем назад, обратно в отсек ко мне под окошко — на свяченой заветной рудую простынке, какую они мой уд промокали. Яша с фонарем впереди, кажет путь меж качких теней, куры и петушок Авенирко, растопырив крылья, взлетают у него из-под ног и рушатся с кашлем, следом — баба Рая с девками: тянут подо мной простыню за четыре угла. Простынка не офицерская — наша, списана с погранзаставы за прокуренную Чучьчевым-замполитом дыру: тот Чучьчев читает всегда на постели забобонские газеты и книжки, электричество жжет и казенное имущество портит — все равно ж попортит рано ли поздно, пропалит вдоль и поперек папиросными искрами, баба Рая ему новых простыней уже даже и не кладет никаких — старые стелит, в желтых зигзагах от солдатского семени: едкое, оно не отстирывается и щелоком. А последним за нами за всеми — пророк ветхий Илья с заспанным мешком (коли уже управился со своими в мире с делами). Доволокнут вот так вот, бережно сгрузят плашмя в коечку, головой теперь наоборот: под окно (если Илья-старый-пророк и на самом деле воротился-успел, окошко-то уже можно закрыть, сквозняк же!), длинную доску мне поверх живота положат продольно, как бы столешницей, присядут на краешки койкины с обеих сторон, посередине же выставят всякое брашно: капу манную, медвяную, изюмленную, Илья-пророк принес; и с белыми грибами кулебяку-пирог, и еще один, с красно-рыбицей, девки настругали; и калитки-опресноки с моченой морошкой, и клюквой тертой, и брусникой давленной — ешь не хочю. Расплещут по солдатским зелено-желтым кружкам сладкого «Агдама»-вина, чучмекского гнилого дурману (и мне ради такого раза на донышке вспенят) или розоватой молдавской полыни, выпьют, закусят и вновь надо мною споют, а

баба Рая все нужное скажет, но в самый последний раз она. И все, ходи, не хромай, живи себе — знамения жди. Может, день, может, год, а может, всю тысячу — о том только Тот Знает наверное, Кто сюда нас Привел, и здесь Населил, и отсюда дотуда жить Обозначил, а кроме — никто. Простыня потом будет вся в крошках и разноцветно запятнана.

Отчего вдруг мне, через праздное все это помышление съестное, не прободило твердым холодом поперек живота, но продольно сжало мягким теплом — и медленно так отпустило? Отчего вдруг погорячело в глазах? и рот окреп и зашевелился без звука? откуда вдруг особая радость нечаянно? С тех пор, как проснулся, самого-то главного, утreshнего, будто даже не помнил, и вдруг вот, всплыло незапно, как бывает, всплывает сон было забытый... оттого и радость: вышло сегодня выручить с русского плена книгу заветную с ятями, фитами и ижицами — из зашлагбаумной церкви из попава того рундука. Наконец. Мне вышло, не кому-то! В последний, можно сказать, день: не сегодня бы — так уже бы на нашем веку никогда; едва-едва обернулся-успел, в притирку до начала заутрени — уже отец Егор епитрахилью одетый и с ризой парчовой на руках выходил из подсобки, где в перерывах между священных действий он 36-ой чай пьет с сайками и пирожными из Ленинграда от «Норда»: шаги его содрогали надо мной пол, голос же уходил к потолку и ослабелый опадал двойными волнами: *Гляньте-ка, Агриппина Семеновна-Семеновна! Еврейки-то наши, Жидячиха с девками-девками, второй уже раз на неделе как не явившись. Может-может, стряслось там у них чего?.. Ну ладно, так и быть, отслужу пока для вас для одной, а к обедне уж и дачник пакгаузный явятся-явятся-не-удавятся-давятся, заочник наш приходский товарищ перманент-перманентный... Да и дамочки-ласточки с Ленинграда, даст Бог, подпорхнут, подкинут эклерчика батюшке... Что вы говорите?..* Я дослушал их разговор до конца, книгу сунул поглубже за пазуху и задом сполз по заледенелому скату, но не откуда явился, а в тесный такой боковой рукавок один из-под притвора за Веркин ларек выводящий, на задний прямо двор, там у ней выше крыши составлены ящики, а за ними и люка не видно, куда она сливает помои. По заледенелой бронзовой лесенке вылез, огляделся (все еще спало, в

поселке ни окна не светилось, моргал только шарик фонарный на площади), книгу вынул, проверил (на этот раз в точности: «БИБЛИЯ, книги Священнаго Писанія ВЕТХАГО И НОВАГО ЗАВЕТА, въ типографіи СВЯТЕЙШАГО СІНОДА, съ параллельными местами, Санкт-Петербургъ, 1913») и дунул что было мочи домой (по обеим сторонам неподвижно развевалась, развеивалась, рассеивалась, развеивалась жемчужная хмарь, слитные деревья мелькали и нижними лапами били по лбу и щекам, заледенелый наст позади запоздало лопался, выпускал желтую жижу; перед вахтой я постоял, поотпыхался маленько, но Дима Выгодный, младший сержант в караульном тулупе (странная фамилия, миноносная, типа как у бывших наших в Жидятиной бывшей деревне бывали, но сам он грузин русский, или хохол какой с южного моря, где Душечка в дом-отдыхе пела, и сисями шевелила, и задним ходом ходила на катере), он ко мне из будки не вылез, шевельнул только дулом калашным оттуда: *проходь*, дескать; я поднырнул под шлагбаум, и дальше по бревнам, по кочкам скок-перескок — за пазухой скачет с ятями книга, колотит угловою оковкой под сердце. А без той бы книги отвремениться избавлению, завету не восставиться и мне бы сегодня на престольном месте принцем не сесть. Она у Захарки-того-жидененка слово в слово была снята с двух Мойсеевых скрыжалей каменных, на которых написано было с обеих сторон: что было, что будет, чего можно, чего нет — весь закон и завет весь. От самого дня, как Николай, первый этого имени Палкин, отнял у прадедов ту с Испании Захаркой-пацанчиком привезенную книгу и отдал христьянам своим (а те туда всяческих лжей приписали да измышлений языческих, и выдают от той поры забобонское за истонное), сколько раз мы наше счастье пытали, сколько за такое намеренье в железах наших Жидят по этапу ушло в сибирскую лютую землю, а также и на месте было побито и поругано матерно лаею скверной... но ни разу, за наши грехи, не выходило у нас хоть листик, пол-листика хоть воротить — то одно поперек встревало, то другое, то третье: то война, то смута, то большая махаловка... хорошо хоть, ни разу на том бабу Раю с девками за руку не словили. Подозрывать подозревают, особенно Субботиных старуха Семеновна злоехидная, а поличить не словчилось; но и Адонаева книга им не далась

в бабью руку. Да особо и не пытались они, только все бабюшке через плечо заглянуть норовили, когда он с дымом и сладким смрадом перед христами ходил, а книга лежала на аналое распахнута: чтоб хоть строчку, хоть полстрочки запомнить, да куда там: баба-то Рая хоть телом тучна и статью колобчатая, да невысока удалась, а в девках, в тех ни дородства, ни росту — под кожей полупрозрачной, заизвестковленной у них сплошь одни жилы да скулы. Заглянешь, пожалуй, через плечо громадному такому великану; не лестницу ж в самом деле к нему приставлять. То ли дело жиличка наша нижняя или Верка, продавщица с ларька, те бы достали! Хорошие бабы, тельные, особенно Верка. Верка еще и богатая — у ней дом полная чаша и жигулевского пива столько, что она на нем бигуди крутит, большие и рыжие. Жалко только, у ней оказалась вся срака в прыщах: в бане поселковой восьмого марта был женский день, а Вовка Субботин тайную щелку из котельной знает и пускал за пятиалтынный глядеть. Я о том рассказывать Яше не стал, мало ли у него печалей! *Жалко у пчелки.* ., презрительно прогундосил Субботин. Нижнюю-то жиличку всегда когда хочешь можно глядеть через съемные те половицы, хоть сейчас, и задарма, но только сверху: есть ли прыщи, не видно — виден в белых волосах черный пробор на темени, и круглые плечи, и верхний угол лица, и окончанья скачущих сись. Она, жиличка, вроде и не велика бы, но подскакивает хорошо — на кровати за руки взявшись со своим перманентным. Поруют кровать, на чем будем спать с бабой Раей? — второй такой кровати нет больше в мире нигде: с Питер-Города привезена, довоенного романского качества, с железными шишками на винте и с неизносными стальными пружинами. ...Но ни жиличка, ни Верка в церковь не ходят — жиличкин только мужик, да по воскресеньям тетки приезжие (*ласточки православного возрождения*, непонятно кличет их за глаза поселковый священник Егор), да Субботиних злая старуха ласковая Семеновна. Да для отвода глаз девки с бабой Раей и я (когда мне освобожденья больничного нету, ни военно-морского, ни пограничного, ни на худой конец поселкового, цецилии-яковлевниного). Мне же вот однако далась вся та книга и целиком, но также не сразу, а со второго только захода. Видно, не выходил еще намеренный срок, а вот

теперь я до дюжины лет и одного года дожил, возрос нашему Яше повыше плеча — тут и подперло жидовское счастье. Теперь все будет иначе. В первый раз, тем летом, покуда я в церкви под полом сидел (а над головой поп Егор топал, бегал с биноклем от окна до окна), натерпелся я только страху зазря, а книгу унес ненашу: всю в каких-то значках-червячках неизвестных, не разберешь даже, где у ней верх, а где низ, где перед, а где зад. Неужто же петропавловский поп пишет свои волхования тайные такими каракулями? Страшная таинственная книга, я ее бабе Рае и показывать даже не стал: заложил на чердаке за стреху, первую налево от лестницы, где у меня еще «Пионерские правды» захованы от нее, пошептал какие умел слова *во отвращение всякия напасти*, и поверх забросал соломкой и пухом собачьим, вроде как голубиное гнездышко. Не назад же было нести, в самом деле, а так выкидывать боязно: еще бы оскорбилась волховальная книга, навела бы какое несчастье на нас. Ах, в тот-то раз и заводиться была сушая дурь! — день был в честь Военно-Морского Флота и морской пехоты воскресный, в клубе ставили кинокартину про Душечку Ковальчик, и окрестные все народы пришли-явились перед клуб Балтфлота на площадное место и обитались там до истечения ночи — и римские людискобари, и хохлы, и цыгане с татарами, и с базы матросы, и, какие не в наряде, пограничные стражники разного племени, и один еще неизвестный откуда в кепке армян не армян, а типа грузина или, может, персиянина. А также иные народы земли. Да и ночь была по летней поре бела, очень бела, белым-бела — просто насквозь все было видать, от Рима до Ерусалима и обратно, и все Алатырское море-океан по самый край небоскатный. О чем только баба Рая думала, когда меня засылала? Затменье, может, нашло? *Ходи, князьенка до идольского дому, ворочайся живой-здоровый да освободи нам ту книгу нашу исконную, тебе, может, дастся. Как подползешь под самую церковь, скажи в точности слова, какие мы там всегда про себя думаем, как заходим, — гляди, не позабудь только никакого слова, все до одного скажи*, наставляла она, покуда я в припакгаузной нашей баньке слезал в подпол бронзовой лесенкой из-под полка, а от банного подпола есть у нас обходный до под церкви ход, и от под церкви дальше еще, куда мы не ходим —

в Россию до самой ее глубины. «Я вхожу сейчас въ церковь, въ домъ идольскій, но я не поклоняюсь ни дереву, ни камню. Я поклоняюсь только семидесяти тремъ Именамъ Господа, Какой нами Править. Адоною, Адоною, Прости грехъ смертный — во спасеніе народа забобоны творимъ, чтобъ было кому Тебе поклоняться». Мы так всегда про себя думаем, когда к попу Егору заходим в христьянскую церковь-курильню, но из-под низа-то зачем? — право слово, непонятная вещь...

Все-таки счастье, что тринадцатое мое рожденье не на какой иной пало, а на сегодняшний день, на самый великий. Не иначе как это и есть знак — то есть знаменье, значит. Когда бы мне дюжина и одно лето летом когда-нибудь стукнули, под русский, например, наипервейший праздник — Военно-Морского Флота и морской пехоты День, так что бы для нас явилось в таком совпадении дней? Ничего, никакого знака, одна мука. А и на любой другой праздник христьянский родись — хоть восьмое марта, хоть девятое мая, хоть воскресенье, хоть вознесенье — более-не-менее все то же: одно только сплошное стесненье. Да и как бы нам рожденье мое в Абрамово, Исаково и Яковлево лоно в точности сладить по завещанью по прадедовскому, по исконному жидовскому чину? На все дела не меньше круглых суток уйдет, не меньше, чем сутки из дому ни ногой — а если тем же днем торжествуется какой языческий праздник, тогда нас в поселке всякий человек хватится: где Жидята пакгаузные, елки-моталки!? все, мол, добрые люди празднуют миром, «Агдам»-вино пьют, в клубе Балтфлота пляшут под пластинку «Миллион алых роз» или на месте площадном гуляют вокруг фонаря под «Миллион алых роз» из громкоговорителя, а эти что? Жидятся, что ли, угостить русского человека или, может, брезгают? То еще хорошо в таком сегодняшнем совпадении дней, что разом все отстерпел, всяческую день-рожденскую и прочую страсть, — и свободен: садись осторожно кушай, сам себе и народу всему голова. ...И опять же штука с колечком. ...И книга вернулась заветная вовремя — все к ряду. Уже недолго теперь, самую чуточку еще подождать, маленечко постерпеть и все, конец, *гуляй Вася, жуй орехи*, как говорит цыганский барон Виталик Скоробьенко, когда наново подкованный на двенадцать копыт и со свежей больничной справкой отъезжает в кочевье от совхозной энгельстре-

мовской школы. Кнут шелкает, кони ржут и бьются, худые цыганские бабы с младенцами неподвижно стоят между колонн. Их лица в усах и бородавках не выражают ничего. Цыганята в два пальца свистят и бегут за телегами. Это у них долгое кочевье, от Юрьева дня весеннего до осеннего Юрьева дня, но тем летом ни с того ни с сего мужики цыганские с полпути воротились и прямо ко Дню Военно-Морского Флота молча пришли в зашлагбаумный поселок. Что вдруг? — или им так карты легли, будто мы, дескать, уходим с Жидятина полуострова насовсем: тогда и им за нами надо — куда нам, туда им, такое у них начертанье судьбы искони. Только чего-то последнее время часто врут ихние карты, или, может, от обманного гаданья вокзального разучились цыганки читать их? — сколько уже было раз: ловила пограничная стража цыганских людей обоего пола и всякого возраста *при попытке незаконного перехода*, а мы никогда еще и с места не трогались!

А в тайнике под престольным местом, в ящичке под сиденном, лежит спокойненько моя спасенная книга, дожидается часа, в ней весь завет наш и весь закон. Я когда сегодня всходил с ней за пазухой на чердак — без света и на разутых цыпочках, чтоб не побудить нижних дачников, — баба Рая уже стояла со свечкой на лестнице, боком на пятой ступеньке, а свободной рукой в шестую за собой тыкала, в ту, слабую: перешагни, дескать, князенька, не забудь — не то заскрипит, всех перебудит. Я протиснулся, перешагнул, книгу ей из-за пазухи отдал, а свечку взял. Она обтерла ладони о кофту на животе, свечку отдала, а книгу взяла. Ее толстые пальцы вздрагивали, худое лицо не выражало ничего. Перелистнула, кивнула. Я дыхнул, свечка затмилась. Мы пошли наверх.

...Ага, вновь девки заходили, затопали. Чем же это баба Рая так страшно скрипит — так два раза скрипнула, что сердце взмокло? Никак подняла на престольном месте сиденье и исподтуда спасенную книгу берет? Что вдруг? А меня отчего не побудили? Неужто забыла? «Адонаю, Адонаю, — скрипуче-одышливо шепчет баба Рая, — Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ, спасибо, что Вернулъ намъ книгу Твою». Шелест страничный — неужто читать села, прямо сейчас!? Нет, сопит, носом шмыгает, листает — ищет

чего-то. Девки топчутся, Яша на патронном ящике хрумкает пресной калиткой, старается потише куснуть. Понизу вдруг пронесся отдаленный грохот: видать, упал на кухне стул. Короткий посмех звоночком. Ну вот, пожалуйста, а говорили, потерялся ихний малой — там же он, там, где всегда и спит: на девкиной тахте под кухонным окном: бесится там, хохочет, наши стулья роняет. Ничего Семеновна толком не знает, субботинская та неподобная баба, просто так говорит: возмутить хочет поселкового Егора-священника, чтоб он, как при третьем Лександре поп Иннокентий, дедушко его, погнал на нас с дрекольем народ. Да ну ее совсем, старую каракатицу и выдру. И нутрию. Это все от недалекого ума пустое мечтанье у ней: и тогда-то, как Лександра-кесарь второй этого имени сменялся по престольному делу на третьего, вызывал Энгельстрем-барин, начальник уездный, с Выборга финских полицейских на катере — рассеивать смуту. А те всегда рады толкать русского человека прикладом взашей: *Вейнелейс, зыво ити ф испу!* Ну а сейчас и вовсе кругом войски стоят с пушками, самолетами и ракетами — не попустят же они черный люд всякий раз гоненьем на нас идти, как ему только всхочется-вздочится. То государственное дело, то, может, са-молично кесарь решает и Центральный его Комитет, а уж ни-как не Семеновна-старуха-горбуха с петропавловским вдовым Егором-попом и с бухими зашлабаумными мужиками. Сейчас иное важное: вспомнить, что баба Рая сейчас будет делать — пока не поздно, пока еще не начала. Так, вынула книгу... книга у ней... да, КНИГА. ... Вспомнил, вспомнил: конечно, елки-моталки! — сейчас станет лжи отделять, хитрые забобонские новости, они же той книге прадедовской всю ее ис-конную силу немят! «Адоною, Адоною...», — заводит баба Рая по-новой. Поклоняемся мы семидесяти трем Именам, а знаем лишь это одно. Ну ничего, может, отьщутся — но не забобонские те имена, понавписаны от христьянских поддельщиков в книгу, а Имена истинные, прадедами в тайном счислении букв схоронены и сокрыты. С завтрашнего дня я тут на Жидячьем Носу принц и мужик и всему голова, и нет мне запрета — хоть забобонские газеты какие хочешь читай, хоть радио слушай «В рабочий полдень», хоть по выходным с бабой Раей в Выбор-город езд, на горвокзале собачьими носками торго-

вать — с завтрашнего дня я сам ту книгу читать стану, каждый Божий день заместо школы, и не просто читать, а чтением, какого и баба Рая не знает: я то особое чтение сам изобрел и никому не открыл: таково я в «Пионерской правде», в рубрике «На поверку, горнисты», знаменье ищу или же знак: сперва всякую вторую букву читаю, потом всякую третью, потом четвертую... — как настанет отмеренный день, знаменье и вскроется. Или когда знаменье вскроется, настанет отмеренный день.

А еще я ту жидовскую звездочку знаю, вовсе бабе Рае неведомую. С прошлого лета еще. Мичман Цыпун показал — я, как вылетел со двора офицерского дома, сразу на него напоролся, в парадном мундире белом и при пистоле, но без фуражки — блестящий прибор уходит вглубь мозга. *Стой, хлопче! Стой, стрелять буду!* И наводит на меня двумя руками пистольное дуло. Я уж думал: все. *А спецпропуск литеры «А» у тэбе е? Ну ничего, не журься, зараз выишем.* Сунул пистолет в кобуру, приподнял ногу с планшеткой и, скособоцаясь и покачиваясь, написал на колене, как журавль: «Пропуск литеры «А» для проходу по жидятинской базе ВМФ. Действителен на 29.7.1984 без заходу на боевые плавсредства. Подпись: мичман Цыпун». Вырвал из планшетки и дал мне, у меня лежит за стрехой. *Дядя Цыпун, а печатка? Без печатки недействительно! — Так сам нарисуй яку хочешь. Хоть звезду жидывську малой. На вот карандашик, послюни только хорошенечко.* Но звезду, как он показал дулом пистольным на воздухе, я ее не знал как рисуют, такую я только раз прежде видел: мимоглядом в христьянской газете военной (у бабы Раи в ней обернуты были хлебные буханки с заставы), в пограничной «Красной звезде» под надписью «Земля Обетованная» в кавычках: кирпичная стена глухая безвыходная, высокой крепостью о шести углах, о семи отсеках, поверху злою опугана колючею проволокой вся вместо крыши; а с углового нижнего дворика грозится небритый такой мужичишка с усами, похожий на Пашку Субботина, из-под проволоки наверх кулаком; рис. Я. КИЦЛЕРА. *Да ты шо, сказывся никак, пацанчик? С каких это пор шоб Жидята и звезды жидывськой не знали? Конец света! Ну учись, пока дядько Цыпун добрый — так, тругольничек пипкой вверх, на него тругольничек*

пипкой вниз. Готово! На, держи, сынку, на вахте покажешь.

Нашла, кажется, что искала — больше не шелестит. Сейчас будет драть... Да куда там: голодом опоцалась, бедная, восемь дней кряду перед жидовской паской: нету уже той силы в руке. Дергает, дергает, а бумага — толстая, желтая — не подается. Пыхтит, что-то шепчет. По одной страничке она бы оторвала, конечно, как не фиг делать, да, видать, положено все забобонские страницы за раз выдирать, единым ухватом. Ну, ей виднее. «Напрасно старушка ждет сына домой», — укоризненно говорит баба Рая. Яше недостаточно ясно, намеков он не любит. «Ей скажут, она зарыдает». Яша безмятежно хрумкает пресной калиткой. Баба Рая сдается: «Ох, грехи наши... Мамаше-старушке иди помоги отделить забобонские ложки... Отодрать забобонские лжины...» — Яша гулко сколачивает калиточные крошки с бушлата и как если не слышит. Небось сердает еще. А надо так: «Мамаше-старушке иди помоги из книги изъять забобоны!» — тогда пойдет. «Товариш, нет силы в усилье моем, иди же, не будь, как татарин! Твою бескозырку мы скоро вернем и ленточку даже подарим...» Яша перестает обхлопываться и с поскрипом привстает. Больше всего на свете он хочет к своей бескозырке ленточку с золотыми буквами «ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ». На такую для Яши ленточку мячман Цыпун долго жался-жидился, они у него, дескать, нужные все: оп их-де выдает зашлагбаумным пацанам — *ченчевать* от ханаанских туристов исполу всякий зарубежный товар; но одну штучку баба Рая кое-как выцыганила, у них свои дела. Она ее все равно хотела дарить Яше на паску, а Яша не знает.

«Да ты чего, идол!/? Обложку-то зачем! Обложку не тронь, говорит кочегар! — обложка еще гожая. Бумагу только дери, отселе доселе!» Яша долго ухватывается железными пальцами без отпечатков — оперуполномоченный выборгский Ферштейн Виктор Иванович диву давался, просто успокоиться не мог, аж от изумленья икал, когда по случаю пропажи учительок отбирал отпечатки с пальцев у всех жителей на бумажку и эта штука с Яшей узналась. И никаких, кстати, линий на левой ладони у него тоже нету, на правой только одна какая-то врезана, цыганские бабы бледнеют и шарахаются,

как завидят Яшины руки. Все, ухватился, наконец-то, прие-
мисто — сейчас как рванет! «Адонаю, Адонаю, Ты Одинъ
Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ, — зачатила баба
Рая, — Ты Мойсею на две скрыжали каменные начиталъ, съ
обеихъ сторонъ нарезаны старымъ жидовскимъ письмомъ. Съ
техъ скрыжалей все жидененок Захарка списалъ и намъ
передалъ, а мы за наши грехи не сберегли. Погоди, да погоди
ты, не дери пока! Я скажу, когда! Спасибо, что Вернулъ
намъ книгу Твою. Да свершится Воля Твоя. Сейчас!» Яша
легонько рванул: *шширх!* — суеверные забобоны оторвались
как никогда не бывало. Девки заскрежетали-загремели
заслонкой в плите.

* * *

От завтрашнего дня: наколоть с Яшей дров, баню раско-
чегарить, помыться. Девкам велеть сыскать петуха Авенирку
— чего-то его нигде не слышать. Навестить во времянке козу,
здать ей корму, подоить. Баба Рая пусть также с Цыпуном
поговорит, чтоб с мая начинать перебирать в пакгаузе балки,
балки-то аховые, труха балки — где в сердце погнили, а где
и древоточцем поедены, древесным муравеем жорным: за-
просто мог петух обвалиться в какую-нибудь межстенную по-
лость и шею свернуть. Цыганам назначить пятеру за двенад-
цать копыт и гривенник за лезвие — все дорожает. «Пионер-
скую правду» буду читать не скрадываясь — особым чтеньем,
а также и обыкновенным. Жиличкиной родне, Яков-Исакы-
чу-кавторангу, в пакгауз ходить возбраню. Малого — в Ле-
нинград, пусть там теряется, сколько хочет. Знак будет —
прочтется в «Пионерправде» той, или голос трубный с небес
скажет: «Сейчасъ», или зверь какой из лесу выйдет полуволок-
полузмей-полуконь, или еще что — сяду царем на Ерусалиме,
вкруг все жида наши воскресли, и родные, и приемные, —
буду судить народы земли: и хохлов, и чухну, и татарей, и
римлян краснознаменных с египетскими черными людьми, а
также прочих. Вовку того Субботина с бабкой Семеновной
горбучей присужу крюком за сраку и повесить коптиться...
*Коли сядешь на Ерусалиме царем, помни, князьенка: в
тебе самом есть кровь народов. По нижней мере суди,
судом милосердым...* А может, на пашем веку ничего такого

не будет, за наши грехи: знака не будет, Ерусалима не будет, и ничего не будет... ..Мойсееву Гору наново насыплю, поставлю... Душечку Ковальчик привезти с южного берега сюда к нам и назначить на Веркино место в ларек.

4. ЧЕМ БОЛЕЕ ИЗНУРЯЛИ МЕНЯ, ТЕМ БОЛЕЕ Я УМНОЖАЛСЯ

Болят? Болеть-то как раз пока не болят, а свербит маленько и весь тяжелый, будто подмерз. Баба Рая уходя сказала: *От маковой смази чесаться будет маленько — затем и руки спутаны, чтоб не наделал чего, как проснешься. Отлить захочешь, князька, — два раза пепухом крикни. А я тебе урыльный горшок поднесу. Не бойся, это ты можешь.* Индпакетные те бинты будто растаяли сперва в слякоти жаркой, потом также подмерзли — заскорузли ледяной потной корочкой; а вдруг никогда не отстанут, так всю жизнь и буду ходить замурованный? А силой драть страшно... Вот в скором времени баню будем топить, я уд в шайку суну и помешаю как следует быть — может, отстанет бинтовый кокон. Мичман Цьшун обещался дров подвезти на Фоминой кубометр-другой по трехе за кубометр, для бани. А чего? — они у него даровые и военно-морской силе ненужные: авианосец «Повесть о настоящем человеке» все одно никуда в открытое море не ходит, стоит на вечном приколе в Жидячьей Губе, ему... ей... — ему, авианосцу, дров тех ненадобно, огни в его топках давно не горят, с него через борт только старшие матросы рыбу удят в личное время (никакой еще, однако, ни разу не вытащили: через то голубое электричество военно-морское нету больше рыбы в Жидячьей Губе — старая жабером вверх всплыла, а новая из Ханаанского Океана не заходит, *стремается*), с него... с нее, с «Повести», только взлетают в пограничное небо аэропланы (или, не рассчитавши разбега, падают в воду). Яков тот Маркович, жиличкин мужик, прошлым летом все чего-то у бабы Раи просился сходить с нами в баню, *хочу, говорил, в настоящей русской баньке попариться, по-настоящему, по-черному, с веничком!* — *По-черному хотел татарин коня поеть, да насквозь гамна не проялся.* — *Чего хотел? Поить? Поесть?* все пытал бабу Раю Яков

Маркович, забобонец, и на ходу записывал в книжечку. *Почему татарин?* У их родни в военморгородке есть ванна с горячей водой, из крана течет подогретая воньким газом болотным, туда пусть ходит кунается. Или в Дом Офицеров Флота пускай бегает, с бабой своей на пару, там в пыточном бывшем подвале обустроена финская баня парная для офицеров римских и членов семей, а у нас дрова не казенные! Что же он там такое все пишет и пишет в той книжке своей? Не составляет ли он там зловердного на нас какого доноса, не пишет ли злоехидной какой ябеды впрок, будто мы, дескать, жидовскую веру якобы втайне шабашим, а что к Егору-попу ходим в церковь и в Балтфлота клуб на кинокартину с Душечкой Ковальчик, и кровь свою нолевой группы сдаем ежегодно отсасывать трубочкой, чуть с Выбор-города понаедет в белом глухом автобусе Красный Крест-Полумесяц, — так это-де для отвода глаз сплошное втиранье очков.

Что же там баба Рая с девками такое особое в трапезном месте чинят, что даже Яшу услали? Шепоты их оттуда не расслышать через Яшино пенье и шелканье и «бум-бумы» — может, готовят мне к испытанию страсть, какой я не знаю, не вспомнил? Или мне об ней не рассказывали!? Это нечестно! А может, я и вовсе не их, не бабы-Раин, не жидятинский мальчик, а посторонний найденыш воспитанный? Или они меня просто-напросто схитили у народов земли — в чухне ли, в татарах, или от чучмеков каких мимоезжих? Субботинский Вовка-гнус гнал шобле своей прошлым летом на ящиках за ларьком: жиды, мол, как цыгане подобно, также крадут всяких детей, мясо ихнее едят и ихнюю кровь распивают... Опивки же продают цыганью — лить петушков алых на щепочке. Может, Яша у них, у бабы Раи и девок, не удался, а им было мальчика нужно, вот они какого-то взяли у кого-то да скрали — меня. А теперь еще и малого того зашмыганного схитили у дачников нижних: про запас, на случай, если я тут не все вспомню, как было, как есть и как будет, или же не стерплю какой страсти, не снесу изнуренья какого — рези голодной, онеменья в руках или свербежа в ободранном уде: не дождав заповедного часа, смахну бескозырку и выгляну наружу очами. *Товарищ, я вахты не в силах сдержать...* Тогда — все, кранты: по крайний срок, до скончанья века пропал я, а им тогда новый пацанчик нужен,

запасный. ...Нет, все-таки вряд ли я у них чужеродный воспитанник: тогда бы и Яша такой же должен быть, как и я тоже — схищенный от народов земли: мы с ним похожи с лица как родные; завуч Равиля Бархударовна по физике, химии, биологии (и ангельский еще она язык начала было преподавать со второй четверти; откуда бы татары по-ангельски знают? странная вещь!) так и говорила всегда, покуда не запропала: *Ну ты, Жидята, вылитый прямо вон как Яша ваш! Нечего тебе в школе делать, вы там у себя и так все знаете в вашем пакгаузе!* И группа крови у нас у всех одинаковая — что у меня, что у Яши, и у бабы Раи с девками такая же самая: нулевая; от нас кровь-руду всем наливать можно, а нам, кроме как от себя, ни от кого не подходит. Вовке же Субботину тому, козлу несчастному, я еще вставлю пистон за такие суеверные лжи и клеветы, подкараулю где-нибудь без шоблы евоной и вставлю по самые помидоры, мало не покажется! ...Нет, знаю, знаю, вспомнил, вспомнил же: это колечко мое сейчас меряют девки: на безымянный палец десничный! Баба Рая держит под лампой на донце сведенных горстей, а те осторожненько по очереди промеряются, кому впору до упора. Интересно, две примеряются — или все три? Того мне не надо знать, не то раньше срока состарюсь. Не сломали бы только, не разодрали бы колечка острыми своими бледными пальцами в цыпках и ожогах. Другого не нарастет, не ноготь... Бережно должны сுவать, гусыни!

Темень, хоть глаз коли, говорит баба Рая. *Темно, как у негра в жопе,* говорит в наших сенцах Яков Исакыч, веселый кавторанг с военморбазы, дачников римских родня, как с внеочередной инспекцией заходит к жиличке. *Темна вода во облацех,* говорит священник поселковый Егор, отец Петропавловский, древнего попа Иннокентия внук, и включает в церкви электрический свет: идолов парсунок затекаются желтыми кругами, но ликами остаются темны. *Темно, как в могиле,* говорит продавщица Верка и громко поднимает над прилавком пятнистую железную ставню. Когда хоронили нахимовца Костика, Черезова-начальника мал-го удушенного, мы с Яшей за старой стоячей скрыжалью таились. Скрыжаль та, «Мойсейко Промышленный-рыбарь Иаковлевъ сынъ лета 7333-яго чрезъ неистовство морское помре», порубежно стоит

как раз между кладбища частью гражданской и воинской, на самом заверше холма: из-за ней было хорошо сверху видеть, как его хоронили. *Пришел по-гребальный священник-старик, и слезы у многих блеснули*, шептал Яша и отворачивался. Священника-то как раз у них не было, по новой вере русской заказано это крепко-накрепко попом от власть предержащих: на улице волковать — ходить под открытым небом, куренья курить и голосить заклинанья. Для того им отведены церкви, а дощаные бешменчики их на свет дня невыносимы ныне. Яков усатый Исакыч, заместитель по материально-техническому снабжению, тот был — с ветхой своей мамашей с Цецилией Яковлевной, завклубшей Балтфлота; дачница еще ленинградская пришла с пацаном, но без мужа; доктор Штан-Чечик балтфлотский капитан-лейтенант Леонид Яковлевич толстоносый и лысый; понятное дело, учителька Казимира Витаусовна по физкультуре, а также и завуч Равиля Бархударовна по физике, химии и биологии и мужик ее начальник заставы Юмашев-татарин; другие офицера с погранчасти и с базы; *явилось начальство, пришел капитан и вечную память пропели*. В могиле было светло, солнечно, маленький гроб стоял на дне и ослепительно сверкал лакировкой, пока туда не спрыгнула толстая Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре, и все собой не затмила. Похоронная команда вновь вытянула за ремни гроб с Людмилой Прокофьевной враскоряку на нем, офицера ее за руки-за-ноги подхватили и переставили наземь, а маленький мичман Цыпун обнял за обширную поясницу и нежно утолкал с кладбища вон. Каперанг Черезов отвернулся и стрельнул в небо из пистолета; кто был военный, взяли под козырек; домовину с синим резиновым сапогом на крышке быстро спустили в могилу и закидали рыхлой рыжей землей... Что точно пели и что матросы играли на медных дудилах, того сверху было неслышно — похоронную ту речь и музыку ветер-полуденник сносил в Алатырское море. Море плоско сияло и по низу сизо курилось. Похороны кончились, все закурили и пошли в военморгородок в Офицерский Дом на поминки: там уже во дворе были построены покоем вокруг фонтана столы. Продавщица Верка, длинноголовая в черном платке, притолкала с утра полную тачку зеленой андроповской водки, ящик на ящике до бороды, и ходила с ней по

двору, выставляла вдоль стола из расчета по литре на рыло. За ней приставным шагом выступал в полуметре особист новый с военморбазы, капитан второго ранга Битенко: всякий раз, как Верка толкалась животом в упор тачки и напряженно при этом сдвигала большие, под черной суконной юбкой прыщавые полужопия, блестящая щеточка его усов сходилась и расходилась, наподобие гармоники, со словами: *Наше дело правое, мы поедим*. И он коротко хохотал, и железные очки скакали у него на морщинистом носе. А у бабы Раи уже и поросята Гошка и Лешка с подсобного хозяйства погранзаставского были хрупчато пожарены, лежали, подогнувши колени, в духовке: как толпа с похорон привалила, Гошку и Лешку на длинных подносах с пуками купырной травы в пятаках внесли матросы-дневальные. Такой уж ихний христьянский обычай, таково они кушают.

Наших-то у нас не заведено родных покойников поминать по религии нашей и вере, оттого бы им обида была, душам зрячим, живым. Они ведь тут стоят в загаченной топи у нас под восточной стеною — всегда; все знают, все слышат, все помнят — все поколенья наши сошедшие там, от самого сюда на Берег Жидячий прихода, во дни еще Годунова Бориса-татарина было, стародавнего кесаря русского и короля полдневной страны и сильного колдуна и волхва. Ходили тогда стрельцы годуновские шведа воевать за Неву, и деревеньку нашу прежнюю на плоты разобрали, а жида какие остались с какими остались пожитками утекли от них аж за Выбор-крепость заслонную шведскую. Шли тогда ночью украдкой сорок дней бережком-бережком, или больше того, и нашли место хорошее, пустое, водное, рыбное, за дебрью ото всякого войска сокрытое: хоть от легионов кесарских римских, хоть от фараоновых железных людей, хоть от хананеянов хищных. Потому так и зовется: Выбор-город, что выбрали праотцы, пока суд да ряд, лучше под шведской рукою побыть, чем под русской: швед что, он тебя коли и сыщет за дебрью, ему только подать плати, а религия ему твоя и вера неизвестные, он нашего жида от русского человека все одно различить не умеет — ему же, люторанскому фараонскому шведу, все родовые словене близнятся с лица: что старосел-новгородец, водский пятинич поморский да полесный потомственный, что скитской старовер-саможог, что мос-

ковский подлый мужик от боярина беглый — ему все один бес. *Чем отличается швед от белки?* спрашивает Правоживотовский Исакыч и сам отвечает: *Белка прыгает с ветки на ветку, а швед со шведки на шведку!* Так тут от той самой поры и жили, потом кесаря Петру прибило на галере трофейной, Петра пакгауз поставил, а что жида мы, так и не верил пращуру Якову на слово, хохотал только, как леший; а может, оно ему также без разницы было: лишь бы служба путевая пакгаузная путево сполнялась: казенное добро береглось, палился маячный костер, выдавался кораблям государевым сведущий лоцман, а флотским командам береговой обиход. Но как повелел Николай первый этого имени ставить на Жидятиной деревне забобонскую церковь и всех жидов под кресты хоронить, тут мы за полночь часом пращуров кости и снесли с кладбища в топь. Праматери наши там все, и многие праотцы также. Чего нам их поминать? Во всякий день шабашный восходят они за полночь часом от бездонного дна (сорока разгневших гатей насквозь и бурого, волосатого льда насквозь тоже, коли встал), свиваются над крышей пакгауза в чуть видимый дымчатый жгут и, как всосаны, выются-подымаются к месяцу. И сами там вместе с пророком старым Ильей нас поминают — по месяцу ходят, поют, слова говорят, пьют вино сладкое из серебряных чарок, скупают свяченное брашно. А на кладбище поселковом под теми крестами — пустые только могилы для виду. Как за русской паской Фомина неделя настанет, мы пойдем их помоем и яичек над ними крутых поедим, и бутылку оставим валяться пустую с-под российского горького зеленого вина, чтоб язва та, старуха Субботиха, не воняла, как заявится другим днем на погост с Веркиной тачкой по стеклотару, что мы, дескать, пакгаузные, и на двадцать копеек поганых жидимся, *как эти*.

— Баба Рая, а вот Субботиных пращуры и других бывших наших жидов, Еретициных еще, и Промышленных, и Поганкиных, и еще прочих, которые потом без остатку в забобоны перевернулись и совсем от нас из жидовского рода ушли, а их пращуры где же? вместе с нашими, тоже в болотине?

— Как обернется какое поколение в забобонскую веру, забудет семьдесят три Имени Господа, поклонится дереву и

камню, да и не покается до смертного часа, не обернется в Мойсееву Захаркину веру назад, тогда, рассказывал дедушко Яков, и пращурам его наступит задним числом извержение из лона Аврама, Исаака и Якова. Как отойдет разжидовленник, так они, бедные, тут же все из нашей болотины вон и под-земным лазом в поселок ползут, на погост: ложатся ко внуку-перекрещенцу в могилку и ну там вертеться до скончанья времен, к чужой земле через пуп острием крестовым прибиты. Теперь-то уже, князьенка, одни только Жидята остались там в топи стоять, других нет, единственно лишь прямые поколения наши.

— Это ж нечестно! — деды, они-то чем виноваты!?

— Тшш, ирод богохульный!.. Не нашего ума дело! Вот кончится век, сядет на Ерусалим-городе жидовский царь и всякую душу рассудит — жидовскую по строгому счету, а которая душа из народов земли — ту по малому, по милосердому самому: не крал, не убивал, ну и спасибо. А таких, задним ходом извергнутых, из-под крестов поотколет и так спросит: вас как судить, дети — строгой мерой или милосердой? Как скажут, так и будет. Спи, князьенка, спи... ты это увидишь...

Об нынешний год со второй четверти начал, Равиля Бархударовна, завуч, научать в поселковой школе ангельскому языку, или *ангелийскому*, как она говорила; я уж думал: вот, выучусь — буду беседовать с ними, пока они на крыше пакгаузной плещутся над коньком, кувыркаются над последней, никуда кроме неба не ведущей приступочкой — уж тогда я у них все визнаю, как, и что, и где, чего баба Рая не знает, или знать-то, может, и знает, но мне сказать рано, не то раньше срока состарюсь.

Только я размечтался, как татарская баба Равиля и запропала безвестно, будто назло; всего-то и успела научить, что «*Хэерле иртэ, балалар*», да «*Утырыгыз*», да «*Бюген кем дежур тора?*» да еще «*Субботин, тактаны сырт*». Ну скажешь ты ему, ангелу: «Бюген кем дежур тора? Тактаны сырт, ангел» — «Кто сегодня дежурный? Сотри с доски, ангел», — он только засмеется. Просил же я Яшу, чество просил по-хорошему — идти в запретзонную дебрь Равилю Бархударовну с Юмашевым-капитаном искать (поехали они торговать у Виталика Скоробьенко-барона цыганскую лошадь

и запропали с концами, а у меня через то остался невыучен ангелийский язык!) — он же все не шел: уклонялся очами, губу сосал, жал на стороны плечом, бормотал с чужого голоса: *Где татарин прошел, там жиду делать нечего*; — это он опасался повстречать в лесу деда корчажного, или кикимору, или же каких других лютых бешменчиков. Или беглых погранзаставских собак. С ним уже раз было такое, давно, в лето за той зимой, как особый русский начальник, военюрист первого ранга Фридлянд Яков Борисыч, дембелизовался верховным указом и уехал по месту призыва в «закрытый порт Севастополь», на Руси самый южный конец, к черному Турецкому морю, где гурзошники и пиндосы. Баба Рая как раз девок титькала, ей не за Яшей было смотреть, а он малолеткой по дебри все шастал: где грибов наберет — пожарит, где гранату найдет — рванет; вот его и обложили тогдашние такие собаки и сутки почти что до пакгауза гнали по всему запретзонному лесомассиву, еле утек. Злые те бульдоги, клевретки и прочие ризеншнауцеры, — как нас Красная Армия и Краснознаменный Балтийский Флот обратно назад своевали — пооставляли их в Выборге-городе и на дачах окрестных богатые хананейские финны, тут они кучей и сбились, и жили в запретзонном лесу, пока не повымерли (как поели все лесное стерво). Чуть насмерть не загнали тогда нашего Яшу, с тех пор он вообще не любит собак, а особенно диких, даже и собачьи носки недолюбливает. Но носит, куда ж ему деться. Да и чего их, Юмашева с Равилей, искать? Уже не найдется — Яша только на третьи сутки сыскал мотосани пустые у самого у рубежа Римской земли, уже на нейтральной полосе почти; но в казенное именье те сани обратно не отдал, как его баба Рая ни страшала острогом и каторгой — утолкал на Похвально озеро в бывший энгельстремовский охотничий домик: он там из них музыкальную хочет соорудить машину, как в школе первомайской стоит, — чтоб великоденную песню играла и «Миллион алых роз»; и еще один маленький телевизор смастырит, коли останутся от музыкальной машины лишние части. Но все же это нечестно: баба Рая сама телевизор глядит на заставе, а меня с собой не берет: *Мал еще, говорит, князенька. Затуманишь исподнее зренья суетами забобонскими, пропадешь, забудешься — и мы все с тобой заодно. Учи лучше фиты да ижицы,*

сокровенное святое письмо со счислением букв. Теперь все будет иначе: от сегодняшней великой полуночи ничего моему исподнему зренью сделаться больше не сможет — от полуночи я самый главный жидовский принц и мужик с навсегда отворенным зреньем исподним: захочу, и «Телевизионный еж» посмотрю, и «Семнадцать мгновений весны», и концерт популярной классической музыки. «Звезды» той «Красной», забобонской газеты растопочной, баба Рая и сама не читает, а не только что мне не велит — так хотя бы по-честному. Картинки газетные, те мы иной раз глядим изредка, до того, как засунуть в печку: смешные рисунки из «Боевого карандаша» или фотопортреты государственных лиц и ракетных крейсеров, а читать? — нет, не читаем. Только однажды баба Рая туда долго-долго глядела, все не сувала в огонь, а потом сама попросила: *Прочти, князьенка, чего там на первой странице подписано, радость? которые клеветы еще забобонские? —* **ОСОБЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ООН, ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФИНЛЯНДИИ Г-Н ЮХАН-ЭРИК ЭНГЕЛЬСТРЕМ ПРЕДСТАВЛЯЕТ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ТОВ. А. А. ГРОМЫКО ПЛАН МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.** И два государственных деятеля, взявшись за руки, на диване. Баба Рая забрала газету назад, еще раз сбоку глянула на левое государственное лицо — полупрозрачное, полусмазанное нерусское лицо с дворянскими бородавками, свернула «Красную звезду» пополам, потом в четвертку, потом в осьмушку, потом в шестнадцатеро и, обжигая толстые темно-желтые пальцы, запихнула подальше в плиту. Самый от нас ближний восток — это языческий Рим-город как раз, полуденных стран Римских бывшая столица, зовется также Ленин-Город и Петер-Город, а от хананеянов финских — Пьетари. Что ж они, злые чухонские вейки? — неужто хотят у Русской державы идти воевать Петрину крепость? Опять, что ли, война меж них сызнова учинится? Однако навряд ли — Петра-кесарь был волхв посильнее их белых хананейских волхвов, да и черных египетских перекудесничал бы: город тот Петрин с ладони построенный обложен петушиным таким словом заветным, что навряд ли дерзнут белофинские люди идти поперек того волховства. *Наглый фраер хуже танка,* говорит Яков Маркович, нижний квар-

тирант четырехглазый, когда ихний пацанчик просится покататься на его «Старт-Шоссе» с рулем, как рога у барана, — так и эти: вдруг не отступятся, ополчат сызнова карельских стрелков и полезут бороться русскую силу? Тогда бы нам пришлось с бабой Раей и с Яшей и с девками обувать мигом лыжи, хватать петуха Авенирку под мышку и уходить на не-находное Похвально-Озеро: сидеть там пережидать, кто кого победит — в бывшем том охотничьем домике, где до первой германской старый Энгельстрем-барин селил жриц любо-страстных, служительниц развратного Ваала-бешменчика, по почте с Петер-Города или же с самого Вавилона парижского выписанных, из языческих капищ «кафешантанами» и «палероялями» называемых, а также и прочих блядей. Там уже у нас все оборудовано на крайний пожарный случай — харч запасен изобильно (грибы сушеные ожерелками на всех гвоздях и соленые в горшках замуравленных, и варенья черничные, брусничные и клюквенные в дубовых ушатах, и из желтой жести латынской солидолные мятые банки с говяжьей тушенкой неприкосновенной запасной копятся в подполе на холоду с сорок девятого года), а в подскальном озере Похвальном ледяном и бездонном ходит форельная рыба-пестрица; под западным окошком построено высокое престо-льное место с отделеньем изголовным для заветной де-довской книги; койки застелены гладкими воинскими одея-лами, в ларях бельевых простыней. полотенец и наволочек неизводный запас, в поставцах же видимо-невидимо всякой посуды — и алюминиевой новой, и старой серебряной чер-ной; в высокой кафельной печке прочищен и наново пере-бран дымоход (на кафелях тех, видать, для рассеянья энгель-стремовских охотных гостей, развратно нарисованы блеклою синью голландские голые девки на конях, на оленях, на ко-пытных шерстяных мужиках, а также и пешие); дров же на-колото на год, не меньше: как придем — так сразу можно баню топить: парить с дороги усталое сердце. Ныне нам уж не учинится такого, чтобы война нас застала или смута какая врасплох: наострим лыжи и отсидимся на том Похвальном Озере, там никто нас не съест, ни посуху, ни с воздухом — это наш Яша придумал! Собственным своим умом дошел, а сам-то еще был дитя горькое, сопливый маловозрастный шкет — ему ведь еще даже и трехнадесяти лет не подходило, когда

он от тех собак убегаючи наткнулся в дебри лесной на энгельстромовский домик и *нашего живота во спасенье* такую штуку придумал; а они говорят: *недоразвитый!* Сами они недоразвитые, необрезанные скобари поселковые, сборный по сосенке люд, не умеющий отличить правой руки от левой! Я их умножаю на нуль!

...Яков Исакыч, жильцов наших язычников дядя, любопытный, как сволочь, все пытается бабу Раю, забежавши проведать родню на пакгауз или на погранзаставе на нее натолкнувшись, как она бронебойную кашу варит на личный состав, или простыни в каптерке считает, или в «красном уголке», он же «ленинская комната», глядит в телевизор «Темп-7» передачу «Мама, папа и я — спортивная семья» — и все ему, настырному, надо знать: чей я все-таки буду пацанчик, от которой точно из девок родился?.. *Хочу, шутит, на какой-нибудь вашей раскрасавице пожениться, но только чтоб без сопливой нагрузки. Так к которой сватов засылать?* И спрашивать нечего — кто бы ни выродил меня, все равно я бабы-Раин, ей на колени рожденный. Так какая разница, от кого, а ему-то вообще никакой! Еще *точно* ему надо!

Что будет? Баба Рая скажет: «Обручается и венчается рабъ Божій (это я, значит) рабе Божіей (а это, значит, из наших девок та, чей к моему колечку лучше всех перст подошел)» и подымет с вином сладким, изюмленным полный стакан и рядом спасенную книгу на черном серебряном блюде перед собою. Книга будет на нужном месте раскрыта. Та подошедшая девка, поголовно в великоденной простынной хламиде, выпростает по запястье десницу и повесит ее кверху ладонью над блюдом, я же ей то мое колечко кожаное, с мужеского уда сколком краснокаменным в муках срезанное, в тайных бабы-Раиных травах моченное-паренное, на бронебойной плите сушенное, наверну ей осторожненько на безымянный палец ее ледяной и дрожащий и так скажу: «Вотъ, ты посвящаешься мне этимъ кольцомъ согласно вере и закону Мойсееву и народа жидовскаго. Какъ оно вратеть тебе въ плоть, такъ и я врату тебе въ плоть и выйду навыворотъ сыномъ — изнурюсь и умножусь въ лоне Абрама, Исака и Якова». И отопью половину багрового вина из стакана. А она куколь на плечи спустит, засмеется глазами и допьет следом до донца. А баба Рая с двумя остальными девками, и с Яшей

вместе, высоко над нами блюдо держа, вновь полукругом престольного места заходят-запоют-забормочут: «Адонаю, Адонаю, Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ! Благословенъ будь домъ этотъ крепкій, убежище на краю... Благословенъ будь Мойсей, что насъ вывелъ съ Египета, отъ злаго того фараона къ этому крепкому дому... Благословенъ будь пиръ свадебный и день-рожденскій и великоденный въ крепкомъ томъ доме... Благословенъ будь весь жидовскій народъ на этомъ пиру — чемъ более его изнуряли, темъ более онъ умножался... Благословенъ будь женихъ, князь въ городе, мужъ в доме и первый въ народе... Благословенна будь невеста обрученная, княгинюшка плодная лономъ... Благословенъ будь первенецъ ихъ, младенецъ грядый, какимъ умножится жидовскій народъ...» Скажут благословенья те числом не меньше, чемъ семь, и на какомъ месте были, на томъ замрут-остановятся; тут я возьму у бабы Раи с блюда хрустальный стакан да какъ грохну об пол его! — в мелкие дребезги! — чтобы в радости на день-рожденском и свадебном и великоденном пиру Ерусалим не забылся, город срытый, поруганный, пленный, город скрытый, куда мы вернемся и живые, и мертвые. ... Вот как все оно будет! или чего-то я спутал?

Скоро уже, скоро — недолго осталось: придут и отвяжут от койки: Яша перетащит под фонарь под «летучую мышъ» — к престольному месту из мореной морем корабельной сосны, и они с бабой Раей там споют и походят, и положат мне на колени Адонаеву книгу, и восставится завет и восстановится корень: от того часа я сделаюсь на Жидиячем Носу полный принц и мужик. Потом вся штука с колечком, потом пир — великое разговенье престольное, в тройную к обычному силу. Или сначала честной пир, разговенье великое, а жениться потом?.. Таскают туда-сюда, как мешок с говном! В подбрюшье у меня будто молния скрученная застыла и никак не раскрутится; во рту... в роте все заскорузло до корней языка и до сглотных узлов. А успеет ли хоть Илья обернуться пророк с троепраздничным брашном?.. Не успеет — тоже не беда, бабы-Раиного поедим. Да, точно — жениться потом. И правда, не натошак же! Попили-поели — надо идти почивать на свяченой заветной рудюю простынке, ее тогда девки вновь с пенем постелят, а баба Рая лампу подержит и скажет слова

нужные. Бедного Яшу на крышу ушлют, сидеть там до света на лестничной последней приступке под Сивер-звездой, под Мойсеевой Небесной Дорогой, под шелестеньем и вертуханьем легких ангельских крыл; ничего, пускай посидит, ничего ему через это худого не делается — все одно он и не спит никогда. А я, как же я-то засну — я уж навеки тут, кажется, выспался?! ...*Покуда у тебя уд заморожен мужеский — затвержен подорожным тем маслом с маковой вытяжкой, да индпакетным бинтом перетянут, да заговорен петушиным словом сокровенным, он — хочешь не хочешь — к петушиному делу бесперестанно способный.* — А больно? — *Это неважно, сказала баба Рая. Потерпишь, не барин.*

5. И ГРОМЫ, И МОЛНИИ, И ГУСТОЕ ОБЛАКО НАД ГОРОЙ

— Баба Рая, а когда точно преставление свету случится, и Страшный Суд? В двухтысячном, что ли, году?

— В двухтысячном? Почему это? Постой-постой, дай сочту... какой сейчас?... — семь тыщ пять сотен осьмой будет? Что вдруг, с чего бы такая страсть?! И лето не круглое... Ты что ж, князенька, и вправду думаешь: учинится светопреставленье Господне по забобонскому летосчисленью? С какой же радости? Это тебе суеверными своими лжами и иными клеветами глумотворные те и скверные бабы-учительки туманят исподнее зренья. В двутысячном точно не будет! В каком угодно, только не в двутысячном. Ты бы учил пока лучше жидовское святое письмо: фиты разные, да яти, да ижицы со счисленьем. Вернет Господь заветную книгу, все и прочтешь: и когда, и что, и как — там все что надо записано и когда надо проступит. Предположено нам об том дне знать — в сокровенном некаком месте есть запись сделана и в предположенный час прояснится. Но я думаю: вряд ли. На то отдельный особо явится знак, незадолго, — спи, князенька, ты это увидишь.

Классная-то Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре и правда всегда говорила, пока не потерялась с концами вместе с цыпуновской той Казимирой-размужней-Витаутасовой: *В двухтысячном году, ребята, мы постро-*

им коммунистическое общество. Вы счастливые люди, потому что удачно родились и точно доживете до коммунизма и все своими глазами увидите! Я-то думал: просто они так называют по-забобонски иначе то же самое, те же яйца, только в профиль, а баба Рая считает: вряд ли. Это у них по ихней вере что-то свое, нам туда мешаться неместно. Пускай думают чего хотят, нас лишь бы не трогали... у них свое, а у нас свое. ...Если через пятнадцать лет во всех Римских странах полуночных и полудневных коммунизм будет, особенно может радоваться тот Вовка субботинский, гнус: пахана его Субботина Пашку, который Людмилы-Прокофьевны сына-нахимовца непреднамеренно удавил и ему «вышку» заменили «пятнашкой строгой изоляции», так тогда его выпустят как раз и больше никогда не посадят: при коммунизме тюрем не будет. А что же будет? Только «вышка»?

...Если двухтысячный — это семь тысяч и пять сотен восьмой, тогда выходит: семь тыщ пятисотый, круглый — это по-русски девяносто второй. А мне?.. — мне двадцать стукнет, я уже буду вернувшийся с действительной службы, если, конечно, за два года до того изловчится легавая кляча Ферштейн, милитон оперуполномоченный, по дороге на Похвально меня перехватит и сдаст на призывный пункт в райвоенкомат. *Пожалуйста бриться, призывник Жидята! Эй, ты, жопа дезертирская, снимай трусы и заходи давай на медосмотр! Елки, залупатый какой! Татарин, что ли?!* Может, преставленью свету и окончанье времен как раз и учинится в том временном лете девяносто втором, раз оно такое до двух нулей круглое и с пятерочкой? А может учиниться и завтра, — того баба Рая не знает и я помнить не должен, на то отдельно особый явится во своевремяе знак, надо его только засечь исподним зреньем — на море, на небе, в книге или в газете какой, или же диктор скажет по радио и телевиденью будто ненароком обмолвился; ну вот, а баба Рая меня в «красный уголок» не пускает!

* * *

В голове еще пуще кружится; тошно; в зренью исподнем, под Яшиной бесхвостой бескозырочкой, надуваются и меркнут облаки искр; дыханье спирает. Сглотные желваки в горле

так понабухли, будто затвержены маслом тем подорожным с маковой вытяжкой, живот же, наоборот, весь как ссохся. Тошно. Вот если бы Яша папиросочку раскурил да приклеил мне к нижней губе... Ах, куда там, нет у него никаких папирос, да он и не курит. Папиросы бабы-Раины горлодерные «Север» я знаю где у нее лежат от меня — за второй стрехой направо от лестницы, три целые пачки и одна початая, остальной же запас хоронится в особом безоконном чуланчике, ход же в него только снизу — через разборную стенку из сенцов. Еще у нас на озере Похвальном много есть довольствия табачного неприкосновенно-запасного: в конце первого квартала уступил мичман Цыпун отжененный (по пять копеек пачка заместо госцены по четырнадцать в пересчете на собачьи носки, и стирать-гладить он теперь тоже нуждается) другие десять пятидесятипачечных бандеролей плюс махорки насыпью шестнадцать кило — Яша, бедный, едва доволот. Одна папироса «любительская» — интеллигентская, кисленькая — есть у меня под койкой затарена в левом валенке (на прошлой неделе угостил поп Егор после исповеди), в правом засунуты серные спички «ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ ДОСААФ!» с боковым видом тяжелого авианесущего крейсера «Повесть о настоящем человеке» на этикетке; но поди ж их с примотанными руками ухитрись из-под койки достать!.. И вообще: можно ль курить табачное зелье, когда перед жидовскою паской опощаешься голодом? Бабу Раю я об том не пытал: на такой дерзкий вопрос она ничего не ответит, а сама спросит, и строго, — но я думаю так: все же нельзя: все вовнутрь себя нельзя, кроме голого воздуха; все из себя наружу — вроде, пожалуйста. Вот посикать я мог бы, это законом жидовским разрешено: вскрикну два разика по-петушьему — придет-приспешит баба Рая с урыльным горшком: я ей навесом посикаю лежа, она же ўловит в горшок барабанного дождичка на излете. Только вдруг я сейчас кукареками дикими важные у ней какие слова перерву? или собью ее с девками с хода? — ладно уж: более-не-менее терпит; да и хочется-то не так чтобы очень, перемочься можно пока — то захочется, то расхочется... пожжет-потомит — разойдется... Ладно, перемогуся, а там уже... после всего: взлзу незаметно на крышу и отолью с восточного ската фонтаном на полуденный край.

Ох, поскорей бы уж минула вся эта великоденная, и женильная, и день-рожденская страсть, поскорей бы сделалось завтра: мне ведь еще от завеликого от завтраго дня нужно спешно одно спешное нужное дело справлять: спешно доучивать нужно яти с фитами да всякие тайные ижицы: дотверживать жидовское запретное письмо до конца — на то есть у нас великая учебная книга мрамористой зеленой кардонкой обложена, называется «Нива на 1913 г.», там всем словам явлен их старый истинный склад. Так, все доучивши, стану исподним зреньем читать спасенную книгу, где весь закон и завет весь — каждый Божий день заместо школы — может, мне откроется знак? А кому бы, коли не мне? Еще только надо всех тех букв численные значенья повызнать и вытвердить неизгладимо: те ведь буквы от римских начетчиков нарочно из азбук изглажены, а вставлена похабная буквица «ё» лишняя, чтобы нам все счисление лет перепутать и скрыть от нас все схождение числ; особо же скрали запретную букву «фиту», без какой никуда. «Фита» — девятка, выдал священник Егор: я ему запустил военную хитрость, будто нам про то якобы в школе задали, на каникулы заданье домашнее по ангельскому языку. Для школы посовестился бы он не сказать: и так из-за него, в смысле из-за церкви из-за его, из-за той курильни религиозно-дурманной, что мы туда ходим отсталые с бабой Раей и с девками, и свечи там палим, и на стенных темных бешменчиков крестимся, и причащаемся святых таин, Людмила Прокофьевна, классная, меня в юные не взяла пионеры. Вот прочту весь завет и закон весь до конца и к началу, и вдоль, и поперек, и наниз, и наверх. — все узнаю в точности: как, и что, и почему, и когда, — а закралась вдруг ненароком какая ни есть забобонщина у бабы Раи в жидовский обряд — велю сейчас же — покуда не поздно — переиграть все на истинный вид. Кто ж ее знает, бабу Раю, чем она у Егора-попа через двухметровое плечо умудрилась? Могла ненароком и христианских приписанных слов подглядеть, и развратных языческих музык подслушать. Не забыть еще: от завтрашнего дня начиная: если забобонские лжи и клеветы остались в той книге написаны и не выдраны сильною Яшиной мышцей — вчистую все зачирикать зеленым фломастером «Радуга», привезла баба Рая четыре в прозрачной обойме пластмассовой с Выборга: красный, синий,

зеленый и черненький, выкинули там в универмаге под Новый Год по одной упаковочке в руки. Или синим... Но точно не красным! ...А потом, как прочел весь завет целиком и закон весь: и туда, и обратно прочел; и прочел все вторые и третьи и прочие буквы вдоль-поперек; и на числа расчислил, и зачирикал забобонские лжи и клеветы — возьму ту книгу с собой и через колодец старым шведским подкопом изпод восточной стены залезу в ту потайную каморку один, а может, вообще возьму уйду на далекое Похвально-Озеро: сяду дописывать на пустые листы в книгу сзади все, как было дальше с жидовским народом — ото дней жидененка Захарки начиная, пацанчика Мойсеевой крови, как его новгородские торговые люди, корабельщики русские, от Франка, злого того короля, и Езавели его плотоядной с Испании взяли на Русь и как он их там в лоно Аврама, Исаака и Якова принял, дополнил в сиротство свое. Покуда шел русский гостиный корабль морем Полночным раскинутым, широким Западным океаном, гремел гром всю дорогу, и молния билась, и поперед корабельного носа летело чудное облако, днем — белым оболочено дымом, ночью — беременно белым огнем. Чуть приплыли, чуть паруса опустили и швартовы отдали — гроза сейчас же утихла, облако рассеялось, как не бывало... Потом доопишу все, как Иван, третий этого имени полуденных стран кесарь, Новгород господинства лишил, Волхов-реку сладкую выгорчил, новгородских людей привел в навечное римское подданство, жидовских же набольших людей увозом на Москву полонил и там, костями на колесе поломавши, пожег их огнем, а прочие жида утекли с Новгорода на берег Невский, в Водскую дальнюю пятину, и огородили себе деревеньку — тогда им вновь являлось то облако и у обоза шло в головах, от Новгорода и до самой до Новой Деревни... А дальше еще допишу, как во дни кесаря и волхва Бориса-татарина и то их сельцо разорили буйные годуновские стрельцы да казаки по военной дороге на шведа, а жида от разора какие остались — Субботины, Замысловатые, Еретицины, Промышленные, Поганкины и наши Жидята — с какими остались пожитками утекли аж за Выборг, за крепость заслонную шведскую: там обстроились наново. Как пришли сюда на Жидячий Нос в запретпогранзону «Полуостров Жидятин» и сели, где сейчас пакгауз, а тогда самый

берег был широкого Алатырского моря, и сказали: *место это хорошее, пустое, водное, рыбное, за дებрью ото всякого войска сокрытое: хоть от легионов кесарских римских, хоть от фараоновых железных людей, хоть от хананеянов хищных, будем здесь жить* — так сразу громы перестали греметь и молнии отвадились биться, а то облако во всем своем белом сиянье на Ерусалимскую гору взлетело и ушло там в кременную породу; никто его с тех пор не видал. И гору также. Она, гора, вместе с облаком над ней, ввинтилась тогда в сырую землю воронкой; — будет час, земля вновь напухнет и Ерусалим-город ею так восподымется, что и отсюда, с пакгаузной крыши, с западного ее ската, виден будет, как на ладони, даже и без командирского бинокля или телескопической подзорной трубы. Может, знаменье, оно же знак, как раз и скажется нам через это явление? ...А может стать, и нет, а будет все иначе — может, само то облако наше знаменье и есть: как забелеется сызнава в громе и молнии — так, значит, все: *труби отбой, руби концы*: пора в подземную полость спускаться, пора нижними слепыми ходами под Ерусалим-город брести — на корточках, чтобы не обшибить о подземельный свод голов и не обскресть на глаза земной ядовитой слизи. У всех (кроме меня, раз я как принц и мужик всему предвожу) обе руки навтыяжку, ладони лежат на плечах у передней спины, напряженные колени хрустят, а галошные подошвы по чугунному по настилу решетчатому наощупь где шурк-шурк, где хлюп-хлюп, а где ногой сорвешься в проломину, свиснешь. Как же баба Рая пойдет, с ее-то ногами?.. Сорок дней надо идти и сорок ночей — ходами кружными, извилистыми, взад и вперед, вдоль и поперек, под запретонным лесомассивом и под нейтральной той полосой (скоро ее замполит Чучьчев опять поедет распихивать на весенне-летний сезон, если, конечно, Яша до ерусалимского нашего ухода успеет, как божился, перебраться у бензоплуга движок, долить антифризу, недопитого Пашкой Субботиным яду, и сменить тормозные колодки, но последнее, лишь только если уступит Цыпун от десантной амфибии новые, в обмен на десять ящиков неприкосновенной тушенки за безналичный расчет; хитер-хитер Цыпун-хохол-мичман, а бывает что и проще ефрейтора; он в простоте своей так полагает, что лендлизная тушеночка та есть еще на заставе в на-

личии, а она уж давно как на Похвальном вся...), потом сызнова под темным лесом, под дебряю запретной потянемся, только теперь уже с той стороны: не с русской, а с финской; все стволы у чухонских тех крохоборных людей сплошь перенумерованы, объяснял Яков Маркович пацанчику своему, и так вплоть до самых до Гельсинок — елки красною цифирью, сосны — белой, а березы, те черненькой. Чухонские люди на дерево молятся — дерево это ихний чухонский бешменчик; потому они своих деревьев не рубят, а покупают от Русской державы несчетное количество дров топить финские бани. Пройдем под той нумерованной дебряю четырнадцать тысяч шагов — тут дорога загиб сделает и дальше под морем пойдет (*кипящее море над нами...* впутывает Яша наш из ненашей песни варяжской; там порасставлены всюду над нами железные мережки на дне, и цепные повешены ржавые бомбы, а над зелеными развалинами варяжских кораблей неслышно ходят подлодки), а потом вновь под сушей, под кременными корнями стеклянных тех горок пустых, для дозора над Ерусалимом, над городом скрытым, скрытыми царями-волхвами построенных — черным, белым и красным. А там уже буквально рукой подать — как сразу под Мойсееву Гору пришли и сказали слова (баба Рая знает какие) — вывернется земная глубина опять наизнанку, подземная гора, вся из прозрачной алатыри, ею взойдет и нас на себе вынесет ввысь. А стеклянные горки, те лопнут. ...Или вдруг наоборот все: едва как соберемся, едва как носильный скарб, какой неотложный, в короба сложим и на Яшу нагрузим, документы и деньги понесет баба Рая, а книгу я; харч путевой — в бидонах на защелке тугой морс засахаренный и видимо-невидимо засухаренных пресных калиток в вещмешках — навесим за спину девкам и сползем навсегда из пакгауза в секретный подвал, Яков-Борисьчем Фридлиндом замкнутый и запечатанный на кесарскую большую печать, или пускай не в подвал из пакгауза, если нас с пакгауза сгонят, а пускай со двора в потайной какой-нибудь люк (а хоть и в тот, у срального нужного места — а что? ничего, не बारे: оно маленько посмердит вдогон и отвяжется), и по склизким заледенелым решеточкам двинемся на норд-норд-вест — по компасу с золотой самосветною стрелкой (мичман Цыпун уступил, возмездно за три месяца

бабы-Раиной стирки и глажки и четыре пары собачьих носок... носков); мертвые же пращурь наши Жидята также все из болота долой и следом за нами; — тут как раз, может, явится вновь облако то дымноогненное, спереди в подземельной трубе, водителем предводителю — мне? Покуда же нам все это неведомо, в точности этого всего даже баба Рая не знает, женщина мудрая сердцем, умеющая прясть, а уж я и подавно: у меня ведь святое письмо со счисленьями букв недоучено до полной всей тонкости, а из Петропавловской той из Егоровой церкви спасенная книга считай что нечитана вовсе. Завтра начну, *съ дня завтрашняго*.

— А вот я что еще хотел спросить вас, батюшка отец Георгий, просто интересно — вот эти, вот тут на образе слева внизу, в таких баках огромных и так далее, которые в своем собственном семени, мучительно засыхающем на глазах, на ртах, на ноздрях и тягуче кипящем вокрут, — это что, оналисты, что ли? верно я понимаю?

— Почему оналисты, голубчик вы мой Яков Маркович, дорогой? Это все.

Тишина, как в церкви. Пойдем вот когда с бабой Раей и с девками на русскую паску причащаться для отвода глаз святых таин, поп Егор со своих рук даст просвирки слизнуть и хлебнуть «Агдаму» багрового — сладкого азербайджанского вина. Я вхожу сейчас въ церковь, въ домъ идольскій, но я не поклоняюсь ни дереву, ни камню. Я поклоняюсь только семидесяти тремъ Именамъ Господа... Подойти надо только пораньше, до ленинградского автобуса успеть, пока не поналетели отца Егора духовные ласточки (тетки его прихожанки заочные, очковые крылошанки с кошелками, полными яиц и эклеров), и не понавели на всю округу гулу да гвалту. Хорошо хоть, к русской паске уже нижние дачники будут от нас с пакгауза съехавшие: Яков хоть Маркович, необрезанец тот жиличкин мужик с вечными его приборобонами, не увяжется в церковь за нами, как банный лист, и не примется отвлекать умными разговорами батюшку от служения. Ох уж эти квартиранты-язычники — стали они петлей для нас, а бешменчики их для нас сетью, по пятиалтынному за койкоместо в сутки. *По регламенту Петра Великого причащаться надлежит непременно «Кагором», но... за неимением гербовой во имя отца и сына и святого духа...*

всегда как бы извиняется петропавловский поп, наклоняясь в хрустящей ризе для причащения, но ему-то до феньки, какое вино, хоть шампанское с керосином — он непьющий. *Непьющий батюшка — горе селу*, жалуется субботинская старуха Семеновна по секрету, *больно уж укоризнен. Виданное ли дело — за простое злословие три пятаковые свечки и четырнадцать отченашей?! Да и что за число такое нерусское — четырнадцать, уж дал бы пятнадцать — или по мягкосердию десять! Вот через то-то матушка и сбегла небось, не вынесла строгостей таких и каверзных ласк. — Москва-Воронеж, хер догонишь!* равнодушно отвечает продавщица Верка, *Слышь, Семеновна, такое чего расскажу... — отпадешь, старая, тут же, вот те крест... Того мальчонка знаешь, зашморканного? ну того, с пакгауза который — по три раза на дню за «Пионерской правдой» ко мне шляется... Ну да знаешь — тихенький такой!.. Так вот: считай, уже недельник его тут не было, с гаком... или того доле, И НИКТО ЕГО НЕ ВИДЕЛ... И вообще чего-то не видать... ..Тебе куском или порезать?*

«МИЛЛИОН, МИЛЛИОН, МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ», — глухо подбивается с нижней кухни. Или и точно не воротился их пацанчик малой, или еще даже спать не ложился. Уже самая почти что полночь осела на Жидячем Носу, в нашей «Сакте» у них скоро гимн заиграют; все добрые люди без задних ног спят уже, кроме караульных и вахтенных, кроме песьей стражи в пограничном наряде да лихого человека в запретном лесу — черного того египетского лазутчика жвачного, под месячным сияньем добела загорелого, или римского какого беглого зэка с босой головой, а эти, как *эти!* — днем ночь, ночью день, стулья у них бесперестанно скрипят, двери хлопают, радио не выключается никогда; уж такое у них свойство, у городских русских людей — нет у них никакого в жизни уклада.

Пора бы уже помаленечку и старому тому пророку Илье к нам возвращаться в пакгауз: во своевременье к великому пиру с ангельским пивом-вином, и еще с кашей манной, медвяной, изюмленной — в бездонных, неисчерпаемых котелках. Пиво «жигулевское» у Верки в ларьке баба Рая брать не велит — Верка на нем крутит себе вокруг бигудей толстые

рыжие кудри, а потом выжимает обратно в бутылки. Через то пиво становится мерзко.

—...Вы только вдумайтесь, Яков Маркович, голубчик вы мой, — какое же поразительное, достойное самого пристального внимания явление представляет собой еврейский народ, который уже столько веков существует и неизменно погружен в бедственное ничтожество: его существование необходимо, ибо он свидетельствует пришествие Иисуса Христа и все такое, а бедственность этого существования тоже необходима, ибо евреи распяли Его и все такое; и вот, как ни сопротивляются они своему бедственно-ничтожному бытию, оно все длится и длится, все такое же бедственное и ничтожное. Не понимаю даже, Яков Маркович, золотой вы мой человек, ну чего тут тебе непонятное, голубчик? Проще, как говорится, пареной репы: либо евреи порочны, либо мы, христиане.

— А долго так будет, отец Георгий, батюшка, ну, как вы говорите? Ну, в смысле, бедственные ничтожества им такие, и мучения, и так далее, и так далее? Просто интересно! Все так и пойдет?

— Все так и пойдет, Маркович. Но не так уж и долго. В бедственной только юдоли земной так пойдет. До телесной смерти всего лишь помыкаются бедолаги, а потом их Иисус Христос, конечно, регулярно простит и все такое. Даст им для очистки совести немножечко в аду потомиться в шкафах духовых, или повариться в котлах с кипящею смолкой, или там пожариться на каких-нибудь на сковородках чугунных, годков всего эдак сто-двести, чисто символически — ну, пять-сот... просто, чтобы загробная служба медом не казалась и чтобы нам, праведникам христианским старослужащим, не обидно было, а потом извлечет их из геенны, как уже и ветхого Адама извлек, и Еву-праматерь, и святых патриархов Авраама, Исаака и Иакова. Тут они и увидят их заблуждение, что они думали, что Израиль это они, а Израиль — это мы, святая церковь Христова, а не они! Их же всякие там праотцы — Авраам, Исаак и Иаков, и царь Давид во всей его кротости, и царь Соломон во всей премудрости и славе его, и все другие, и праматери все так же самое — и не их вовсе праотцы и праматери, не еврейские, а теперь уже наши, христианские бабушки-дедушки — мы от них приходим, а не они. Ну как, понял теперь, Маркович? Понял, за

что дед бабу гонял? Зер гут! Тогда пойдем, голубчик, посидим, может, на крылечке на солнышке... покурим твоих городских... Здесь все чего-то последнее время из подпола сыростью тянет, того гляди, погнет радикулитом старенького болтунишку деревенского... Совсем попик стал ветхий... ну на все Божья воля. Осторожно, церковь закрывается...

Уж не знаю, какой такой речью они там все балаболят — мы ее разбираем с середины на половинку: слова есть похожие, а склад весь не тот, как у нас. Забобонская речь, одно слово: христианская, русская. Они нас с бабой Раей и девками всех ненавидят, и Яшу тоже, невесть чего про нас говорят и заглазно евреями дразнят, черным словом христианским. Баба Рая говорит, дедушко Яков учил ее и рыжего Яшку-запку, брата-погодка ееного покойника так: раньше давно когда-то, при короле Франке и крале его Езавели, и при других королях и кесарях Римской части полудневных и полуночных стран, были жида, а были еще тоже отдельно еврей: такие забобонцы из жидов перевернутые, какие от жидовского народа отбились и пошли в римскую службу, веру и нацию, но праотцев своих и жидовских праматерей, в могиле на дне приколотых под крестом, еще помнили ненавистно, и то же самое окрестные прочие люди — и римские скобари, и хохлы, и цыгане с татарами, и лопари санные, и лесные и озерные хананеяне в пуху и в меху, и другие народы земли — те тоже им помнили ихнюю родину и тогда еще пока не забыли. Говорили: *Жид крещеный хуже татарина, одно слово — еврей!* Потому те ото всех презрены и вертелись, и кружились угрями подобно, чтобы и самим позабыть, и ненароком никому не напомнить. Вот через хитрую их эту уловкость еврейскую таково о них говорили, в переносном смысле: *Где еврей прошел, там жиду делать нечего.* После-то все еврей те, конечно, повымерли, в смысле, с истечением лет и со схождением поколений об них позабылось, от кого они там родом и кровью, а черное слово осталось висеть — так теперь кесарцы воинские, пограничные как и морские, сволочат нас заглазно с бабой Раей, и с Яшей, и с девками, когда им собачьи носки дороги или простынки желты, а также и гражданские с зашламбаумного поселка скобари-жители, сборный по сосенке люд, не умеющий отличить правой руки от левой; но те так просто бранятся, как выпьют «Агдаму» с

прицепом, или молдавского вермута, розового полынного вина, или же на Веркиных кудрях накрепчавшего жигулевского пива; а еще орут матерно и ругаются скверною лаею, а сами ничего об том всем толком не знают, кроме разве Субботиных одних. Субботины же те, из-за гаража с котловым довольствием и еще из-за другого разного по древнему счету — что, например, нам дали пакгауз в аренду бессрчную, а не им — вечно умышляют на наше злосчастье. Они об том хорошем кирпичном пакгаузе скучали еще от Петриных самых времен, а при первом этого имени Николае, по истории СССР именуемом «Палкин», едва не достигли: тот тяжелый на руку кесарь чуть не отобрал было пакгауза от прапрадедов наших, чуть не отдал Субботиним-разжидовленникам в бессрчное пользование. А уже почти что даже и отдал, почти что уже приложил государеву свою большую печать к той передачной на ябедных и клеветных Субботиных грамоте, верхняя от печати дуга (с коронкой и наконецем копейным под ней) уже даже впечаталась, но тут прибежали наближние бояре его и прочие большие шталмейстеры, сказали, что мы-де, жидятинские вольные хлебопашцы Жидята, самого Великого Петра личноизвестные арендаторы, также всем семейством и родом обернулись в забобонские закон и завет и — от гевальдигера Энгельстрема-барона военнокурьерской почтой доложено! — отныне согласные заместо Сибири ходить причащаться святых таин в петропавловской церкви и на поганские лики забобонски молиться, а также смотреть в клубе Балтфлота про Душечку Ковальчик изуверское и грешное кино. Тогда Николай-кесарь удержал тяжелую от больших и малых колец руку, не вкачнул печати до полной плоскости, до змия пронзенного на полу над нижней дугой, сургуч недопечатан засох и Субботиним опять ни шиша не добылось. Но они, забобонцы, своего не оставили, только и помышляют, как бы им, чуть какая оказия, все по новой начать — последний раз было, когда нас Красная Армия и Краснознаменный Балтийский Флот обратный раз своевали обратно от ханаанских людей, от белоголовых волхвов люторанских, а они, Субботины, (несколько припоздняясь на свою беду) тогда воротились с Руси, с лютого поселения сибирского, со станции Зима, где всегда зима и злые татары, немирные конейдцы бабайские, на Жидячий Нос сюда к нам и тоже запросились у

райисполкома в пакгауз, говоря, что они-де от прислуги финляндскому оккупанту по полной мере очищены и невинно через то пострадали, хотя-де в первый же день со всей русской силой на восток отступили, кто пехом, кто воздухом, а кто на броненосце «Двадцатилетие пролетарской революции» был вывезен морем. А мы, хитрые как евреи Жидята, и ту войну, и эту тут на Жидячем Носу просидели под фашистско-чухонской маннергеймовской властью, а нам за это, выходит, еще льгота оказана! Но куда ж горбатой старухе Семеновне против бабы Раи нашей — кишка тонка и харя плоска; так тогда и римский начальник судил, военюрист первого ранга Фридлянд Яков Борисыч, первый самый начОСО на жидятинской базе Балтфлота.

«Спишь, князьенька? Все вспомнил, как было, как есть и как будет, чтобы все было, как было, как есть и как будет?» ...Баба Рая, а я и не слышал, как она подошла.

«Адонаю, Адонаю, Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ. Спасибо, что Далъ намъ дожить до этаго дня, какимъ возставится Ерусалимъ и возстановятся двенадцать коленъ», — тихо говорит баба Рая. Но нет, чтобы отнять мне с лица бескозырочку, руки отбинтовать от коечной рамы, слить питья кисло-сладкого во внутренность щек — нет же, села у изголовья на табурет, прямо на миску от сонного супа, маковой жижи мохнатой: забыла про нее, во тьме не заметила; миска же из-под бабы Раи как выстрелит, как полетит — по полу скачет-гремит серебром, а табуретка, та под бабы-Раиной тушей скрипит и качается, баба же Рая хрипло дышит на ней, влажно молчит, сама пахнет прожженным насквозь камнем, протлелым насквозь деревом, плоским известковым хлебом — и кровяной свежей солью и паленою волосней.

Радио на кухне внизу вновь бормочет неразборчиво-хрипло-извивисто, то ли в нем волны воют, то ли в море широком раскинутом. Поверх медленно трещат и стонут ступеньки — зачем же мы для старого пророка держали всю дорогу окошки открыты, коли он подымается лестницей, как простой человек? Или то нижние жильцы крадутся с Егором-попом и с мужиками с поселка? Или Пашка Субботин-убийца с лесоповала сбежал?.. Людоядная худая овчарка вышла из

дебри и прокусила щеколду в сенях?.. Полуволок-полузмей-полуконь?..

«Великую полночь пробило, — шепотом поет баба Рая, — Пора совершаться всему...» Девки тоненько подвывают без слов, все три; Яша вступает звяканьем нательного крестика об виольную крыжечку и вторым голосом, икающим басом: «...Веди насъ, Всевышняя Сила, на Мойсееву гору въ огне и въ дыму!»

Ну все, что ли, или как? стряхивать бескозырку, размахать очи? — или еще не пора? Что ж она расселась, *как эта*, баба Рая несчастная?! — мычать-то мычит, а телиться не телится?.. Хоть бы какое слово сказала!

...А коли в самом деле Илья, отчего ж не заходит? Может, не дошел еще просто до нас, завернул сперва коротенечку к нижним жильцам — занес им подмышкой ихнего малого пацанчика — нате, нашелся на Выборском горвокзале!? или высунулся на крышу сперва, на десятую пустую ступенечку, хочет еще с ангелами с меньшими о том, о сем перекинуться по-ангелийски, по-ангельски, пока время есть: «Бюген еавалар ничек?» — ангелы, дескать, какая сегодня погода?

«МИЛЛИОН, МИЛЛИОН, МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ», — вдруг с неслыханной никогда громкостью взрывает «Сакта» на кухне внизу. Баба Рая что-то говорит, девки что-то говорят, Яша что-то говорит — я их не слышу. Я что-то говорю — они не слышат меня. Бескозырка слетела с лица, очи раскрыты, но не видят пока, частыми молниями пронзены и задымлены огненным облаком.

“ИЗРАИЛЬ - 50”

Впервые вся история Еврейского Государства за 50 лет. Главные и второстепенные события; войны; борьба с террором; экономика и культура; люди, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю государства; скандалы, всколыхнувшие общественность.

Праздничный альбом, 160 цветных страниц.

В Израиле – 87 шек. В Америке – 37 дол., включая пересылку. В Европе – 30 дол., включая пересылку.

Издательство “Меркур” ул.Дов-Хоз 11/7, Тель-Авив

Этапы небольшого пути

I

Запах жареного исходил от газетных киосков. Все газеты, от самой большой и до самой маленькой, пестрели объявлениями: покупаем... продаем... учим... хотим познакомиться... лечим... и так далее...

Покупать Коляну было не на что, продавать - нечего, научить кой-чему здешнюю публику он бы мог, но для этого время еще не настало, познакомиться очень хотелось, но денег на представительство не было. А вот медицина... Идея исцеления и диагностики страждущих по фотографиям его впечатлила.

Колян нашел койку в ночлежке и взялся за Дело. Псевдоним придумал хороший - из расчета, что клюнувший на подобное имя удовлетворится и Коляновым лечением, приписал еще "международный целитель и диагност". Указал почтовый номер. Сумму гонорара предложил скромную, но удобную: две сиреневые купюры (в местной валюте) или одна желтая, равная по значению двум предыдущим. Кроме денег и фотографий (размером не более чем 9 на 12 см, чтобы умещались в стандартном письме), настоятельно попросил высылать пустой конверт с маркой и надписанным адресом отправителя для незамедлительного ответа. Успех полнейшего исцеления определил в 99,8%, верный же диагноз гарантировал стопроцентно.

Потратиться довелось основательно: почтовая ячейка, объявления в городских и центральных газетах, небольшая с виду, но вместительная дерматиновая сумка с несколькими отделениями для получаемых и ответных писем, наконец, отпе-

чатанное и размноженное на ксероксе письмо, полное медицинских терминов, астрологического бреда и пространных советов, ради чего Коляну пришлось несколько раз побывать в библиотеке.

Не сразу, но Дело пошло. Корреспонденцию он изымал по ночам и тормозил в кабинке общественного туалета. Там же вкладывал в пустые конверты ответные письма (задаром, как человек честный, гонорар он получать не хотел), которые отсылал не сразу, а выждав некоторое время.

Кроме денег оставлял себе редкие фотографии красивых девушек и женщин. Все прочее выносил и выбрасывал в разные мусорные баки и контейнеры.

Через какое-то время дураки кончились. Письма стали приходить реже, но с угрозами и без денег. Подходить к почте стало опасно - вычислить Коляна было трудно, но вполне возможно.

Увеличив все-таки, и немало, свой начальный капитал, Колян сменил имидж и поприще. Снял однокомнатную квартиру в частном секторе, у профессионального клошара, который появлялся дома раз в три дня, чтобы помыться в душе, сменить грязные лохмотья на чистые и получить плату за жилье - пять бутылок джина и бутылку тоника. Основательно выпался. Прикупил кое-что к гардеробу. Коротко постригся. Отрастил усы и бородку типа "Арамис". Приобрел на рынке очки "хамелеон" со стеклами без коррекции, но в тонкой оправе.

Пришлось обратиться к медицине. Проблема состояла в том, что если накладка на плече могла сойти за прихоть ученого-востоковеда, то накладка на руке явно говорила о вещах романтических, но к нынешнему имиджу не подходящих. А главное, была еще одна, та, что могла подвести Коляна в самые ответственные моменты планируемой деятельности, так как находилась не там и выражала не то (то есть находилась именно там и выражала именно то). Операция неприятная и дорогостоящая, но Колян вытравил даже японского дракона на плече - работа предстояла интеллигентная, и особые приметы были ни к чему.

Теперь, когда настало время знакомиться, он обратился к тем же газетам. Клиентура подбиралась тщательно: отношения только серьезные (других Колян не признавал), возраст - от ... и до ..., можно с ребенком, районы проживания - чтобы не пересекались.

На свидания он приходил вовремя, на кофе, кино и другие мелкие увеселения тратился охотно. Был обаятелен, внимателен, нежен, неутомим. О себе говорил по-разному: имен и профессий много. Достаток свой обозначал, как скромный, но неуклонно стремящийся к среднему.

Все моральные обязательства имеют материальный эквивалент, в чем скоро убеждались подруги Коляна. Мало ли на что можно дать денег близкому человеку, почти нынешнему уже спутнику жизни. На билет, разумеется, только на свой, в Париж; на первый взнос за машину, которую они же вместе и выбирали; на покрытие части расходов по устройству свадебного банкета...

Через какое-то время с делом пришлось завязать. Страна маленькая, и выгуливать клиенток стало опасно. Кроме того, Колян устал. Не резиновый же он, в конце концов.

Начальный его капитал мог уже считаться первичным. Он спрятал очки, сбрил усы и бороду, выходную, но засвеченную одежду отдал хозяину квартиры, который на период дождей вернулся домой. Затем Колян уехал на юг - в недорогой отель с пятиразовым питанием.

Он появился другим человеком (в прямом, а не в переносном смысле этого слова). То есть поправился на восемь килограммов, перекрасил волосы и цвет глаз изменил с помощью контактных линз, приобрел у спецов новое удостоверение личности, согласно которому, временно конечно, из Коляна превратился в Толяна.

Потом уже Толян снял приличную квартиру в приличном районе, подписав документы у маклера на полгода с предварительной оплатой. Получив ключи и копию сего документа, начал действовать.

Через несколько месяцев, проведя тщательную подготовку, он заключил в течение одной недели восемь предварительных договоров о продаже злосчастной квартиры под именем уже настоящего хозяина, все данные которого были благополучно указаны в документе о съеме. С каждого покупателя Колян-Толян, он же домовладелец, содрал авансом от пяти до десяти процентов стоимости покупки.

Разумеется, он исчез, а через какое-то время появился опять в своем почти натуральном виде, только теперь это был хорошо одетый гражданин, с чековой книжкой и даже с постоянным местом работы. По документам он являлся работником крупной охранной компании, что практически означало пребывание ночным сторожем на стройке.

Дежурить по ночам, Колян уговорил все того же своего знакомого клошара, которому было, собственно, безразлично, лишь бы хватало до утра джинсу с тоником, тем более что тоник он употреблял скорее из принципа, чем по любви. В его же квартирке Колян поселился снова, но уже официально, сделав там, в меру теперешней своей брезгливости, косметический ремонт. Нормальный статус был Коляну необходим - он начал хлопотать об иммиграции в США, Канаду, Германию, Новую Зеландию и Австралию одновременно.

II

Мариша оказалось полностью на мели. Во-первых, начался отлив, а заходить дальше в море она боялась, так как плавать совсем не умела. Во-вторых деньги кончились. И вообще, ничего в этой жизни не складывалось, хоть в самом деле топись, несмотря на неумение плавать.

Вполне солидный с виду человек заморочил ей голову и все остальное, но оказался женатым, причем дважды. Подружка, еще со школьной скамьи, у которой Мариша жила уже около года, забеременела и стала коситься на нее и на своего мужа, и

совершенно зря. Мариша трижды отшивала настырного придурка - на кой черт ей сдался этот полунищий женатик?

Свою карьеру на новом месте она начала с просмотра объявлений в газетах. И сама дала объявление - хочу мол, с серьезными намерениями... Но попадались исключительно маляки или полные кетины, а если и случался человек приличный, то на второе свидание не приходил, как будто что-то чувствовал.

Были и такие, что сами последний сыр без соли доедали, а туда же - подавай им спутницу.

Чего-чего, а дешевой романтики в ее жизни хватало. Мариша желала стабильности на какое-то время, а там - уж если замутить чего-нибудь, то по-крупному.

Как-то раз на встречу прибыл симпатичный абонент. Они весело провели вечер, но когда дошло до главного и выяснилось, что к ней нельзя, кавалер быстренько попрощался и ушел, не уточнив даты следующего свидания. А ей этот тип понравился - проскользнуло между ними что-то почти душевное.

Было и так, что в состоянии близком к депрессивному, она отправила письмо одному целителю по объявлению в газете и, хотя заочное лечение не оплатила, получила ответ, где кроме рецепта для полоскания подмышек, ей была обещана удача в середине следующего июня. Про удачу Мариша поверила, а подмышки полоскать не стала. Но скоро и лето назначенное подойдет к концу, а предсказание еще не сбылось.

Хуже всего, что денег не просто не было, а существовал огромный долг банку, из-за которого ей перекрыли возможность выехать из страны - ее имя фигурировало в компьютерах на всех таможнях. И случилось это по исключительной глупости. Вовсе не на тряпки потратила Мариша несусветные тысячи. Она их даже не видела.

Дело в том, что Мариша затеяла Дело. То есть службу знакомств. Она добывала девушек и парней, готовых на серьезные отношения здесь и за рубежом, а ее компаньон взял на себя остальные, в том числе и финансовые заботы. Но когда все относительно наладилось и Мариша стала подумывать, как

избавиться от компаньона, тот, не соблюдая очереди, избавился от Мариши, а точнее, как в воду канул, прихватив настоящую и будущую прибыли, но оставив неоплаченные ссуды на ее счету.

Сама же Мариша, тоже будучи готова на серьезные отношения за границей, даже не успела подобрать для себя достойный вариант. А теперь поезд ушел, самолет улетел, и теплоход, соответственно, уплыл.

Если тебя собираются посадить в долговую яму, а верный твой почитатель оказался дважды женат и лучшая подруга, у которой ты бесплатно и давно проживаешь, уже не намекает, а прямо говорит, что пора выметаться вон, нужно что-то предпринимать.

Некоторые возможные, на первый взгляд, варианты последующего существования были неприемлемы по различным причинам:

- 1) безусловная зависимость от одного или нескольких негодяев;
- 2) жесткая конкуренция;
- 3) определенный риск для здоровья (могут просто заразить, а могут и поломать ребра);
- 4) физический износ;
- 5) скучающие (и пьющие - по меньшей мере) товарки, без которых нигде не обходится;
- 6) недремлющее око полиции. И наконец, моральные принципы, главный из которых: лучше продавать чужое, чем свое.

Варианты последующего несуществования тоже отпадали: Мариша как-то наглotalась дряни по несчастной любви, а скорее - из юношеского идеализма, и ей не понравилось.

Необходимо было найти компромисс, то есть нового спонсора с квартирой и без семьи.

Перед тем, как пойти на охоту, охотник решает простые вопросы: на кого, где и когда охотиться и какое применить оружие?

На кого? - не до жиру, как говорится.

Где? - на маленьких вернисажах, в камерных концертах и в других культурных местах. Мелькнула также мысль потол-

каться в некоторых посольствах и консульствах, а так же в нотариальных конторах, занимающихся оформлением документов на выезд.

Когда? - немедленно!

Мариша пошла на охоту отнюдь не с рогатиной: оделась скромно, но не дешево, заметно, но не вызывающе: умеренная косметика, повседневно выходная прическа, французские духи...

III

Сима и Сема ладили, в общем, неплохо. Одна беда - это было давно.

Сегодня, на чужой территории, все пошло кувырком. Сима не пожелала делить тяготы семейной жизни с Семой, а нашла себе садовника-подрядчика, несмотря на восемь лет совместной жизни и грудного ребенка. Ребенку специалист-садовник обещал дать высшее образование, а Симу - обеспечить по гроб жизни свежими цветами и, возможно, помидорами.

А вот именно жениться на Симе специалист не обещал, то есть обещал, но когда-нибудь потом. Поэтому она оставила и его, чтобы вернуться к Семе (на новом месте статус замужней дамы ценился не меньше денег; ведь незамужних здешние мужчины хватают за все места без предупреждения).

Сема ничего не простил, но временно затаился, а Сима прикинула, что поживем, мол, а там увидим...

Еще до Симиного ухода и возвращения они решили купить квартиру в надежде таким образом укрепить расшатавшийся брак, но напоролись на жулика. Хорошо еще, что потери выразились в тысячах, а не в десятках тысяч, и ссуд брать не пришлось, но ушли почти все деньги, вырученные от продажи недвижимого и другого имущества на предыдущей родине.

В то время, когда Сима еще не вернулась, Сема попытался устроить свою дальнейшую личную жизнь, в связи с чем обратился в популярную службу знакомств. Но процветающая с ви-

ду фирма разорилась в одночасье (или с самого начала идея запланированной любви была обречена на провал), и роскошный офис на центральной улице долго стоял закрытым, а затем там обосновалась какая-то нотариальная контора - было бы что оформлять.

И с работой не заладилось, несмотря на оба высших образования. Нужно было заканчивать какие-то курсы, рассылать автобиографии и вообще суетиться. Они же упустили время, пока разбирались со своими семейными неурядицами. И пошло мытье полов, бензоколонки, мрачные душевные мастерские - и это за копейки, честное слово.

Кроме всего нехорошего, Сема влюбился. Это случилось тогда, когда он пытался наладить свое будущее и настоящее посредством службы знакомств. Предметом страсти оказалась барышня-распорядительница из вышеназванной конторы, настолько вежливая и внимательная (от чего Сема давно отвык), что деловую предупредительность с ее стороны он принял за нечто личное. Состоялась даже встреча под луной с продолжением в Семиноме, тогда холостячком жилище. И хотя он прогусарил полумесячный доход и в ночи не оплошал, барышня пропала безадресно и бестелефонно вместе с этой самой службой.

О потраченных деньгах Сема не жалел, но столь резко оборвавшаяся любовь не давала ему покоя. Он не верил, что все кончилось, оглядывался на улицах... Сердце екало при каждой очередной ошибке, но надежды на встречу Сема не терял.

Дома он раздражался по пустякам, да и непустяков хватало. Сима тоже не упускала возможности затеять скандал - обстановка была еще та...

В редкие минуты семейного мира они пытались поговорить и во всем разобраться. Все беды сводились к стране проживания.

На очередной семейной сходке было решено эмигрировать и попытаться начать все заново. В данном направлении и прилагались с тех пор их индивидуальные и совместные усилия.

IV

Не без щемящего сердце ощущения вошла Мариша в свой бывший офис.

Интерьер почти не изменился - та же приемная, только вместо свадебных фотографий обретших (или как бы обретших) семейное счастье Маришиных подопечных, повсюду висели репродукции невнятных картин и копии с различных дипломов и удостоверений. Нетронутой оказалась карта на стене с отмеченными цветными флажками самыми престижными городами мира. И сейчас, как при Марише, здесь торговали надеждой.

Она присела на полумягкий диван и оглядела ожидающих приема людей.

Ключнули сазу двое: сероглазый шатен лет тридцати, одетый в хороший светлый костюм, да еще один примерно того же возраста, полноватый, в очках, который был явно при ненатуральной блондинке с нахальным макияжем и умудрялся одним глазом смотреть на нее, а другим - на Маришу.

Шатена Мариша где-то видела, но где и когда - вспомнить не сумела, а вот второго - узнала моментально. Она встала и спокойно вышла на улицу; встреча с бывшими клиентами в ее планы не входила.

Первым очнулся Сема. Объявив жене, что ему необходимо купить сигареты, он выскочил вслед за Маришей.

Колян, признаться, опешил. Он не очень-то верил в судьбу, но верил в случай, а эта красotka не впервые появилась на его пути. Ее фотография занимала почетное место в коллекции, собранной во времена "целительства и диагностики", а еще - он встречался с Маришей, играя роль идеального спутника жизни. Тогда Колян почти увлекся и только высочайшая идея спасла его в последний момент.

Кстати, о случае: напротив на диване устроилась парочка, которой Колян в свое время удачно продал три страницы отпечатанного текста за неполный десяток тысяч долларов.

Он мысленно сплюнул три раза и, выразив шепотом самому себе благодарность за идеальное умение перевоплощаться, направился к выходу. Там он столкнулся с Семой и пропустил его вперед, хриплым голосом сказав: "Пардон".

Сима же, витая в облаках австралийского неба, даже не обратила внимание на возникшее в комнате минутное оживление.

После некоторых размышлений Сима и Сема решили податься в Австралию. "Послушайте новости, - говорил Сема, - обо всем пере-дают, а об Австралии - ни звука, значит туда и нужно ехать".

Примерно так же рассуждала и Сима: " В США бандитизм и напряженный жизненный ритм; в Канаде холодно; в Германию - не поеду из принципа; Новая Зеландия - это уже чересчур: о ней вообще никто ничего не знает; а в Австралии - скука и кенгуру. Если самой выбирать себе проблемы, я предпочитаю скуку и кенгуру".

Симин же и Семин грудной ребенок правом голоса еще не обладал, но влиял положительно на общий возрастной ценз, установленный австралийскими законами для иммигрантских семей.

Колян же выбрал Канаду. Туда было легче пробиться, чем в другие хлебные места. Там был климат, позволяющий носить костюмы... Еще он хотел говорить по-французски и даже начал изучать язык по самоучителю, а кое-где в Канаде говорили именно по-французски.

Почти сразу он увидел Маришу. Она разговаривала с Семой, и Колян решил переждать. Говорил, собственно, Сема, а Мариша что-то отвечала лениво и незаинтересованно. Сема посмотрел на часы, написал что-то на каком-то обрывке, отдал его Марише и отошел. "Если вдруг, когда-нибудь...", - слышал Колян его бормотание и пошел за Маришей.

- Пардон, - сказал Колян, тронув Маришу за рукав. - Еще недавно я носил бородку и очки, а теперь побрился и подлечил зрение. Мы встретились с вами единожды, а затем я уехал в срочную командировку на юг. Меня зовут...

"Тогда его звали иначе", - подумала Мариша, но решила не вдаваться - а вдруг это шанс?

У них заладилось. Вскоре Колян знал о Марише все, что ей было нужно, и она о нем знала все, что ей было нужно. Колян ей очень сочувствовал: "Бывают же такие подонки", - говорил он о Маришином компаньоне.

Колян совершил поступок: он оплатил Маришины долги и занялся оформлением их совместного отъезда.

Против Канады Мариша не возражала, не нравилось ей только, что на счету у Коляна денег оставалось минимум. Поэтому она опять втихую начала выходить на охоту.

За несколько дней до отъезда Мариша позвонила Семе, и этот счастливчик, втайне от жены, спрятал ее в приличной гостинице, которую сам же и оплатил.

До последнего момента Колян искал Маришу. Хотел даже обратиться в полицию, но побоялся. Так и улетел без Мариши и почти без денег.

Через несколько дней улетал и Сема - он рыдал.

С Семой, разумеется, улетели Сима и грудной ребенок, решительно настроенный на получение в Австралии высшего образования.

А у Мариши, наконец, человек случился - некий садовник-подрядчик, который вскоре женился на ней и, должно быть, мало ему не показалось.

Колян, по слухам, погорел в Квебеке на чем-то серьезном из-за плохого знания языка, и живет теперь в тюрьме, где познакомился с бывшим Маришиным компаньоном. У Коляна началась ностальгия, в связи с чем он попросил местного художника наколоть ему на лопатке японского дракона.

Сима в Сиднее сделала, что называется, карьеру и работает директором филиала солидной американской фирмы. Она окончательно ушла от Семы и наняла десяток репетиторов своему уже не грудному ребенку.

Сема в том же Сиднее работает начальником смены на крупном заводе. Раз в два года он берет двухмесячный отпуск и ездит по городам и странам в надежде отыскать родственную

душу. Пару раз его уже надували, то есть обманывали, но не так сильно.

Кстати, бывший знакомый Коляна, профессиональный клошар, долго еще работал ночным сторожем на стройке. Он совсем бросил пить тоник, а на сэкономленные деньги заполнил как-то карточку государственной лотереи. Разыгрывались семь миллионов долларов. Половину из них он и выиграл, а вторую половину выиграла школьная подруга Мариши, которая (после того, как родила тройню) заполняла карточки лотереи еженедельно.

Маришина подруга купила виллу на берегу моря, и клошар тоже купил виллу. Теперь он уже не стирает свои лохмотья, а раз в три дня покупает новые.

Виллу у него арендовал миллионер из Новой Зеландии, о котором известно, что раньше он жил здесь, затем уехал, разбогател и опять вернулся, еще говорят, что у него две жены. Клошар теперь ходит мыться в сауну при Кантри-Клубе, а пьет исключительно виски с содовой, которую доликает в стакан символически.

Иногда он навещает мужа Маришиной подруги, с которым познакомился и подружился при торжественном получении выигрыша.

Они сидят на веранде, выпивают, смотрят на море и говорят о том, что неплохо было бы куда-нибудь уехать, тем более, деньги есть.

1998 год.

Галилея

Посвящается Анри Волохонскому

Дымы, дымы сторожевые
На холмах юной Галилеи
Встают упругие, живые,
К земле и Небу вождедея.
Желаньям Вечности гривастой
Навстречу рдея, пламенея,
Ты отвергаешь грех жеманства
- Дитя, Пантея, Галилея.
Ни страха низкого, ни блуда,
Ни чар, ни злобы, ни
проклятья.
Бежала - не "куда" - "откуда" -
Вбежала - в жаркие объятия.
Молений, лепета, елея -
О, королева-Галилея!
Быть может, знаки речи
стерты
Стервозной жизнью
караванной?
Быть может, то измена
мертвой -
Моей Империи кровавой?
...Региональные конфликты,
Громоподобные составы...
Но халалит отрадней флейты
Гортани, что дышать устала.

Творец, отныне в кабале я -
О, Галатея-Галилея!
Сотворена такой ничейной,
Такой отверзтой
ласке солнца,
Что лязг мечей ограниченней
Не донесется, не коснется:
Ни элина, ни иудея -
Едино млеко - Галилея.
Ложь - невозможна,
страх же - ложен,
Бессильны рав и папский
нунций -
Создатель покарать
не может -
Он может просто отвернуться.
И виноград голов повинных
В давилнях тяжких
сокрушится,
Коль смрадным
пламенем полынным
Наполнит доли Разрушитель.
Как в омут - в эру Водолея!
- Но и в золе я - Галилея!

Вечер был - передышкой. Невеселый барон не бухал -
Смаковал он неспешно лишь малиновый привкус греха,
Да ментол отчужденья...
Белошвейку в углу неумело и нервно ласкал,
И обрушилась в женских глазах водопадом зеркал
Пустота междушенья.
Сядь, прости мою нежность. Победа была несложна.
Эта робость моя ролевая - какого рожна? -
Фартушок соблазненной пейзажки!
Впрочем, как тебе проще. Прощально поет о тебе
Колесо рулевое, свернув на полрумба в судьбе,
Отплывающей в завтра.
- Удалось, - ты сказал без улыбки - (о, браво, герой!) -
Головы не теряя... (Бывало такое порой).
...В златопепле затылок.
Время скрыть за корсаж иссушенные страстью сосцы,
И - в виски целовать с обреченной улыбкой овцы -
В дрожь сиреневых жилок.
Я в мансарду вбегу и о воздух споткнусь у дверей,
Я молюсь о тебе кучерявой Мадонне моей
В оловянной оправе -
Чтоб устам благородным простить неумелую ложь,
Чтобы пальцам бойца да унять непривычную дрожь,
Чтобы мне - не краснеть, а тебе - не коснеть
В сюзереновом праве,
Чтоб Избранника тайного Храма коснуться не сметь
Ни хуле, ни стреле, ни отраве.
Я молюсь за тебя под зеркальными сводами стен,
И под сводом небес, и молитва похожа на стон,
Краткий сон охраняя.
Обреченное солнце садится. Сгущается тень.
На вечерний бредет моцион господин Гильотен.
...Головы не теряя...

С той стороны небытия,
Уже пришедшей не однажды,
Все игры в "наших"
и "не наших"
Смешны, любимые друзья.
Враз различим, кого овеял
Свист серафимова крыла.
К чему толпиться у стола,
Коль будет каждому -
по вере?
К иному, тайному клонясь,
Когда разверзнут
ветер звездный -
Мы все-таки к земле отвесны,
Не возносясь, а заносясь.
Какой чугунный давит
поршень,
Чтоб присесть и насадать!
Какой чугунной чушкой
по уши
Мы вбиты в землю навсегда!
В мужчинах,
пахнущих лещом,
Шалеющих от литра пива,
Чьи ходят, точно пилены, спины
Под вылинявшим вдрызг
плащом,
Провижу сквозь зевоту снов
Зиянье помертвевших знаков -
Сияние сокрытых знаков
И алчущий, предсмертный зов

Небес и бездн...
Испепелясь
На слове, выдохе, объятьи,
Инопостранственные братья
Над хрупким прахом
возносясь,
Уходят ввысь, наискосок...
Дитя! От боли нестерпимой -
Душа взмывает нюктеридой -
И сладок слаженный бросок
Бесплотных теней - за лучом,
Пресекшим сущность
живоглостью...
Сестра, все прахом!
Взмыть над плотью -
Иль взвзвить,
коль снова ни при чем.

Александр Воронель

Гуманизм с человеческим лицом

Одна из самых обсуждаемых тем в Израиле сегодня - столкновение религиозного и светского мировоззрений. Реальное содержание конфликта в израильской прессе искажено острыми политическими интересами сторон, которые предпочитают игнорировать логику оппонента, вместо того, чтобы постараться понять и хотя бы частично принять ее. Однако понять и даже отчасти принять придется обеим сторонам.

Что бы мы ни думали о "правильном" устройстве общества, оно должно учитывать интересы всех своих членов. Никакое правительство Израиля никогда не сможет управлять, если не примет во внимание интересы непрерывно растущей религиозной части населения. В какой именно мере эти интересы будут совместимы с мировой экономикой, военной безопасностью и политическим существованием в нашем регионе, может определить только будущим компромиссом, содержание которого трудно предвидеть. Наше соучастие в этом компромиссе неизбежно, и нужно чтобы наше понимание опережало наши решения.

В конфликт, собственно, вступают не столько светская и религиозная части большого общества, сколько те представители той и другой стороны, которые хотят добиться целенаправленных изменений статус кво в свою пользу. В кнессете из 120 депутатов 28 сейчас принадлежат к различным религиозным партиям, претендующим на влияние в обществе. Однако и

в кнессете (и, соответственно, в обществе) людей, считающих себя религиозными, гораздо больше. Они участвуют практически во всех партиях. Большинство из них при этом не считают, что их духовная жизнь требует какой-либо политической поддержки. Интересы больших партий в Израиле далеки от религии и не ставят своей целью с нею бороться. Открыто антирелигиозную позицию провозглашают лишь несколько активистов разных партий, представительство которых в кнессете не более 20 мест. Борьба и с той, и с другой стороны подогревается, конечно, надеждой увеличить свой электорат и поэтому всегда включает значительную долю демагогии.

Еврейская религиозная жизнь вместе с семейным правом и общепринятыми обрядами сложилась слишком давно, чтобы образование государства могло заметным образом на нее повлиять. Хотя еврейский народ один из самых древних в современном мире, еврейское государство - одно из самых молодых. К тому же это государство с самого начала провозгласило такие либеральные принципы, что всякое принуждение с его стороны по отношению к любому, тем более к еврейскому, религиозному меньшинству было совершенно исключено.

В результате при образовании государства был установлен "исторический компромисс", по которому частная жизнь граждан Израиля регулируется в какой-то степени (в основном браки и похороны) религиозными установлениями соответствующих общин: евреев - еврейскими, христиан - христианскими, и мусульман - мусульманскими. Это ставит израильскую жизнь ближе к американской модели, построенной на религиозно-общинном принципе, чем к европейской, основанной на приоритете светских властей и государства.

50 лет назад светское большинство было настолько уверено в своей силе, а еврейский истеблишмент настолько подавлен Катастрофой в Европе, что обе стороны сравнительно легко пошли навстречу друг другу, закрепив этот компромисс в нескольких основных законах, имеющих в Израиле силу конституционных. К тому же светское большинство в соответствии с господствующими в то время взглядами было уверено, что роль рели-

гии будет со временем только уменьшаться, а привлекательность научного мировоззрения и свободного образа жизни увеличиваться, так что никакой опасности не предвиделось и в будущем.

Истории XX века опрокинула все либеральные ожидания. После всех освободительных революций, включая даже сексуальную, человечество потянулось не к науке и свободе, а к религиям (а кое-где и к политическому деспотизму), причем, зачастую в их наименее совместимой с наукой и свободой, фундаменталистской форме. Как будто люди в этом веке поклялись опровергнуть все представления гуманистов о своей природе.

50 лет назад возникновение еврейского государства открыло немногим ультрарелигиозным евреям возможность жить в сочувственном окружении вдали от опасного внимания иноверцев. Однако за прошедшие 50 лет религиозное меньшинство в Израиле выросло в десятки раз, а сочувствие в широких слоях сменилось глухим недоброжелательством. Многие ультраортодоксы за это время научились задействовать в свою пользу механизмы демократического общества для получения льгот и преимуществ для себя, а также введения различных ограничений и запретов для всех остальных.

Тот факт, что автобусы в большей части страны не ходят по субботам, возможно, имел первоначально воспитательное значение напоминать светским евреям о существовании заветов, но фактически со временем наполнил их только непреходящим раздражением. В Бней-Браке, сплошь заселенном ортодоксами, средств, собираемых от налогов, не хватает даже на содержание муниципалитета, и он существует на правительственные субсидии. Хотя отсутствие в стране института гражданского брака не очень стесняет влюбленных и совсем не стесняет произведенных так или иначе детей, оно висит неутрачивающим упреком религиозному истеблишменту в течение всех лет существования государства. При образовании государства несколько сотен учеников иешив по соглашению с правительством и с молчаливого одобрения общества были освобождены от военной службы. Но сегодня это число перевалило за 29.000 человек, а

об общественном одобрении не может быть и речи. В израильском обществе сформировался обширный круг, воспринимающий эти ограничения и льготы как религиозное засилье.

Большинство населения совершенно не сознает своего собственного соучастия в создании этой конфликтной ситуации. Например, автобусы в Тель-Авиве по субботам не ходят не только потому, что религия это запрещает, а скорее потому, что компания "Эгед - Дан", монополизировавшая автобусное движение, не желает лишиться правительственной субсидии. Входящие в коалицию (все 50 лет!) религиозные партии со своей стороны совершенно логично не склонны финансировать систематическое нарушение субботы. Несколько раз на моей памяти предприимчивые водители начинали возить людей по субботам. Эти попытки были пресечены отнюдь не правительством, а шоферами "Эгеда", которые перекрывали дороги и избивали конкурентов при полном бессилии полиции и равнодушии граждан. Также и введение гражданского брака не противоречит иудейской религии (ибо иудейский брак и есть гражданская церемония, а не религиозное таинство), но составляет значительный источник доходов религиозного истеблишмента, на который члены кнессета не решаются покуситься.

Чтобы в чем-нибудь нарушить "исторический компромисс", необходимо собрать две трети голосов в кнессете (80 депутатов). Такого единодушия не было в нашем кнессете с 1948 года ни по какому вопросу. Можно ли винить в этом религиозных? Скорее следует винить две большие партии, которые в своем застарелом соперничестве не способны на исторический компромисс между собой, позволяющий установить границы влияния религиозных организаций на светскую жизнь.

Жизнь в еврейском государстве произвела также поразительный переворот в сознании самих ультраортодоксов. Многим из нас казалось, что отвращение к насилию мы унаследовали от наших предков, живших традиционной еврейской жизнью. Невозможно представить наших дедов и бабок, бросающими камни в проезжающие автомобили, тем более в субботу! Еще труднее представить их участвующими в драках с полицией в любой

стране исхода - будь то в России или в США. Однако жизни двух поколений во всепрощающем еврейском государстве оказалось достаточно, чтобы вырастить молодых людей, вообразивших, что драка с полицией в субботу, если она проходит под "правильным" лозунгом, может рассматриваться как акт благочестия. Вспоминая дедов, мы не могли бы заподозрить, что они способны участвовать в погроме. Но кое-кто из молодежи, воспитывавшейся в религиозных кварталах, оказался способен и на это.

Значит ли это, что новое поколение религиозных евреев более предано заповедям, чем были наши предки? Или они, напротив, готовы пренебречь некоторыми другими заповедями ради своих групповых интересов?

Светское большинство, спустя 50 лет после образования Израиля, тоже оказалось гораздо дальше от еврейской традиции, чем отходили от нее светские евреи прошлых поколений. Вместо былых всепонимания и всеочувствия еврейские интеллектуалы все чаще стали проявлять жесткость и заикленность. Особенно по отношению к ультраортодоксальным евреям. (Впрочем, и та, и другая стороны особенно требовательны именно к евреям. В этом видится все же некое сознание единства, внушающее надежду). К членам христианских и йогических сект их отношение гораздо более мягкое.

Отход ли от еврейской традиции всему виной или светский человек понемногу дичает от всепроникающей конкурентной борьбы, которая не дает ни на секунду расслабиться?

Неправильно, конечно, представлять даже ультраортодоксальных евреев как единую массу. Половина из них служит в армии, работает и платит налоги. Но, однако, существование второй половины, живущей скорее в искусственно поддерживаемом, чем в реальном мире, отравляет сознание светской части общества ядом сомнения в осмысленности их собственной трудовой и военной доблести. В демократическом обществе, где все пользуются равными правами, люди невольно ожидают и равного распределения обязанностей.

В течение многих веков еврейская община составляла нечто вроде закрытой автономии внутри враждебных ей авторитарных государств. Парадокс состоит в том, что и внутри дружественного еврейского государства такая автономия не может рассматриваться, как дружественная, до тех пор, пока внутри нее не установится такой же свободный дух и порядок, как и во всей стране. Естественно, что лидеры ультрарелигиозных общин всячески тормозят такое развитие, стремясь увековечить существующий порядок вещей. Такие трудности в далеком прошлом переживали и христианские государства, в которых религиозный истеблишмент был достаточно силен и автономен. Следы этого прошлого заметны и сейчас во всех христианских странах. Различие состоит в том, что иудаизм в гораздо большей степени является образом жизни, чем верой, и стать полностью частным делом не может.

Религия привлекает простые сердца своей последовательностью и красотой, и дает осмысленную форму ежедневной жизни людей. Религиозное мировоззрение, будучи основано на авторитете и ориентировано на идеальные объекты, в сущности, неопровержимо. Никакой жизненный опыт не может опровергнуть веками устоявшиеся принципы, которые потому и устоялись, что помогли народу выстоять в потоке жизни.

Между тем, любой принцип, основанный на гуманизме, вынужден апеллировать к такому несовершенному объекту, как реальный человек или общество, и, следовательно, не может быть ни последовательным, ни совершенным. Он, таким образом, оказывается и недоказуем. Мировоззрение, которое ориентируется на опытную реальность, всегда должно быть готово к пересмотру своих принципов и догматическим уступкам. В роли Священного Писания гуманизм неконкурентоспособен.

Как только гуманистическая идея приобретает догматически-религиозные черты, она обнаруживает свою несостоятельность. Это особенно ярко проявилось в грандиозном крушении социализма, но имеет более широкое значение и захватывает все рационалистические идеологии, возникшие на рубе-

же XIX - XX веков. На очереди стоит сионизм, и, таким образом, косвенно, судьба еврейского государства.

Гуманизм может существовать как рискованная гипотеза, дающая простор творческой активности лишь при условии постоянной готовности к изменениям в первоначальных посылах. Такая готовность означает уровень агностицизма, который по плечу далеко не всем, кто отказался от религии. Большинство хочет получить взамен твердое, непротиворечивое мировоззрение, которое отвечало бы на все вопросы бытия. Но такого не существует в природе. В сущности, это то, что Б. Паскаль называл Богом философов и ученых. Однако Бог философов никогда не станет Богом молитвы. Религия не может быть ни преодолена, ни заменена агностицизмом.

Религию может заменить только религия. Истинный гуманизм ("с человеческим лицом") призван не заменить религию, а всего лишь приспособить ее к современной жизни. (Кстати, именно на такой основе он и возник в Европе XIV века). Многим представляется, что судьба гуманизма в нашем обществе определяется борьбой между светскими сторонниками гуманизма и религиозными фанатиками. На самом деле эта судьба решается в борьбе течений внутри религии. Задача интеллигенции в этом конфликте вовсе не отмежеваться от религиозной традиции (так как это только поставило бы ее в положение вне игры), а найти внутри традиции фундаментальные опоры для своего гуманизма. Широкий спектр иудаизма оставляет место агностическому сомнению, которое остается необходимым условием творческого мышления.

Религиозный фундаменталист, стремясь всемерно заставить людей исполнить писанное Слово, часто забывает о главной заповеди - свободе воли. Однако XX век показал, что и гуманисты вполне могут быть фанатиками. И в погоне за победой идеологии способны забыть об основной потребности человека - жажде Трансцендентного.

Закон тождества

"О трех вещах прошу я своих учеников: не выглядывать за рамки своей души. Если уж выглядывают, пусть не заглядывают в душу ближнего. Если уж заглядывают, пусть не пытаются найти там себя."

Р. Менахем—Мендл из Коцка.

Поговорим о странностях языка. В повседневном употреблении едва ли не наиболее часты так называемые слова-паразиты. Мода на них распространяется как пожар. Перед моим отъездом из России в ход пошло надоедливое "как бы", быстро вытеснившее даже неперемное "бля". Рафинированный интеллигент, рабочий и колхозница сопровождали любую артикуляцию вязнущим на зубах "как бы". Пересекая в аэропорту зеленую линию, я надеялся в том числе отделаться и от этого речевого сорняка. Каково же было мое удивление, когда на исторической родине меня начало преследовать не менее липучее еврейское "как бы", то бишь "к'зилу". Стилистический паразит проговаривается и озвучивает что-то донельзя существенное: бытие превращается в "как бы" бытие, хэппенинг, виртуальную реальность. Все более загроможденная добротными, качественными вещами жизнь человеческая становится все более призрачной, идентификация сущего и наша самоидентификация все более сомнительной. О сущности тождественности и пойдет речь.

Вглядимся в языки еще вот эдак: в русском, например, есть две частицы, выражающие отрицание: "нет" и "не". Для выражения согласия нам достаточно всего лишь одного "да", в английском ситуация вполне аналогична, в иврите мы уже говорим "нет" тремя различными способами, а соглашаемся все так же скучновато-единообразно. С чего бы это такая избыточность, проявляющаяся именно в отрицании? Язык явно хочет сообщить нам что-то важное.

В математике, скажем, вовсе нет надобности в нескольких отрицающих словах. В ней "нет" обратно "да" и не более того. Нормальный человеческий язык, по-видимому, хочет поведать нам вот что: существует всего один, единственный способ быть тождественным самому себе, и несть числа способам быть иным.

На этом месте стоит потоптаться подольше. В иврите одна из отрицающих частиц "аль" употребляема лишь только в будущем времени. Святой язык намекает нам на то, что быть иным во времени, это нечто совсем иное чем быть другим в пространстве. В новейшей философии об этом размышляет в "Картезианских размышлениях" М. Мамардашвили и показывает, что для обнаружения временных изменений нам необходимо сравнить объект с самим собой, а вот для определения пространственных изменений потребуются еще один такой же объект. Красное яблоко не такое, как зеленое. Но яблоко может быть другим принципиально иным образом. То же яблоко в следующий момент другое, но при этом меняется характер инаковости. Поэтому отрицание расщепляется в языке и приобретает тонкую структуру.

Подсознательно наш разум все время ищет симметрии, да еще и симметрии предельной, упрощающей мир донельзя. Сведенный к простым соответствиям-отражениям мир как-то уютно обживаетея нашим мышлением; наполненный симметрией мир кажется гармонично устроенным и понятным, легко соотносимым с переживаемым нами опытом: в самом деле мы хорошо знаем, что верху противостоит низ, правому - левое, свету - тьма, добру - зло. И для упрочения дуалистического интеллектуального покоя очень бы хотелось еще и симметрии логической, чтобы "нет" было не более чем не "да". Синайское откровение камня на камне не оставляет от этой дуалистической идиллии.

Всевышний - один, интеллектуальная программа, развитая мудрецами различных поколений при осмыслении этого тезиса громадна, нас из всего многообразия их философских ходов интересует один: Его свойства. Они "делятся на две категории: свойства отрицательные и свойства действия. Отрицательные свойства относятся к самому Б-гу и говорят нам о том, чем Он не является. К этой категории

относятся такие свойства, как Его единство (то есть не множественность), вечность (не временность). Свойства же действия ничего прямо о Б-ге не говорят. Они свидетельствуют лишь о его отношении к своему творению." (Рамбам). Симметрия в отношении "нет" к "да" неизбежно рушится монотеизмом. Рамбам в "Сефер-а-мицвот", ничуть не смущаясь парадоксальностью вывода, пишет о том, что отказываться от пищи и держать пост в Йом-Кипур - это две разные мицвы.

Рамбаму принадлежит и виртуозный анализ расщепления отрицания. Разумеется, Маймонид отгалкивается от иврита и арабского: "в арабском отрицаем в большинстве случаев словом "ма", но также отрицаем и словом "ло", и словом "лайс". Евреи отрицают также словом "ло", содержащем в себе также и предостережение, но отрицаем также и словом "айн". И далее Рамбам проводит ювелирное временное препарирование отрицания, различая общее отрицание и отрицание-предостережение. В то время как предостережение связано исключительно с будущим, общее отрицание "отрицает в прошлом, будущем и настоящем".

Фундаментальное значение расщепления отрицания очевидно изучающему естественные науки. Базисные для современной науки законы сохранения тоже ведь не рассказывают о том, как будет развиваться тот или иной процесс, но говорят лишь о том, каким он не может быть. Большинство физических законов носит характер запретов, устанавливающих, какие состояния запрещены. А ведь каждый из законов сохранения отражает какую-то из симметрий пространства-времени, то есть расщепление запретов отражает расщепление симметрии мира.

"Б-г изощрен, но не злонамерен". Когда цитируют это поразительное эйнштейновское изречение, придыхание обычно приходится на вторую его часть, а хорошо бы не забывать и о первой. Всем гоям гои - древние греки, уж на что были привержены симметрии, и то в избыточно симметрических конструкциях справедливо подозревали отсутствие таланта зодчего. Создатель всего, в том числе и тонкой структуры отрицания, предъявляет к нашему познанию мир, куда более изощренный, чем банально дуалистическую его проекцию.

Расщепление отрицания ставит под справедливое экспериментальное сомнение утверждение, именуемое в логике "законом исключенного третьего". Суть этого закона состоит в том, что яблоко может быть либо зеленым, либо не зеленым, но не тем и другим одновременно. Как математическая аксиома этот принцип неоспорим, коль скоро вкупе с другими логическими постулатами он позволяет построить непротиворечивую логику, оперирующую абстрактными яблоками.

А вот в качестве "закона природы" принцип исключенного третьего весьма сомнителен. Хорошо бы определить: что значит быть "не зеленым", то есть указать процедуру, устанавливающую "не зеленость". Да еще придется определить, что значит яблоку быть одновременно или зеленым или не зеленым.

Эйнштейновская теория относительности отобрала у математиков право распоряжаться геометрией по своему усмотрению, но все еще оставила в их распоряжении логику. Между тем, ни из каких первых принципов не следует, что законы логики не меняются от точки к точке в пространстве-времени. Сама процедура отрицания различна в пространстве и во времени (так же и время у Эйнштейна все-таки не совсем такая координата как три пространственные). Оставим все же, физикам построение полей с меняющейся логикой, не философское это дело.

Впрочем, в реальной жизни мы прекрасно знаем, что у закона исключенного третьего весьма ограниченная область применения. Тем паче это было ясно нашим мудрецам: в Талмуде, скажем, правила применения тех или иных процедур весьма гибки, иногда при рассмотрении спорных юридических вопросов действует логика "точно-точно" (когда обе стороны могут привести свидетельские доказательства), а иногда "может быть - быть может", когда свидетелей нет и в принципе быть не могло. Изучая проблему, таннаи и амораи стремились к предельной строгости, но логическая процедура при этом вполне подлежала и критике и модификации.

Оставим мир неживого. Утверждение о том, что все люди различны - тривиально. Небанально утверждение о том, что инаковость их несоизмерима. Авраам отличается от Хаима не просто не так как Иван от Петра, но совершенно несоизмеримым образом. Чуть выше мы показали, что лишь в математической логике высказывания "пятница не воскресенье" и "Тель-Авив не Москва" ничем структурно не отличаются, и "нет" - это не более, чем не "да". Уже при переходе к миру реальных, физических сущностей а не абстракций ситуация отягчается, тем паче, когда мы хотим мыслить о человеке.

Мы говорим: "этот человек неадекватен сам себе". При этом подразумевается, что тому о ком это сказано, как минимум пора на прием к психиатру. Но кто адекватен сам себе? Только Всевышний! Когда мы становились народом, Израилем, в мире уже были разные народы (вспомним рассказ о башне), однако Всевышнему понадобилась другая инаковость, в мир должна была прийти святость.

Вернемся к индивидууму. Ни к чему раскручивать вариации на тему: "в одну и ту же реку:". "Быть живым - это и значит реализовывать способность быть иным, живой пошутит иначе, напишет другую книгу" (М. Мамардашвили). Расщепление "нет" ставит предел редукционистской мощи точных наук, не позволяя абстрагировать понятия и усреднять до бесконечности. Яблоки не груши, но на самом деле и те, и другие - фрукты, и складывать их можно. Чтобы фрукты можно было складывать, надо не только произвести усредняющую процедуру, но еще и знать, что яблоко "на самом деле яблоко", а груша "на самом деле груша", то есть предположить адекватность вещей самим себе. Грандиозное здание современной науки стоит не только на том, что наблюдаемый предмет не меняет своих качеств и допускает некоторое усреднение, но и на том, что мы допускаем некоторое "среднее" соответствие между исследуемой вещью и вещью "в себе".

Точные науки знают, что в мире всегда что-то происходит "на самом деле". Чудный закат Солнца, конечно, великолепен, но на самом деле Солнце никуда не закатывается, а вовсе наоборот. Парень-то, разумеется, влюбился,

но на самом деле у него выделились такие-то гормоны, (и действительно, у среднего человека выделится в таком случае среднее количество некоторого вещества), ну, и так далее. Весь этот интеллектуальный аппарат бессилён перед феноменом человека. Изначальная инаковость, неадекватность человека самому себе объясняет жалчайшее состояние, в коем находятся психиатрия и гуманитарные науки с нею заодно. Не только не обнаруживается соответствия между "человеком для себя" и "человеком для других", но и индивидуум, как вещь в себе, человек на "самом деле", как хотят нас убедить философы, психологи и психиатры, не существует. Во всяком случае, не существует в понятийном поле современной западной философии. Здесь мои рассуждения упредил Константин Фрумкин в №108 "22". В широком философском контексте новой и новейшей философий: герменевтической, новой христианской и постмодернистской, выводы, следующие из набоковской прозы, предстают уже вполне приемлемыми, а именно: человек есть совокупность внешних образов, мнений, проецируемых иными людьми (ср. с одним из определений еврейства: евреи суть продукт воображения антисемитов).

Меня давно поразила мысль, озвученная Трифоновым в "Предварительных итогах": "нужно ощущать себя человеком. Для этого необходимо единственное - атмосфера простой человечности. Никто не может выработать это ощущение сам, автономно, оно возникает от других близких. Мы не замечаем, как иногда утрачивается это вековечное, истинное: быть близким для близких; если человек не чувствует близости близких, он начинает душевно корчиться и задыхаться - не хватает кислорода". По-моему здесь верно лишь то, что автономным человеческое в человеке быть не может, но структурировать вокруг себя поле понимания, в котором близкий будет близким, он может лишь сам. Рассчитывать на самопроизвольное возникновение такого пространства теплоты невозможно; да, это поле может быть "самосогласованным", коллективным, но по природе оно индивидуально.

И здесь, видимо, завершается возможность рассуждать в вольном, западном "иудео-христианском" духе. Монотеизму претит безудержный агностицизм. Из неадекватности че-

ловека самому себе не следует несуществование феномена человека. Все-таки мы созданы по образу и подобию. И именно в той мере, в какой человек относится к абсолюту, он существует "на самом деле". Парадоксальным образом даже надоедливое "как бы" помогает религиозному еврейскому самоотождествлению. За грехи наши разрушен Храм, и не занят Коген служением своим, и не слышно песнопение Левита, и не стоит Израэли в Храме на положенном ему месте. В утренней молитве мы "как бы" приносим жертву и воскуриваем благовоние. Но именно наше бескорыстное служение Всевышнему и делает еврея тем, кто он есть на самом деле. Не "корни", "кровь", "почва" или генокод делают нас теми, кто мы есть, но сотнесенность с Источником Истины.

Преломленность Абсолюта в человеке позволяет воспользоваться развитым мудрецами аппаратом: можно попытаться дать отрицательное определение человека, исходя из того, чем человек не является и чего не делает. Среди десяти заповедей позитивных всего две, и они опять же выражают отношение человека к миру (чти отца и мать, и помни день субботний); остальные негативны. Это же верно и в отношении различия между прочими заповедями "не делай" и "делай". Позитивная заповедь вновь не определяет феномен личности, но лишь выявляет ее отношение к универсуму. Собственно феномен человека очерчивается тем, чего он не делает в тех или иных, в том числе критических обстоятельствах. Слова "я этого не делаю" в самом деле обрисовывают личность куда четче, чем поток положительных заверений.

Сказать, что самый отъявленный злодей способен на поразительные движения души и великие праведники срываются с уже достигнутых высот - не более чем произнести банальность. Небанальна радость, переживаемая человеком золотой середины, видящим, как оскальзывается праведник. Мераб Мамардашвили писал, что основной источник цинизма - вот эта радость: "А покажите, покажите мне честного; все взятки берут, даже самые-самые; нету их, честных-то". И в самом деле, если человек - не более, чем

совокупность отражений от иных душ, нет никаких оснований для металла в голосе, выговаривая: "я никогда не беру взяток". Множество преломлений в иных, чужих и несоизмеримых твоей душах не помогают вырастить в себе отрицательное, отсекающее определение себя.

Об этом-то и говорил своим ученикам Коцкий ребе. Сверхзадача состоит в том, чтобы заглянув в свою душу, пытаться найти самого себя. И ни в какой момент эта задача не может считаться выполненной. Заглядывание в чужую душу тебе не поможет понять каков ты "на самом деле", ибо нет механизма сравнения. Соотноситься приходится всякий раз только с Абсолютом, посредник еврею не положен. Выдержать такое напряжение человеку из мяса и костей по силам ли?

Во время одной из Талмудических штудий раввин посоветовал нам почаще смотреть на мир через женские очки, дабы упрочить мир и согласие в семье. "Религиозные семьи, слава Б-гу, как правило, многодетны, представьте, каково приходится вашим женам: вы учитесь все вечера, а им-то стирать-убирать-кормить без конца", - сказал рабби. Один из учеников, человек глубокий и острый, воскликнул: "Что Вы, рабби, невозможно мужчине взглянуть на мир через женские очки. Создатель не предусмотрел в мире никакого равенства. А раз это невозможно, то и не стоит и, пожалуй, даже запрещено думать так. Разумеется, я всякую свободную минуту помогаю жене, но вовсе не оттого, что могу представить себя женщиной". По-моему этот чудный пример перекидывает мостик от уж слишком общих рассуждений о "человеке на самом деле" к предметам более понятным и привычным.

Что толку в заглядывании в чужую душу и коллекционировании бесчисленных мнений о себе - отражений от иных душ, коли в силу изначальной инаковости ты не можешь их примерить на себя. А существую я лишь постольку, поскольку:

1) чего-либо не делаю,

2) реализую определенное отношение к миру, т.е. мицву "делай".

Когда религиозный еврей говорит, своему "русскому" родичу, что любить отца и мать - это исполнение мицвы,

приказа Всевышнего, то разум последнего, впитавшего христианскую культуру, настоенную на обращении к чистому сердцу, вскипает и в смертный бой идти готов. Я наблюдал это многократно. Но и в христианской культуре глубоко копали. Корделия не может объяснить Лиру, почему она его любит, любя его всего лишь "как долг велит", но это объяснение хорошо удастся другим сестрам. Корделия единственная в этой сцене существует, ее не интересуют ни мнение сестер, ни даже мнение Лира, тем более оттеняя мнимость их существования как совокупности взаимных отражений.

Другой хасидский цадик, реб Зуся, говорил, что у врат мира много его не спросят: "Реб Зуся, почему ты не стал Моше?", а спросят: "почему ты не был реб Зусей?" Миру не нужен еще один Моше, его душа уже сбывлась; миру нужна другая сбывшаяся душа.

Любопытно, что и сам отец величайшей лженауки всех времен и народов - психоанализа - Зигмунд Фрейд, избегал заглядывать в свою душу, уж во всяком случае не позволяя в ней копаться другим и предпочитая путешествовать по душам своих пациентов. К.-Г. Юнг, бывший в "розовый" период их взаимодействия учеником, другом и потенциальным научным наследником Фрейда, рассказывает: "У Фрейда был сон. О чем он был, я рассказать здесь не могу. Я объяснил его, как мог, но добавил, что, наверное сказал бы много больше, если бы Фрейд посвятил меня в некоторые обстоятельства своей личной жизни. В ответ Фрейд бросил на меня странный подозрительный взгляд и сказал: "Но я же не могу рисковать своим авторитетом".

Фрейд как истинный потомок монотеистов предполагает, что "человек на самом деле" существует. Ошибка, как всегда впрочем, произошла при усреднении неусреднимого. Огрубляющая процедура, произведенная по ансамблю душ пациентов, по-моему, привела к чудовищной аберрации зрения. По той же причине и все типологии и классификации характеров (включая юнговскую) яйца выеденного не стоят. Но сегодняшний психоанализ - это далеко не только Фрейд и Юнг. Замечательный еврейский врач и мыслитель

(прошедший Освенцим) Виктор Франкл кладет в основу своей психотерапии существование феномена человека, принцип идентичности, "согласно которому все сущее стремится сохранить свою неповторимость, индивидуальность, отличимость от всего другого". Этот принцип находит массу фактических подтверждений.

Однако же при взгляде издалека XX век будет казаться эпохой тотальной утраты подлинности бытия вещами и людьми, будто бы вмиг перестал действовать закон тождества и сбылся страшный сон Конфуция, и отец перестал быть отцом, а сын - сыном. Центральной фигурой столетия закономерно становится психиатр. Постмодерн, посягнувший на права вещи на вечное бытие, вовсе не следствие утраты художниками способности рисовать (Д. Хмельницкий, "22" №110), а философами мыслить. Причины того, что мир превратился в "как бы" мир глубоки, сами условия идентичности вещей оказались в XX веке вовсе не очевидны. Вот только люди хотят быть самыми аутентичными; никому не хочется быть "как бы" человеком. Как недавно выяснилось, никто из евреев не хочет отсчитывать поколения от хазар, все возводят родословные прямо к Аврааму.

Впрочем, стремление к подлинности вовсе еще ее не гарантирует. Как говорят психиатры: сосредоточиться на предстоящем наслаждении - верный путь вовсе не испытать его. В современном американизированном мире просто расцвел культ "инаковости", все так лелеют свои причуды и хобби, свою непохожесть, и в конце концов так по-американски похожи друг на друга. Негативное самоопределение по-еврейски сурово и по-ветхозаветному ничего человеку не обещает в обозримом будущем. Но, как и во все времена, в Израиле столько же президентов, сколько и душ, и слава Б-гу.

P.S. Демонтаж сущего, вылившийся на исходе тысячелетия в буйство постмодерна и "Интернета", прозревался чуткими мыслителями. Глобальный мыслитель и юдофоб Мартин Хайдеггер назвал одну из своих работ "Закон Тождества". Поставив точку и испугавшись, что читатель не поймет тонкого замысла, и не заметит смыслового противостояния с трудами мрачного классика, автор решил помочь читателю. Какой ныне пишущий не любит литературной игры?

Злата Зарецкая

Живое и Мертвое на сцене

*"Я - еврей. Это то, чего нет ни у кого.
Этот клад - мое достояние".*

Артист Г. Сандлер

Живое и Мертвое на израильской сцене. В какой момент орнаменты режиссерских построений, простота мастерской игры, аудиовизуальные метафоры становятся знаком большой культуры, а не признаком коммерческого коктейля или голой идеологии? Возможен ли творец без веры в свою миссию? В чем ее смысл в Израиле? И за счет чего возникает то невидимое дуновение, которое превращает еврейское искусство в событие, достойное всеобщего внимания?

Известно, что Шагал не любил, когда его называли только еврейским художником - он чувствовал себя сродни мировому эстетическому стандарту. В то же время он не мыслил живописи без родных образов Витебска - скрытого стержня его творческих фантазий. В его кубистическом нагромождении красок, в сюрреалистическом сочетании образов, во внешне разорванных линиях всегда присутствует гармония созидания, понимания, сочувствия, а не разрушения. Этот сохраненный им навсегда взгляд "из семьи", из женщины, из ивритских букв, из природы, которые все вместе, по Шагалу, и есть Бог - то самое ценное и неоценимое, что ищется в конце тысячелетия всеми именно у евреев.

Чем же с этой точки зрения могут порадовать мир в последний сезон уходящего века деятели израильского театра? Спектр продукции, выпущенной за последние несколько месяцев, очень широк: от политических триллеров до развлекательных музыкальных шуток, от философских кукольных шоу до исторических трагедий. Но что бы вы ни смотрели, во

всем чувствуется четкая граница именно между созиданием и разрушением, между гармонией и хаосом, между Живым и Мертвым на сцене.

Спектакль "Испанский сад" И. Навона в режиссуре Ц. Царфати в театре "Габима" (премьера - январь 1998 г.), презираемый некоторыми интеллектуалами за "примитивную религиозность", с блеском вступает в новый век, выдержав уже более 250 показов при переполненном, стонущем от удовольствия зале. Кстати, первая постановка 1970 года прошла около 400 раз. Чем же он так цепко держит вместе несколько пресыщенную и левую, и правую публику?

На сцене - кусочек Иерусалима начала века, маленькие двухэтажные домишки, доверчиво обращенные друг к другу, потемневшая постель старинных костюмов (дуэт художников Э. Янива и А. Хрущевой). Жизнь здесь проходит открыто, на виду. В рожденьях, флиртах, молитвах, напрасных надеждах и всепобеждающей страсти танца и песни. Автор устами поседевшего уже героя (Я. Кохен) повествует о мире своего детства, который воссоздается силой комического перевоплощения. Самая большая радость здесь - семейная любовь, растущая с годами. Актриса Р. Порат-Шоваль в роли Матери и Жены, теряющей рассудок от чувства к мужу (сцена ее исповеди на могиле Рахели - одна из самых прекрасных!) - камертон действия. Обращение раввина Вистозо (С. Барвиру) с просьбой о милосердии к грешнице, искупающей все смертью, прозвучало философским апофеозом этого бесконечно доброго спектакля. Я слышала, как люди в зале повторяли вслед за актером слова молитвы, как будто это касалось их лично. Цельный, неразложимый "Испанский сад" Габимы - музыкальный всплеск народной культуры ладино, сохраненной изгнанниками и вступающей в новое тысячелетие, несмотря на модернистский скепсис.

Голосом земли Израиля, общепризнанным чудом сезона стал спектакль "Черная луна" в Беэр-Шевском театре (премьера - июнь 1998 г.). История семьи бедуинов Негева здесь представлена как трагедия гибели общечеловеческих ценностей - зеркальное отражение того, что еще не поздно спасти

в каждом. Автор М. Авербух - известный режиссер и драматург, не раз удостоенный премий за острые и эстетически отточенные фольклорные постановки, создал не текст, но восточную песню, в которой озвучен музыкой сердца арабизированный иврит. Сценограф М. Бен-Кнаан "одела" сцену в узнаваемые приметы пустыни: задник - небо, сливающееся на краю подмостков с горизонтом; избыточность пространства подчеркивает ветхая палатка, поставленная нарочито ассиметрично. Справа - тропа, уходящая вверх, в "цивилизацию". Костюмы на контрапункте: традиционные, длинные, черно-белые, расшитые у тех, кто держится за сохранение своего природного естества; и короткие, элегантные, стандартные - у тех, кто пытается любой ценой выжить в современных скоростях.

По-израильски свободный кажущийся хаос деталей уравновешивался шахматным расчетом мизансцен. Режиссер Р. Амитаи - израильтянин, воспитанный на американском театре, построил захватывающую пирамиду, вершина которой была запрограммирована в актерах. Н. Шалит играл только глазами и жестами немого, хромого, убогого, кривого - но человека, преданного вере предков и предопределявшего трагический финал! Ш. Горен была поразительно раскрепощена в роли Саады - старой лукавой жены, хранительницы очага, все знающей, пережившей и все-таки на пределе боли неспособной на подлость, несмотря на предательство мужа. Э. Дор-Хаим скупыми точными штрихами нарисовал раздвоенность Йосефа - ее старшего сына, мечущегося между родителями-бедуинами и "городской" семьей. Его неожиданная смерть, как Ицхака на заклании, в конце - безмолвная антитеза убеждениям отца. М. Пелег - совсем юная актриса (выпускница "Бейт-Цви" 1993 г.), справилась в этом созвездии с труднейшей ролью Алимы - новой избранницы героя. В растоптанной бывшей студентке, бывшей наивной "социальной работнице", она показала возрожденную личность, осознавшую свое женское духовное предназначение. А. Лави - завершение актерской пирамиды. Его присутствие придавало действию иной - высший смысл. Обладатель израильских Оскаров, он и здесь был достоин

награды. Его постаревший Сулейман в белой длинной одежде жениха в пустыне был комичен и велик! Теснимый со всех сторон, обложенный как волк в западне, он больше всего занят не грядущим выселением, не шумом строительных машин, а вопросом о "черной луне" - воображаемом любовнике жены, существование которого наполняет его безумной ревностью! Спор о "черной луне" фактически оказывается его битвой за свое человеческое достоинство, за право жить на основе природных, племенных тысячелетних законов. Он уничтожает себя сам, раненый не столько надвигающейся стройкой, сколько собственным подозрением, оставляя нам на память страсть выяснения истины о подлинных ценностях бытия. Чувственный, экзотичный, живой спектакль, замешанный на безграничности еврейского сочувствия, милосердия.

Зеркалом совести молодых израильтян, вглядывающихся в свои первоисточки, явилась и фантазия Б. Ентина по И. Башевису-Зингеру "Последний бес" в режиссуре И. Березина в "Маленьком театре" (преьера - ноябрь 1998 г.). Сделанный, в силу объективных причин, в стиле "бедного театра", этот спектакль о поисках веры и своего "лица необщего выраженья", оказался тем не менее тонким, глубоким, бескомпромиссным событием сезона. Три рассказа мудрого чудака и сверхреалиста-мистика, были выстроены по восходящей, чтобы выделить в авторе главное, за что он ценил себя сам - "еврейскую тоску по искуплению". Как верно сказал Л. Аннинский, "он выбился из спрессованных слоев горя: из сотен поколений, легших через тьму безвременья мостом к Смыслу, который они не могли разглядеть". В спектакле Смысл пытается рассмотреть сам бес, облеченный властью над слабыми, колеблющимися людьми, предающими истину перед лицом естественных искушений.

М. Теплицкий - "бес" необычный. Молодой бизнесмен в модных очках, сошедший с прогулочной Ха-Яркон "прошвырнуться" по сцене "Маленького театра" с единственной целью: "потусоваться", записав в свой круг еще пару душ. Актер играет черта со страстью и горьким надрывом, заставляя думать, что он проверяет и себя. Его издевательства разворачиваются

как неожиданный скрытый самосуд. Первым в роли обвиняемого оказывается ученый рав Зейдель (А. Кашкер), достигший глубин Гемары, но легко сдавшийся бесу в обмен на обещание славы в качестве главы христиан. Режиссер опускает мудрую усмешку Зингера, назвавшего его "Зейделиусом, папой римским" и рассказавшего о его естественном возвращении через поиск истины к первоначалу. О его наказании жестоким одиночеством. Постановщику важно выстроить действие как серию легких жертв сатаны, как якобы доказательство мнимой ценности еврейства. (Тема, актуальнейшая для Израиля, где вопрос о вере является проблемой не только духовного, но и физического выживания!)

"Люди тянутся грешить выше своих возможностей. Они готовы на вечные муки ради мелкого пошлого грешка. А писатели... Они готовы доказать, что даже крыса - тварь кошерная". Свои горькие убеждения "бес" М. Теплицкого иллюстрирует историей искушения "Акши", уверенный, что для Бога нет места в человеческом сердце. Е. Яралова, как и ее героиня в "Короне из перьев", в ешиве не училась, но как "все еврейские девушки", она "прекрасна, как и все дочери царей". Падение сироты предопределено ее слабостью, колебанием между своей волей и тягой к традиции. Жажда разделаться с наследием предков изображается актрисой как болезнь, вирус которой поддерживается Искусителем. Сцена бесовской игры с погубленной жертвой, уподобленной обездушенному мячу, - одна из самых сильных метафор спектакля. И хотя режиссер (вслед за автором!) приводит героиню умирать к своему суженому - грязному безумному цадику, - это уже не звучит убедительно, ибо не показано, к чему она возвращается и что в еврействе привлекло ее вновь? На этот вопрос отвечает лишь один актер, играющий сразу три роли и держащий, по существу, вместе с М. Теплицким нерв спектакля: Г. Сандлер. Его "человек из сундука" с несгоревшими рукописями на идиш, с огромными, всматривающимися в душу умными, добрыми, "сливовыми" глазами - живое воплощение потерянного нами в Катастрофе. Его "Цемах" - несостоявшийся жених и муж, запутавшийся

между любовью и ненавистью к вероотступнице и своим мучительством очищающий и спасающий счастливую в момент смерти подругу.

Не менее острым, но совершенно противоположным по смыслу явился философский памфлет, основанный на религиозной исторической литературе и событиях последних лет - авторский спектакль И. Ронена "Братоубийственная война" ("Мильхемет ахим", в русском не совсем точном переводе "Гражданская война") в театре Габима. Талантливая работа молодой экспериментальной группы и ее опытного режиссера-сабры была полностью направлена на то, чтобы доказать, что грешник - сам Бог, и все, что происходит от его имени, несет печать крови и лукавого предательства.

Бунт против израильских святынь постановщик основал на первоисточниках: Танахе, "Иудейской войне" И. Флавия, "Третьем Обозрении" ("Цфия Гимел") И. Ариэля и извлечениях из Агады, трудах И. Лейбовича, летописях израильских царей и современной журналистике. Тенденциозный подбор цитат талантливо и почти убедительно действует на зрителя по принципу иллюстративного эмоционального шока, от которого очень трудно отойти! Шаманские методы: введение в экстаз барабанным боем, замедленным движением с огромными масками; действие на "китайской тропе", врывающейся в публику; подключение цитат из телевизионных новостей; полифония голосов, совмещенные реальные и мифические пространства, прямой диалог со зрителем - все эти прекрасно использованные средства театра подчинены одной цели: пробудить страх перед грядущей катастрофой братоубийственной войны и агрессию против виновных. Все было бы неплохо, если бы театр оставался в рамках искусства, убеждая в своей правоте эмоционально, создавая пустоты для домысливания. Спектакль прекрасен визуально, он оставляет впечатление красоты иудейской культуры (сценограф М. Бен-Кнаан). Великолепны молодые артисты: Р. Смир, Й. Эйни, И. Ганани, Д. Габиш, Э. Гальперин.

Однако высказаться напрямую в открытой политической форме, превратить действие в дешевую демонстрацию крайне левых взглядов, спуститься с высоты искусства на базарную площадь идеологии и таким образом уничтожить эффект своей работы - в этом падение И. Ронена, отнявшего у религиозных евреев право на человечность вообще. Они представлены как кровожадные убийцы, "отбросы общества" ("псолет ха-ам"), способные ради своих идей уничтожить все. Значительной, правдивой, ненавязчивой и потому убедительной явилась только сцена "предательство Йосефа Бен-Матитьягу" - будущего Флавия. Ш. Реджиниано сыграл глубокую муку понимания как тех, кто ради сохранения национального существования готов идти на кровь, так и тех, кто ради того же готов идти на компромисс. Многомерность, многозначность артиста вывела действие на новый уровень. Если бы на этом в спектакле была поставлена точка, он бы, вероятно, остался гармоничным злободневным размышлением о современной судьбе иудеев. Но режиссера понесло, и он умертвил живой спектакль, превратив его в примитивный плакат ("От победы 1967 года тошнит до сих пор!" - цитата из программки).

Подобным топтанием на месте, отсутствием пути, "света в конце тоннеля" явился и высоко профессиональный спектакль "Трапеза" по Я. Шабтаю в театре "Гешер". Роскошные декорации А. Лисянского напоминали о пире не столько еды, сколько настоящей живописи, улаждающей зрение; праздник слуха организовал из подлинных местных мелодий А. Бениамин; трио актеров работало в центре массовки на смысл: Е. Додина, В. Каневский, В. Халемский. Под фанфары премьеры театр переехал в роскошное, специально реконструированное здание "Нога". Но оправданы ли были почести? Спектакль о "беспределе власти", по выражению Е. Арье, не срабатывал на еврейском материале, который, как оказалось, режиссеру просто незнаком.

Танахическая история, как и все остальные, основана на глобальном диалоге Израиля с Богом. История о честном Навоте, которого царь Ахав (9 в. до н.э.) из рабского рода

язычника Имри, опираясь на своих лжепророков-служителей золотого идола, убил ради его виноградника, а потом раскаялся и вымолил у Бога отсрочку наказания на одно поколение, заложив в смертники своих сыновей, за грехи отца уничтоженных в Изреэльской долине иудейским царем Йеху. Подлинник был воспроизведен режиссером, как будто в двойном искривленном зеркале, в духе опрощенной, осовремененной, с претензией на универсальность притчи об аморальном правительстве.

Не все так просто в нынешнем Израиле, чтобы судить его сквозь призму сталинской России. И друзья-предатели, поющие на мотив любимой диктатором "Сулико" еврейскую песню, и сам Навот (прекрасный артист Е. Гамбург), решенный как арабо-грузинский пастух, а не богатый, знатный родственник Ахава, как следует из летописей; и ударные громадные овцы, с которыми нежно прощается жертва, - все это не имеет никакого отношения к смыслу этой трагической истории, по источникам - первопричине грядущего Изгнания за грех отрицания Бога!

Миссия творца в Израиле обязывает быть просветленным! Только попытка понимания настоящего через подлинное прошлое может приблизить к истине (как это произошло в "Братоубийственной войне" И. Ронена). Профессионализм, особенно для еврея, - понятие не политическое, но пророческое. Иудейская культура прорастает из багажа "незамкнутых" традиций в диалоге своего пространства и времени. Только на этом пути могут родиться не мертвые идеологемы, а живые общечеловеческие совершенства, как например "Фаренхайм" по Й. Агнону М. Немировской в театре "Бама" или "Молитва о мертвых" ("Ахшава") Ханоха Левина в Камерном (премьеры марта 1999).

О нас, музыкантах

Недавно дирекция одной известной музыкальной школы созвала на срочное заседание своих преподавателей. "Ввиду финансовых затруднений просим отказаться от десяти процентов зарплаты," - гласила просьба директора.

Учителя-евреи на обращение начальства отвечают встречными инициативами. "А как будет с личным примером руководителей?" - спрашивают они. "Что имеется в виду?" - энергично-грозно-запальчиво осведомляется директор. "Н-ну, пускай и господин директор сократит себе зарплату..." - мямлят нерешительно преподаватели.

Тут господин директор совершает тактическую ошибку (он ее все время совершает). Он начинает препираться. "А кто вы такие, что от меня этого требуете? Ну, кто вы такие?! Например ты, Авшалом! Что ты собой представляешь, что обращаешься ко мне с такими просьбами?! Или ты, Игор! Мы тебя приняли, приголубили, а ты только и учишься, что нахальству?!"

Директор малость перегнул. Ни Авшалом, ни "Игор" рта не открывали, а просто молча сидели у задней стены. Говорил как раз Авигдор, работающий в школе с 1936 года. Кстати, мэр города - родной брат его жены.

Когда директор возбуждается, он невольно сплачивает ряды преподавателей, и те, хотя и боятся увольнения (альтернативных мест нет, музыка у нас, что называется, в загоне, преподаватели, в основном, в возрасте, много людей с учеными званиями, работать по сбору хлопка на полях Негева им уже тяжело), но как-то, прильнув друг к другу, смелеют. Резолюция, которую они принимают, хороша со всех точек зрения. Вот она:

"Ввиду тяжелого финансового положения нашей школы и в ответ на призыв нашего директора мы готовы рассмотреть вопрос о сокращении нашей зарплаты. НО: мы присту-

ним к рассмотрению данного вопроса только после того, как удостоверимся в реальном сокращении доходов директора и получим от него отчет, как мы очутились в этих финансовых трудностях."

Надо сказать, что это не первое собрание такого рода. Учителя данной музыкальной школы обсуждают сокращение своего жалования каждый год - с тех пор, как директором стал нынешний руководитель. Естественно, резолюции заново не печатают, а просто переснимают текст, отпечатанный в 1993-м году. Именно тогда, в разгар иммиграционной волны, привлекавшей в страну многие сотни учащихся детских музыкальных школ и консерваторий (почему сотни, а не десятки тысяч, как принято говорить? Очень просто. Речь идет о тех юношах и девушках, которые уже прочулись свыше десяти лет, и теперь не представляют себе жизни вне музыки), когда, казалось, будущее нашего музыкального образования, да и вообще музыки было обеспеченным, пришел нынешний директор, и сообщил своим подчиненным: "Все это - фикция. Количество студентов со временем спадет, и надо готовиться к худшему". Именно тогда он впервые обратился к учителям с просьбой отказаться от части зарплаты. Именно тогда он договорился о *своей* зарплате, справки о которой перестали поступать в профсоюз учителей, получил старшее звание и стал наскакивать на Авшалом и "Игора".

Надо сказать, что пока преподаватели этой школы препираются и скандалят (а Авшалом и "Игор" начали регулярно сосать валидол), школа всё-таки продолжает существовать, и некоторые молодые люди всё же туда записываются. Могло бы записаться и больше, но официально о записи провозглашено не было. По городу пошли слухи, будто "директор школы обвинил мэра города в том, что тот перевел деньги на футбол, а мэр обвинил директора в отвратительном элитаризме" и учащиеся постепенно сами начали склоняться к футболу.

Читающие эти строки сейчас наверняка спросят: "Так кто же здесь прав - забытые, но неглупые учителя или эгоистичные, но дальновидные директора?" Мы благодарим читателя за этот вопрос - это и есть тема нашего разговора. Но попросим разрешения повременить с ответом - нам

предстоит познакомиться с дополнительными аспектами темы.

Речь пойдет теперь о том, как относятся к организационным формам своей профессии сами музыканты и студенты, многие годы проучившиеся музыке. Музыка, как и любые другие искусства, а также некоторые профессии, требующие исключительного мастерства, - это дело всепоглощающее. Человек, занимающийся музыкой, психологически больше нуждается в похвале, в премии, в славе, чем в деньгах. Он больше боится, что его объявят бесталанным, уступающим Яше Хейфецу, чем если вдруг у него отнимут ползарплаты. Большинство наших учителей музыки являются почасовиками, и, когда директора наших музыкальных школ ссорятся с мэрами и закрывают школы, учителя, оказавшиеся без работы, тихо работают с двумя-тремя учениками на дому, не провозглашая себя безработными. С одной стороны, они знают, что министерство социального обеспечения не найдет им работы по специальности, а пошлет их на кондитерную фабрику или в супермаркет (кассиром), а с другой - они не хотят оказаться несостоятельными в глазах своих коллег. Их инстинкт как бы говорит им: "Если бы я был на уровне Яши Хейфеца, то меня бы наверняка не уволили!"

Это, конечно, заблуждение. Если у музыкальной школы дела с финансами плохи, увольняют всех подряд. Уровень Яши Хейфеца играет здесь весьма скромную роль. Кстати, в классе самого Яши Хейфеца в Университете Южной Калифорнии всегда было много вакантных мест, он так и не стал штатным преподавателем (а кто-то другой, не Яша Хейфец, имел полный класс и был штатным преподавателем. То есть шансов на то, что уволят именно Яшу Хейфеца, было больше, чем на увольнение того, другого).

Иными словами, суждения музыканта о действительности определяется стремлением сохранить реномэ. Поэтому музыкант часто с раздраженным непониманием относится к экономике - это, мол, дело "дельцов-от-музыки", не имеющее ничего общего с высоким искусством. Тот факт, что и Бах с Бетховеном, и Карл фон Вебер и Йоганнес Брамс, и Густав Малер, и даже женщина Клара Шуман - все не только разбирались в своих деньгах, но и понимали общую

экономическую обстановку своих стран, - остается неприемлемым.

Если у нынешнего музыканта что-то не ладится с работой, нет притока денег или учеников (или и того, и другого), то пускай этим занимается директор. Ведь для этого его и назначили. Учитель пригнет голову, дождетса лучших времен (не нас, евреев, учить, как пригибать голову), и потом, в лучшие времена, он расцветет своими учениками, их лауреатскими званиями и приглашениями посидеть на симпозиумах, посвященных исполнениям трелей в сонатах Гайдна, в западно-европейских городах типа Монпелье или Экс-эн-Прованс (произносить в нос).

При этом учитель - если это репатриант из России - видит, что уровень наших учеников весьма скромн. Он даже издали не напоминает славные советские времена. Правда, в провинциальных детских музыкальных школах канувшего в Лету Советского Союза были такие слабые ученики, что одно лишь воспоминание о них покрывает педагога экземой... Но ведь здесь - еврейские дети! Им то должны быть присущи интеллектуальный блеск академика Льва Ландау, сценическая прижимистость Леонида Броневого, мудрость старого Райкина, виртуозность Когана и Гилельса, очарование Ойстраха, ностальгическая поэтичность Льва Кассиля... Вместо этого мы имеем дело с весьма недалекими лентяями с разинутыми ртами и высунутыми языками. Единственное, что связывает наших левантийских лентяев с Ландау и Гилельсом, это определенная претенциозность, позволяющая им сравнивать себя с великими...

"Нужно привить этим шалопаям дисциплину!" - решительно думает педагог. Когда ученики хотят выучить что-либо популярное, известное им самим, их родителям и родственникам из передач по телевизору, учитель железной рукой выжигает это желание, обращаясь лишний раз к великим Баху и Бетховену.

Пусть читатель не усмехнется над злополучным и недаленовидным педагогом: наш педагог уже видит, как непоправимо разбалованы ученики местными педагогами и к какому низкому качеству музицирования все это привело. Факт остается фактом: со времен иммиграционной волны начала девяностых количество продвинутых студентов, изу-

чающих музыку в Израиле выросло, и в этом большая заслуга новоприбывших "суровых" учителей.

Вся проблема только в том, что зато общее количество занимающихся музыкой не увеличилось, как этого следовало бы ожидать, а уменьшилось, как об этом и говорят эгоисты-директора. Что же происходит?!

Мы с вами не затронули еще одну часть проблемы, без которой трудно понять суть явления. Это - отношение к профессиональной музыкальной деятельности со стороны студентов, или, точнее, представление студентов об этом. О, это очень занятная тема...

Вкратце можно сказать, что многие студенты-музыканты. в какой бы стране они ни находились, заняты поисками Державина. ("Старик Державин нас заметил, и, в гроб сходя, благословил".) Нельзя сказать, что такого Державина нет в природе, что это - фикция. Державины бывают. Например, знаменитый американский скрипач Исаак Стерн - типичный Державин. Благодаря его помощи несколько прекрасных израильских скрипачей и один израильский пианист сумели сделать международную карьеру, а их имена стали известны везде, где проводятся концерты классической музыки. Все эти музыканты сейчас живут в Нью-Йорке и иногда приезжают к нам в Израиль, чтобы выступить с Израильским филармоническим оркестром. Несколько менее ярких Державиных находятся в Париже, Ганновере и Балтиморе. Два-три их питомца тоже стали известными музыкантами, и прекрасно концертируют.

Проблема некоторых современных студентов не в том, что они ищут несуществующего Державина, а в том, что они его вообще ищут. Ни один Державин своих протеже не "толкал" вследствие чьих-то просьб, молений или тихих взяток. Державин помогает лишь в том случае, когда мог бы помочь и кто-нибудь другой. Иными словами, молодой музыкант должен обладать такими выдающимися способностями, чтобы не он выигрывал от "толчка", а подталкивающий его Державин. Примеров людей с такими яркими способностями история музыки знает не много: Бетховен с Гайдном (Гайдн в роли Державина), Моцарт с отцом (в роли Державина - отец Леопольд), Брамс с Шуманом (Державин - Шуман), ну и, пожалуй, все. Сами Гайдн и

Шуман, как, впрочем, Лист, Берлиоз, Верди, Шопен и, естественно, Шенберг, к Олимпу пробирались без Державиных.

Другое свойство некоторых современных студентов-музыкантов заключается в том, что, видя неустроенность своих старших собратьев, их скудный достаток, общественную незначимость их профессионального статуса, наши студенты думают про себя: "я достигну большего. Гораздо большего." Они идут на концерт в роскошном зале, и отождествляют себя с каким-либо знаменитым гастролером. Жизнь в нереальном мире - черта, присущая студентам-музыкантам более, чем студентам каких либо других направлений. Этому, кстати, способствует набор дисциплин, традиционно признанных как профессионально-музыкальные. Речь идет о дисциплинах, развивающих слух, способность к анализу произведений, понимание композиционной техники и формы произведений, а также изучения корпуса композиций, накопившегося за, скажем, семьсот лет европейской профессиональной музыки. Все это необходимо, это бесспорно. Но именно погружаясь в эти дисциплины (и занимаясь на своем инструменте), иной студент как бы "отрывается" от жизни, причем настолько, что перестает чувствовать связь между изучаемой им музыкой и реальной жизнью: и жизнью композитора, и своей собственной. Для сравнения приведем студента-медика и студента-компьютерщика. Как бы глубоко ни проникал студент-медик в почку кролика или в хромосому ХУ, он никогда не забудет, как выглядит человек, и какими должны быть в будущем отношения между медиком и его пациентом. Компьютерщик тоже не забудет, что скрывается за той или иной программой (хотя нынче появилась и категория невменяемых).

С музыкантом дело обстоит не так. Если взрослый профессиональный музыкант склонен к утверждению, что "музыка - это и есть сама жизнь", то студент называет свое отношение к музыке скорее любовью, как и обычный любитель музыки. Естественно, нельзя любить всю музыку. Поэтому студент обычно любит музыку какого либо определенного композитора (чаще всего Сергея Рахманинова, на втором месте - Фредерик Шопен.). Музыка остальных композиторов, как правило, значительно менее близка молодому

му человеку, но "по долгу службы" он должен изучать также музыку других композиторов, и эта не вызывающая отклика в душе музыка занимает около 80% его репертуара. Понятно, что если бы не академические требования, он бы к этим произведениям не прикасался. Иными словами, *академические требования к студенту-музыканту идут вразрез с его отношением к музыке*. Неплохо, неправда ли? Студент, естественно, помалкивает: мало ли что произойдет, если он заявит об этом во всеуслышанье. Легче спокойно играть "абракадабру", дожидаясь лучших времен (студент тоже еврей).

Как оценивают такое положение дел учителя? Серьезные, "суровые" педагоги обычно очень раздражены. Чаще всего они видят в душевном неприятии студентами основного корпуса музыки их ограниченность, а то и бесталанность, убожество их творческого потенциала. Им ничего не остается, как прививать своим питомцам "грамотность", то есть такое исполнение музыкальной композиции, в котором нет заметных специалисту отклонений от текста. В свою поддержку они приводят знаменитое высказывание гениального Святослава Рихтера, что он просто выполняет то, что записано композитором в нотном тексте.

А какой подход характерен для представителей старого, провинциального Израиля, для сторонников поблажек, позволяющих ученикам "плыть-по-течению-по-пути-наименьшего-сопротивления", а самим себе - идти по пути наибольшего спроса?

В крайнем проявлении это, что называется, "преподавание из кухни": ученик сидит на чрезмерно высоком (или очень низком) стуле, свесив ноги крест накрест и уродливо выжимает популярную мелодию в искаженном до неузнаваемости виде, а педагог, заправляя соусом салат из хасы с зеленым перцем, руководит занятиями, покрикивая из кухни. Это, конечно, экстремальный вариант, хотя и не редкий. А чаще всего тихие мальчики и девочки прилежно, хотя и с ошибками и несколько неловко играют небольшие произведения классиков, дополняя это двумя или тремя обработками популярных мелодий из мира эстрады и известных кинофильмов.

К семнадцати-восемнадцати годам те из учащихся, которые не покинули своих занятий (часто по причине глубокой привязанности к учителям), играют не самые трудные произведения концертного репертуара, хотя и обладают неплохим художественным вкусом, позволяющим им сыграть несколько по-настоящему "живых" фраз. В основном же вкус проявляется скорее пассивно - они предпочитают произведения тех или иных композиторов (здесь побеждает Дебюсси, а за ним следуют старые итальянские мастера типа Марчелло, Вивальди или Альбинони).

Теперь обратимся к родителям учащихся - последнему звену нашего обозрения. Если родители - не профессиональные музыканты и при этом иммигранты из бывшего СССР, то их познания в музыке, как правило, сводятся к следующим произведениям классиков:

1. Чайковский. Балеты "Лебединое озеро" и "Щелкунчик" (основные темы).
2. Чайковский. "Что день грядущий мне готовит" (ария Ленского из оперы "Евгений Онегин").
3. Моцарт. "Сороковая симфония" и "Маленькая ночная серенада" (основные темы; часто путаются).
4. Бетховен. "Лунная" соната (первая часть)
5. Верди. Ария "Куртизанки! Исчадь порока!" из оперы "Риголетто".
6. Мендельсон. Начало "Скрипичного концерта" (в исполнении Яши Хейфеца. Служит эталоном игры на скрипке).
7. Шопен. "Революционный этюд" (вся мелодичная музыка с развитым гармоническим аккомпанементом проходит под рубрикой "Шопен").
8. Бизе. Опера "Кармен" (основные темы).
9. Ария Фигаро из "Севильского Цирюльника" Россини.

Кто-то обязательно захочет добавить сюда "Половецкие пляски" Бородина, а еще кто-то "Вокализ" Сергея Рахманинова (путая это с "Концертом для голоса с оркестром" Глиера). Из легкой классической музыки многие знают вальсы Штрауса и "Славянские танцы" Дворжака.

Аналогичный список для родителей, выросших в Израиле, выглядел бы примерно так:

1. Вивальди. "Времена года" ("Весна" более подробно, остальные части по главным темам).

2. Альбиниони. "Адажио"
3. Хор рабов из оперы "Набукко" Верди.
4. Русская народная песня "В саду ягода малинка" (принимается за произведение классической музыки).
5. Моцарт. Вторая часть "Двадцать Первого фортепианного концерта" (использовалась в фильме под названием "Эльвира Мадигэн").
6. Малер. "Ададжиетто" из Пятой Симфонии (Известна по фильму "Смерть в Венеции")
7. Бетховен. Увертюра "Освящение дома" (главная тема; известна как музыка, сопровождавшая утреннюю передачу "Радио-университет", которую прослушивали во время бритья).
8. Гершвин. Опера "Порги и Бесс" (почти полностью).

Пуристы захотят прибавить сюда многие мелодии Баха, "Лесного Царя" Шуберта, и, конечно, "Венгерские Танцы" Брамса.

Таблицы ясно показывают, что между музыкой, известной родителям учащихся, приехавших из СССР и той музыкой, которую изучают их дети, существует барьер, гораздо более широкий, чем тот, что разделяет музыкальные миры родителей и детей, выросших в Израиле.

Спросят: во-первых, почему это так уж ясно? И во-вторых, какое это имеет значение?

Ответ на первый вопрос.

Родители из СССР любили музыку, с которой они познакомились через передачи "всех радиостанций Советского Союза", а также в концертных залах. Иными словами, родители из СССР слушали музыкальное произведение как таковое, оно преподносилось как очень значительное (даже если это был "Полет шмеля"), и его соответственно слушали. Дети же этих родителей в зал филармонии уже не ходили, а вместо этого вначале тайно, а потом открыто слушали Мика Джаггера и Тину Тернер, и при этом нещадно ссорились с родителями. Что делали заботливые мамы и бабушки, видя, как "буржуазная культура растлевает детей"? Ходили с детьми на уроки музыки, а потом дома сидели рядом с ними и наблюдали, как те корпят над прелюдиями Баха (фортепиано) и этюдами Родэ (скрипка). Поскольку настоящего музыкального понимания между детьми и роди-

телями не было, мамам и бабушкам ничего другого не оставалось, как ориентироваться на требования учителя. Вот так и рождалось в душах детей ощущение, что они занимаются хоть и уважаемой, но абракадаброй.

В Израиле же и дети и родители получают музыку чаще всего "из вторых рук" - в качестве музыкального оформления фильмов, рекламы, позывных, а также через дешевые пластинки-диски типа "Двадцать лучших мелодий мира", где рядом с Моцартом и Чайковским соседствует Эйтор Вилла Лобос в произведении под названием "Бахианас Брасилейрас" (Так израильские родители познакомились с этим замечательным композитором). Визиты в кино и прослушивание пластинок - это, как правило, общесемейное дело. Поэтому выпрашивая у своих стоворчивых израильских учителей легкие обработки из оперы "Порги и Бесс", или облегченную версию "Лунной" сонаты, учащиеся сразу приобретают себе в союзники своих родителей. Им и невдомек, что серьезные "суровые" педагоги считают это чудовищным бохульством... А потом? А потом израильские дети коряво играют знакомые родственникам мелодии, все вокруг очень довольны (кроме "суровых" учителей), те из учеников, кто проявляет большую ловкость и смелость, играют своим друзьям, заражают их энтузиазмом и приводят к своим учителям. Когда ученикам исполняется четырнадцать-пятнадцать лет, они начинают ходить в концерты и просят, чтобы их учителя дали им поиграть сонату Бетховена под таинственным названием "Терезия"...

Ответ на второй вопрос.

Из вышеизложенного становится ясно, в какой мере родители учащихся являются первой публикой своих детей. Ведь публичность исполнения музыкальной композиции - истинная сердцевина существования музыки как искусства. Студент музыки, имеющий зародышевую публику прямо в ближайшем окружении, в семье (кстати, это могут быть старшие братья и сестры), глубже чувствует не только внутреннее оправдание того, чем занимается (без этого оправдания как музыкант не выжил бы и Моцарт), но и те секретные струны, которые задевает музыка в душах людей.

Теперь начнем подводить итоги.

Перед нами - Израиль с его десятью тысячами музыкантов (примерно). На сегодняшний день эти десять тысяч никак не представляют собой ни общину, ни гильдию. Преподаватели музыки, составляющие не менее 80% от общего количества музыкантов-профессионалов, разъединены не только языковыми барьерами и культурными традициями, но и пониманием своего профессионального долга. В отсутствие каких-либо доминантных или направляющих сил как изнутри (печатные органы, симпозиумы, объединения, согласованные программы), так и снаружи (направляющая рука муниципалитетов, министерства), единственным мерилом работы педагога является пресловутый рынок. Понятие рынка включает не только количество учеников и плату за их обучение, но и показатель успешности учеников на разного рода экзаменах и прослушиваниях, а также и то, какая часть студентов-музыкантов сможет реализовать себя в этой области.

Очертим схематично (как и все в нашей статье), как "орудует" рынок с учениками, учителями и родителями. Составим схему из нескольких групп.

Группа А. Ученики серьезных "суровых" учителей, дети выходцев из СССР.

Идет процесс быстрого размежевания на сильных (15%) и слабых (5%); слабые покидают музыку, а сильные получают премии и приносят "имя" своим педагогам. Впоследствии половина "сильных" уезжает из Израиля, из оставшихся двое-трое время от времени аккомпанируют. Из играющих на оркестровых инструментах - троих-четверых принимают в оркестры. Итоговый результат - из ста семнадцатилетних в музыке останутся максимум восемь человек (Правда, четверо станут уважаемыми музыкантами). Остальные не будут даже посещать концерты.

Группа В. Ученики "суровых" учителей, дети родителей, выросших в Израиле.

Тот же процесс размежевания, хотя пропорции другие. Отвечающих высоким требованиям педагогов - всего 2-3 процента. Они же служат интеграционным мостом для своих преподавателей. Слабых - 80%. Есть еще прослойка средних - эти со временем покидают своих педагогов, причем сначала ищут счастья у других "суровых" педагогов, а

потом, вконец разрушая свою репутацию, переходят к "провинциальным" ("бесхребетным") педагогам. Итоговый результат: при музыке остаются те же 15%, лучшие опять же уезжают, но средние продолжают заниматься музыкой, преподают на дому и любят ходить на концерты.

Группа В. Ученики "провинциальных-бесхребетных" местных учителей, дети выросших в Израиле родителей.

Отсутствует процесс размежевания на слабых и сильных. Нет особых отличий на публичных смотрах. 80% процентов восемнадцатилетних продолжают заниматься музыкой и дальше, начинают преподавать на дому, заниматься околмузыкальной организаторской и воспитательной работой, со временем пишут статьи и принимают участие в разных комитетах по делам искусств, приобретая влияние в государстве, чем вызывают сильнейшее раздражение серьезных "суровых" педагогов и их лучших учеников, приезжающих проведать родителей из Соединенных Штатов Америки. (Непредвзятый наблюдатель отметит, что данные этой группы выглядят наиболее обнадеживающими.)

Группа Г. Ученики "провинциальных-бесхребетных" местных учителей, дети родителей из СССР.

Такого не может быть.

Подчеркнем складывающуюся тенденцию: серьезные "суровые" педагоги воспитывают очень малое количество продвинутых учеников, которые при всем блеске своих достижений не могут "дойти до публики", ибо из-за специфического образовательного пути даже лучшие из них относятся к музыке с изрядной долей формализма и отчуждения, что, впрочем, считается нормальным в их же ближайшем окружении (но не в публике). Основная масса учеников отходит от музыки, тихо вздыхая, что, мол, "нет таланта". Но отсутствие интереса к произведениям музыки, отсутствие желания ходить в концерты выдает несколько иное: *весь их путь музыкального образования пострадал от отсутствия настоящей заинтересованности.*

Серьезность и напряженность - без видимой радости от музицирования - легко воспринимаются окружающими. Окружающие считают, что "серьезно заниматься - значит страдать" (при этом почему-то вспоминают Шопена, хотя тот страдал не от музыки, а от туберкулеза). А кто такие

эти окружающие? Это ведь и публика на концертах, и родители, побуждающие своих детей заниматься музыкой...

Теперь вернемся к учителям, вызванным на собрание их эгоистом-директором. Оказывается, что эгоист-директор прав: с ростом "уровня достижений наших учеников уменьшилось общее количество и желающих учиться, и желающих пойти в концерт, и, естественно, количество вакансий для музыкантов в стране. Забавно, не правда ли?

Изложенного предостаточно, чтобы каждый мог понять, как такое могло у нас произойти.

Попытаемся предложить выход из положения.

Вначале спросим себя, целесообразно ли обращаться с призывами к "бесхребетно-провинциальным" местным учителям перестать готовить салаты во время уроков. Нужно ли требовать от "суровых" педагогов начать ходить в кино и записывать популярные мелодии? Стоит ли подрывать авторитет "суровых" учителей в глазах родителей из бывшего СССР?

Мы должны признаться, что, как бы очевиден ни был отрицательный ответ на все эти вопросы, каждый из нас некоторое время тем и занимался, что убеждал коллег не готовить салаты, зато ходить в кино, стыдил израильских детей в консерваториях и подрывал авторитет педагогов-отличников. Естественно, нашей целью было проверить, нет ли в такого рода прозелитизме хоть какой-то пользы. Теперь, после продолжительного периода донкихотства, мы можем с уверенностью сказать - в педагогических-методических спорах нет никакой пользы - под влиянием рынка, думая о собственном выживании, каждый окапывается в своих принципах и привычках.

Единственным, кто может что-то изменить на нашем поле, остается эгоист-директор. Вот к нему и обратимся.

Господин директор!

Вы - энергичный человек с организаторским талантом. Вы еще молоды - вам едва исполнилось пятьдесят. Вы уже достигли материальной стабильности и теперь планируете обеспечить детей. Ваш кругозор расширился: Вы можете думать не только о себе. Жизнь научила Вас, что не стоит идти дорогой цинизма - в конечном итоге это не оправды-

вает себя. Вы также музыкант - и не по принуждению, а из интереса к этому искусству. Вы видите, что "что-то в Датском королевстве не ладно". Вы знаете, что без приобщенности существенной части общества к гениальным музыкальным композициям, открывающим тайные истины человеческого бытия, общество разъедает труха, в конце концов угрожающая самому его существованию. Ужасная судьба стран и обществ, не спаянных приобщенностью к искусствам, говорит о том, какая важная и благородная ответственность лежит на Ваших плечах.

В Ваших руках возможность повлиять на музыкантов нашей страны - педагогов, учащихся и исполнителей, - и, помогая им, приблизить музыкальное искусство к тем, кто в нем органически нуждается - к людям интеллигентного характера и склада ума. Это приведет и к таким результатам, в которых заинтересованы лично Вы - к росту числа изучающих музыку как профессию. Ведь Ваша тревога о спаде интереса к музыке происходит не от того, что общество пресыщено музыкой, но от того, что оно отгалкивает и абракадабру-под-видом-музыки и низкий профессиональный уровень музицирования.

Как Вы лично можете повлиять на ситуацию? У Вас есть для этого два мощных рычага.

Первое - учебные программы.

Обратите внимание, что в Израиле музыкальное искусство не обладает корнями, уходящими в глубь веков, как в Европе. Среди тех нескольких поколений израильтян, которые населяют нашу страну, главенствует восприятие музыки как душевного отдохновения, без аллюзорной связи с источниками, которые эту музыку питают. Отсюда относительная незначимость музыки в обществе, влияющая, в конечном итоге, на его "неспаянность".

Музыкальная композиция - это звуковое полотно типа барельефа с богатой градацией "выпуклостей". Перед слушателем предстают музыкальные идеи - мелодии, ритмические формулы, различные виды аккомпанемента, полифонические фактуры. Каждая такая идея (а также каждая комбинация идей) становится доступной слушателю, если: а) ему знаком стиль, в котором написано произведение, и б) ему удастся следить за "развитием событий" в компо-

зиции (иными словами, слушатель понимает форму произведения). Естественно, музыка будет волновать слушателя только в том случае, если исполнитель сможет передать ее содержание как нечто живое, идущее непосредственно от души. Исполнитель должен найти личное отношение к исполняемому произведению, то есть "пропустить его через собственную душу".

Личное отношение исполнителя к исполняемой композиции может возникнуть в результате личного отношения исполнителя к автору произведения - композитору. Некоторые считают, что исполнителю достаточно проникнуть в дух произведения. Это шаткая позиция, ведь в таком случае понятия стиля и эстетики произведения перестают служить надежным якорем для исполнителя. Он как бы "повисает в воздухе" и склоняется к произвольному "переиначиванию" произведения, опираясь на "исконное право исполнителя на свободу трактовки". В редких случаях действительно возникают интересные и убеждающие трактовки. Чаще чересчур широко воспринимаемая "свобода трактовки" приводит к бледному, эмоционально непривлекательному исполнению.

А как осуществить "личное знакомство" между ныне живущим исполнителем и давно умершим композитором?

Один из первых шагов в этом направлении - знакомство исполнителя с ритмами композитора. Обращая внимание на ритмы, исполнитель почувствует темперамент композитора. Второй шаг - тембровая окраска звуков. Сравнивая сольные и оркестровые произведения одного и того же композитора, исполнитель заметит, что композитор использует как в сольных, так и в оркестровых произведениях схожие музыкальные идеи. Исполнитель обратит внимание на то, какие инструменты и какие группы инструментов выражают музыкальные идеи, сходные с теми, которые фигурируют в сольных произведениях. Так исполнитель поймет и почувствует тембровую, "красочную" палитру композитора, а посредством этого сможет представить себе ощущение композитором пространства. А потом исполнитель займется воплощением этих красок, внимательно изучая извлечение звука.

А вообще исполнителю - тем более, если это молодой человек, студент, - стоило бы много читать о композиторах,

достигать мир посредством и других искусств, а также изучать языки, историю и, по возможности, путешествовать. Тогда он и почувствует "секреты жизни", и встанет на тот тайный, но исключительно важный "наблюдательный пункт", откуда открываются виды на истину. Наш опыт слушателя и педагога убеждает, что не следует бояться связи между музыкой и жизнью. Не забудем, что стихия жизни - импульс любого творчества, в том числе и музыкального.

Господин директор!

Пересмотрите в свете всего сказанного программы по истории музыки, покажите ученикам связь между эмоциональным и философским настроением Бетховена и Шиллера, между нормами и требованиями аристократических салонов Парижа, героической национальной ностальгией Адама Мицкевича и композициями Шопена. Расскажите студентам о современной опере Веббера "Никсон в Пекине" и покажите отрывки из нее - там есть замечательная роль Генри Киссинджера, которого многие знают и могут сравнить свои собственные впечатления с тем, как Киссинджер показан в опере.

Пересмотрите практику отчетных концертов. Попросите студентов рассказать публике об исторической и психологической основах произведений, которые они будут потом исполнять. Так уж и быть, они сыграют одним этюдом Шопена меньше (это время, которое ушло на подготовку объяснительной речи)...

Вы уже не раз замечали, что человеческие инстинкты - материал, которым оперирует музыка - меняются значительно медленнее, чем премьер-министры и даже исторические эпохи. По-настоящему раскрытое произведение раннего Средневековья будет с радостью понято и сегодняшним слушателем, лишь обрати его внимание в нужном направлении. А там, где есть понимание, есть радость, есть и спрос.

Второе: Ваш высокий пост делает вас значительным не только в глазах своих подчиненных (вы уж понежнее с ними, а то Авшалом и "Игор" совсем скисли), но и в глазах других музыкантов.

Начните созывать конференции и поставьте на обсуждение основные организационные, философские и педагогические вопросы нашей профессии. Вы знаете (а вы навер-

няка знаете), что местных педагогов никто никогда не приглашал ни на какие конференции. Они будут счастливы. Ваше слово будет обладать огромной силой - вы будете первым, кто признал общественный вес музыкантов.. К вам наверняка прислушаются люди в Министерстве. Вы получите большой доступ к общественным средствам, у вас станут брать интервью журналисты. Общее положение с музыкой улучшится, а "Игор" с Авшаломом перестанут со- сать валидол.

И напоследок, уважаемый г-н директор!

Мы знаем, что своими идеями лишь усложняем Вам жизнь. Распорядок Вашего рабочего дня и так напряжен до невозможности. Прибавлять к этому еще заботу о переосмыслении учебных программ и организацию многолюдных конференций - это значит требовать невозможного. Может быть, стоит поручить это Вашему заместителю?

Новая книга

Нина Воронель *Полет бабочки* (роман)

"Таинственная атмосфера туманного Уэльса и старинной библиотеки в антураже многолетних бытовых традиций, исполняемых по-британски неукоснительно... Арабский властитель, стремящийся установить тайные связи с Израилем... Борьба разведок... многокрасочный калейдоскоп экстравагантных персонажей, среди которых необходимо вычислить "своих" и "чужих"... И любовь, разворачивающаяся на столь завлекательном фоне".

"Новости недели"

378 стр. Цветная обложка

"Москва - Иерусалим"

Р.О.В. 44050 Тель-Авив 61440

(26 ДМ для Европы; \$16 для США, включая пересылку)

Михаил Сидоров

Несостоявшаяся реформация и российское христианство

Серьезные ученые не устают повторять прописную истину: история не знает сослагательного наклонения. Однако есть и такие, кто не боится пускаться в опасные, но увлекательные путешествия в область "виртуальной реальности".

Сколь широки здесь врата возможностей, показал еще Блез Паскаль, заметивший: "будь нос Клеопатры чуть короче, - всемирная история получила бы иное направление". По этому поводу Лев Шестов в "Гефсиманской ночи" (книга "На весах Иова") писал: "Паскаль действительно убежден... что всемирная история определяется ничтожными случайностями".

Педант сразу же возразит, что у Паскаля речь идет, как никак, о носе египетской царицы - не какой-то там рядовой гетеры, - а это не такая уж мелочь... Но в любом случае, следуя за Паскалем и Шестовым, неминуемо придешь к выводу, что историческая закономерность - фикция. В самом деле, признание "закономерным" какого-то события на том основании, что оно произошло, либо открывает простор идеологическим спекуляциям (которыми был так богат уходящий век), либо наводит на грустные размышления об упущении Божьем или о происках Князя мира сего. "Закономерные" же события обладают странным свойством со временем утрачивать смысл; кажется даже, что иногда история, чтобы проучить доктринеров, обрекает на страдания и гибель миллионы простых людей.

При всем видимом антагонизме между адептами теорий "героев и толпы" и "решающей роли народных масс в истории", было в их концепциях нечто принципиально общее: конечное презрение к "простому", "неисторическому" человеку. В первом варианте он всего лишь исчезающе малая часть охлоса, во втором - "член коллектива"; в обоих - почти ноль.

Человек - песчинка? Но ведь звезд в видимой Вселенной неизмеримо больше, чем людей на земле, но каждая из них дает свет и может нести жизнь... Кто знает, что имело решающее значение в развязке той или иной исторической драмы - ошибки политика, просчет полководца, или хулиганский поступок какого-нибудь "простого человека", открывшего брешь в историческом континууме?

Помните: "Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя"?

Примером (и, вероятно, пределом) тотального пересмотра исторической картины мира является модель Арнольда Тойнби, изложенная им в эссе "если бы Александр не умер тогда..." Основываясь на допущении, что Александр Македонский не ушел из жизни в молодом возрасте (смерть его в 33 года - событие явно не "закономерное!"), а дожил до семидесяти лет, продолжая свои завоевания и создав античную сверхдержаву с синтетической цивилизацией, в которой гармонично слились Запад и Восток, британский ученый, дав волю фантазии и не жалея красок, нарисовал картину истории человечества, которая могла бы иметь место.

Альтернативное прочтение истории интересно не только тем, что игра ума щекочет нервы. Демонстрируя поливариантность будущего, оно помогает человеку сегодня выбирать не между "раем и адом" (ложная дилемма "юных разумом мужей", как назвал Андрей Платонов в своем "Чевенгуре" всех борцов за "светлое будущее"), а только меньшее из множества возможных зол. Тогда и смысл пресловутых уроков истории будет заключаться не в периодически возобновляющемся суде над Клио, а в выявлении постоянно действующих в истории факторов, сочетание и сила влияния которых каждый раз обра-

зуют неповторимую реальность эпохи, и уже потом, по возможности, - в прогнозировании будущей реальности, в посильном участии в ее становлении.

Одной из таких устойчивых осей истории является существование в мире иудаизма. Жизнеспособность и творческий потенциал его (чаще всего, наверное, скрытый от поверхностного взгляда) не могут не восхищать. Стоявший у истоков двух мировых религий и западной цивилизации, он выдержал тяжелейшие испытания, выпавшие на долю его носителей, сумел не раствориться в мощных исторических потоках. Велико его воздействие - непосредственное и опосредованное - на современную мировую культуру и политику.

В "22" №10 А.Воронель высказал обоснованную мысль, что "популярное объяснение поддержки Израиля США под влиянием еврейского лобби совершенно недостаточно"; причина ее гораздо глубже - в похожем отношении к Библии евреев и многих протестантов США. А что же Россия?

Согласно хрестоматийному летописному преданию, равноапостольный князь Владимир Святославович, в поисках подходящей для земли русской государственной религии, вслед за проповедниками ислама и католичества, отринул и иудеев хазарских. Отповедь князя, как и должно быть в базисном историческом мифе, - более чем убедительна: "И вы, отвергнутые Богом, еще приходите учить других? Или хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?" Как видим, первое зафиксированное взаимодействие уже тогда немолодого иудаизма и совсем еще юной русской цивилизации, переданное летописью в такой поучительной форме, было безрезультатным (точнее, его результат оказался негативным).

Обратимся теперь к событиям, равноотстоящим по времени как от той "седой старины", так и от наших дней, и более достоверным. В 1470 году, по версии Русской православной церкви (РПЦ), пришел из Киева в Новгород еврей Схария (Захария). Он стал родоначальником ереси жидовствующих, или, как ее стыдливо называли в литературе советских времен, - новгородско-московской ереси.

Отношение православия и околоцерковных кругов к жидовствующим всегда было крайне враждебным. Да и теперь при любом удобном случае поминают эту ересь недобрым словом и "Русский вестник", и "Наш современник", и даже "Советская Россия" (последние два "органа", как выяснилось, не мыслят своего существования без услужения чему-нибудь ортодоксальному: марксизму-ленинизму или христианству - неважно). Вот уже и покойный Александр Мень - "любимец нашей безродной интеллигенции" - причислен ими к "нынешним жидовствующим". Не будем специально останавливаться на чисто антисемитском мотиве в сочинениях ересиборцев - он слишком тривиален. Попытаемся взглянуть на исторический феномен ереси шире, в контексте социально-политических процессов, протекавших в то время на Руси.

Духовный писатель граф М. В. Толстой в "Истории Русской церкви" отмечал, что в Новгороде Схария, "хорошо знакомый с естественными науками, известными тогда под именем алхимии, ...успел оболыстить легковерных мнимыми чудесами магии и совратить их в ересь". Вызывает сомнение, что новгородцы - граждане вечевой республики, имевшей вековые традиции торговых связей с Западом, - были столь легковерны, чтобы их можно было "оболыстить мнимыми чудесами". Заинтересовать "естественными науками" - да, пожалуй, но это совсем другое дело. Сам историк церкви далее признавал, что начало ереси жидовствующих "нужно искать в брожении идей рационализма, распространенных на Западе задолго до времен Лютеровой реформы..." Как "смесь иудейства с христианским рационализмом" характеризовал ересь жидовствующих и С. М. Соловьев. О многом говорит и отношение самих еретиков к "чудесам" вообще: они, например, не верили воскресению Иисуса, не чтили богоматери, икон и мощей, не признавали таинств, а также отвергали монашество и держались более Ветхого Завета, чем Нового.

Да, не все в порядке было на Руси в те времена. Еще за сто лет до Схарии во Пскове распространилась ересь стригольников - первое проявление на русской земле протестантизма,

добивавшегося создания "дешевой" и "очищенной" церкви. Один из основателей этой ереси, бывший дьякон Карп (занимавшийся, по-видимому, стрижкой волос), обличая многочисленные случаи симонии (имевшей широкое хождение в Средние века в Западной Европе и на Руси практики продажи и покупки церковных должностей), а также пьянство и "соблазнительную жизнь" клира, пришел к радикальному отрицанию церковной иерархии. Учить может и простой человек, - считали стригольники. Были среди них и те, кто признавал Богом только Отца Небесного, отвергал "евангельские и апостольские благовести". В начале XV века учение стригольников перекочевало из Пскова в Тверь (все вольные города!) и просуществовало на Руси около пятидесяти лет.

Конечно же, восприятие ереси жидовствующих Новгородом не было случайностью ни в паскалевско-шестовском, ни в ином смысле. В. О. Ключевский указывал, что Новгород "рано мог вступить в деятельные торговые сношения и мог вступить в тесные культурные связи с европейским Западом..."; его гражданам были присущи "дух свободы и предприимчивости, политическое сознание "мужей вольных"... Нигде больше на русской земле "не соединялось столько материальных и духовных средств, чтобы воспитать в обществе эти качества, необходимые для устройства крепкого и справедливого общественного порядка", - считал знаменитый русский историк.

И кто знает - возьми верх еретики (а сторонники жидовствующих были поначалу даже в близком окружении Ивана III) - как сложилась бы дальнейшая историческая судьба России, да и всей Европы. Ведь в этом случае под влиянием иудаизма и новгородского "политического сознания" на Руси уже тогда, на рубеже XV-XVI веков, мог бы начать формироваться тот самый "дух капитализма", т.е. рациональный стереотип восприятия и поведения с этикой частной инициативы, индивидуального труда и личной ответственности, который, по Максиму Веберу, и положил начало процессу модернизации в Европе.

Не исключено, что удавшаяся русская реформация имела бы определенные преимущества перед состоявшейся Реформа-

цией (проводившейся в Северной Европе "сверху", властью князей, иногда методами террора) - по крайней мере, ей не была бы присуща лютеровская юдофобия...

Но ничего этого не произошло. Может быть, потому что среди ересиархов не было крупномасштабной личности - ни самому Схарии, ни кому-либо из его последователей не удалось сыграть в истории роль русского Лютера. Может быть, из-за пришедшегося не ко времени либерализма еретиков - их противники оказались фанатичными и жестокими. Решающую же, роковую роль сыграло завоевание Новгорода Москвой.

Не отличаясь, судя по всему, искусностью в политике, лидеры жидовствующих не сумели извлечь для себя пользу из острых противоречий между церковью и светской властью, имевших место в конце XV века. Причиной их было то, что изыскивая земельные фонды для наделения служилых людей, правительство Ивана III всерьез намеревалось провести секуляризацию церковных земель (что было бы вполне в духе времени - в эпоху Реформации, сопровождавшейся укреплением монархий, церковное землевладение упразднялось, монастыри закрывались). Этим отчасти объясняется и сочувственное отношение царя к еретикам, отрицавшим право церкви владеть земельными богатствами. Интрига усложнялась тем, что и среди самих ортодоксов имелись принципиальные сторонники отказа церкви, монастырей от земельной собственности - так называемые "нестяжатели". Их идеологом был преподобный Нил Сорский, решительно выступавший к тому же против применения к еретикам смертной казни. Авансы Ивана III жидовствующим могли быть также средством давления на церковную верхушку, с целью сделать ее более сговорчивой в споре о "разделении властей".

В конце концов вместо секуляризации церковных земель царская власть пошла по пути экспроприации владений новгородских граждан. Идеологическое "прикрытие" завоевательного, грабительского похода на соплеменников и единоверцев обеспечили московские иерархи, которые даже в вечевой демократии видели "дьявольскую прелесть".

Ганзейский двор в Новгороде был закрыт, торговля с Западом прервалась. Но главное - именно на конфискованных землях покоренного Новгорода возникла та поместная система, которая на долгие века стала надежной опорой русского самодержавия. Что же приобрела и что потеряла Русь в результате победы ортодоксов - компромисса между царем и самой консервативной частью клира?

Один из главных борцов против ереси - игумен Иосиф Волоцкий, идейный противник "нестяжателей". называл Схарию астрологом и чернокнижником, оболыщавшим православных кабалой, "наукою пленительною для невежд". Новгородский владыка Геннадий Гонзов - креатура Ивана III, составивший обвинительную грамоту против жидовствующих, писал архиепископу ростовскому Иоасафу: "Есть ли у вас... книги: Сильвестр папа римский, Слово Козьмы пресвитера на ересь богомилов... пророчества, бытия, царств, притчи, ...логика, Дионисий Ареопагит, потому что эти книги у еретиков все есть". (Кстати, Собор 1503 года, разбиравший "преступления" жидовствующих, лишил Геннадия, ранее обвинявшегося в симонии, сана архиепископа за мздоимство. По сей день это соборное решение преподносится... как "месть еретиков".) Ясно, что еретики, имея книги, о существовании которых даже высшее русское православное духовенство знали лишь понаслышке, "брали" своей ученостью. Поэтому-то неспособный к богословским дискуссиям архиепископ Геннадий с подкупающей прямоотой предлагал самый незатейливый метод ведения соборного "диалога" с жидовствующими: "Да, еще люди у нас простые, - писал он, - не умеют по обычным книгам говорить: таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо того для учините собор, что их казнити, жечи, да вешати..." Так в конечном счете с еретиками и поступили - стали их сжигать.

Идейные последователи осифлян (сторонников Иосифа Волоцкого) сквозь века пронесли неизменным свое отношение к просвещению и образованию. В начале XVII века церковь воспротивилась попытке Бориса Годунова учредить в России университеты, ссылаясь на то, что разноязычие поколеблет

православную веру; еще сто лет спустя Петр I в письме патриарху Адриану констатировал: русское духовенство малограмотно. Зная об этом, уже без недоумения читаешь в наши дни "Русский вестник", в одном из номеров которого Ю. Исатов былинным языком сообщает о событиях полутысячелетней давности: "...Ползла к нам от Новгорода змея иудейская - ересь "стригольничья" да манихейская, полячишками да торгашами-ганзейцами беспошлинно завезенная. Неспроста все, не по глупости. Ересь та - хуже татарина бы Русь изрезала, и Москве не то что против Казани - против Мурома было б не устоять".

Чем бы и как ересь "изрезала" Русь в тогдашних ее границах, - автор не уточнил. Просто вопиет в нем глас ксенофобии, не простой ксенофобии - имперской. Ну, допустим, против Казани Москве устоять было необходимо. Но зачем же было заваливать новгородскую дорогу в Европу? Зачем было Ивану Грозному, после того как он блестяще "устоял" против Казани, поворачивать "на Германы"? Чтобы настроить против России западный мир. а потом с героическими усилиями прорубать легендарное "окно" (попугно - и более успешно - разбираясь с "врагом внутренним")? Во что превратилось сделанное по такой технологии "окно в Европу", мы видим сегодня.

"Иудейская змея" ползла из Новгорода "к нам"(!) с книгами, с "тайным знанием" - алхимией и астрологией, т. е. с зачатками наук. А доблестные царские ратники вдоль той же дороги на Москву развешивали новгородских граждан. В одной только Шелонской битве в июле 1471 года войска великого князя московского с помощью касимовских татар истребили 12 тысяч новгородцев - русских, православных людей. Сначала Иван III, а затем и его грозный внук не просто завоевали, а "изничтожили" вольные города - Псков и Новгород, завершив тем самым дело разрушения развивавшегося на Руси городского строя (с его самоуправлением, правами горожан и другими атрибутами), начатое еще Батыем. Во главе земли русской стояла теперь победоносная Большая Деревня.

Покорение Новгорода Москвой - событие переломное, с далеко идущими последствиями. Новгородская республика, про-

существовавшая почти три с половиной века (с 1136 по 1478 год), была западноевропейской альтернативой византизму и ордынщине на Руси. Отныне же русская традиция народоправства пресекалась. "Падение Новгорода, - писал Тойнби в "Исследовании истории", - ознаменовало установление русского универсального православно-христианского государства". А универсальное государство, согласно его теории локальных цивилизаций, является симптомом социального распада, хотя оно "обнаруживает явную тенденцию выглядеть так, словно именно оно и есть конечная цель существования..." Немецкий дипломат Зигмунд Герберштейн, бывавший в Московском государстве в годы царствования Василия III, отмечал "хитрости" москвичей в торговле, их страсть торговаться и тянуть дело. В качестве положительного примера он противопоставлял им ...псковичей, у которых был совсем другой обычай.

К сожалению, церковь не помогла русскому обществу выработать ни культуру образования, ни культуру генерирования и восприятия идей, ни, наконец, политическую культуру, ибо сама не имела такой культуры и не стремилась к ней. Застыв в безвременье, страшась "умствования", возведя косность и невежество в ранг высоких добродетелей, отвергая диалог, не умея убеждать людей, ортодоксия поневоле продвигалась к нетерпимости и насилию. Но силовые методы она могла использовать лишь через посредство "града земного" - светской власти, тяготевшей, в свою очередь, к автократии и не собиравшейся ни с кем делиться своими полномочиями. И у церкви в обществе осталась одна - малочетная - функция платного соглашения, нуждавшегося, естественно, еще и в защите. Симптоматична (по содержанию и тону) апелляция вожда осифлян, который внушал великому князю, что казнь жидовствующих - это обязанность царя, "защитника" православной веры: "Молим тебя, государь, чтоб ты своим царским судом искоренил тот злой плевел еретический вконец".

Русская церковь не стала "дешевой", зато она стала послушной, что для набирающего силу самодержавия было гораздо важнее. Справедливости ради следует сказать, что и государи

нисколько не сомневались в своем праве вмешиваться в решение церковных проблем и действовали при этом весьма решительно. Еще в первой половине XV века московское духовенство под давлением великого князя отвергло Флорентийскую унию с католичеством. Правда, Флорентийский собор, претендовавший на статус вселенского, не обладал безупречной "легитимностью", т. к. с одной стороны, параллельно ему действовал оппозиционный папе Евгению II Базельский собор, также предлагавший грекам замирение церквей, а с другой - православная делегация была малопредставительной (из четырех восточных патриархов в Италию прибыл только Иосиф Царградский, да и тот умер до подписания акта соединения церквей). Но несмотря на эти недочеты, Флорентийский собор знаменовал некую возможность диалога, обмена идей между западным и восточным христианством.

Интересно, что Исидор - митрополит Русский, подписал-таки соборное определение, фиксировавшее некоторое сближение ортодоксии и католичества в догмате и литургии (признание, с оговорками, добавления "filioque", учения о чистилище и др.). Однако, прибыв в Москву с Флорентийской соборной грамотой, он, по приказу Василия II. как "предатель православия", был посажен под стражу в Чудовом монастыре, откуда ему с трудом удалось бежать. (Через сто с лишним лет Иван IV действовал уже совершенно не стесняясь: по его велению митрополит Филипп, посмеявший стать в оппозицию царю, был задушен Малютой Скуратовым.) Видя в "латинстве" одного из главных своих врагов, многие православные иерархи в то же время весьма благосклонно относились к "опыту" инквизиции, особенно к преследованиям ею иудеев. Тот же архиепископ Геннадий с нескрываемой симпатией писал "про шпанского короля", который "свою землю очистил" от "ересей жидовских".

Итак, русская церковь не прошла ни через реформацию, ни через аджорнаменто. Получив поддержку в подавлении ереси жидовствующих со стороны крепнущей царской власти, сползавшей в деспотизму, православный клир оказался перед ней в долгу, и долг этот пришлось возвращать...

Религиозный философ Г.П.Федотов, примыкавший одно время к революционным социал-демократам, в статье "О национальном покаянии", опубликованной в 1933 году в Париже, писал, что "бедный старец Филофей... отравил русское религиозное сознание хмелем национальной гордыни". По поводу религиозного пророчества "Москва - Третий Рим", высказанного иноком псковского Елеазарова монастыря Филофеем в первой четверти XVI века, уже полтора столетия ведутся споры. Не все хотят видеть в его формуле "Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти" краеугольный камень идеологии российского, а затем и советского империализма (особенно сейчас, когда над "третьим Римом" нависла угроза превращения в целый сонм "заштатных" государств, вроде Греции, Италии или Турции).

Не так давно один московский научный журнал перепечатал статью русского эмигрантского историка Н. И. Ульянова (1904-1985) "Комплекс Филофея", впервые увидевшую свет в США более сорока лет назад, в которой ее автор предпринял интересный опыт реабилитации "бедного старца". Не обошел он, между прочим, и тему ереси жидовствующих, упомянув о ней в выражениях, более подходящих для православного агиографа, чем для светского историка: "У всех было свежо в памяти потрясающее событие царствования Ивана III, когда ... страшная ересь "жидовствующих" перекинулась в "царствующий град" и свила там гнездо при дворе самого великого князя". Архиепископ же Геннадий, продолжал Ульянов, боролся с ересью "аки лев", пока не добился "искоренения язвы в самом сердце православия". Задачей Ульянова было доказать, что идея псковского монаха-осифлянина даже в зародыше не содержала ни национальной гордыни, ни претензий на экспансию и мировую гегемонию. Однако чем, как не филофеевской доктриной, питались амбиции "тишайшего" Алексея Михайловича Романова, задумавшего воссесть на византийский престол и стать императором великой Греко-Российской Восточной империи? Во имя этой цели и были поддержаны им никоновские "реформы".

Эти реформы коснулись прежде всего ритуальной части богослужения. Церковной же паствой, да и многими пастырями, замена двоеперстия на троеперстие (крещение "кукишем"!), сугубого (т.е. повторяющегося дважды) аллилуйя на трегубое и пр. воспринимались как надругательство над святоотеческой верой. Даже такой, казалось бы, бесспорно-полезный элемент реформ, как исправление в богослужебных книгах многочисленных ошибок и описок, накопившихся за века, был дискредитирован допущением ошибок новых, ужасных для глаза и уха религиозного человека (например, моление "духу лукавому"). В общем, здесь церковь подала России заразительный пример (повторенный впоследствии не раз) осуществления преобразований, о которых можно смело говорить, что лучше бы их и вовсе не было.

На рождество в церквях поют: "Любите убо нам, яко безбедное страхом, удобее молчание, любовью же Дево песни ни таки спрятяженно сложенные не удобно есть произволение даждь". Прочитав этот кондак, Л. Н. Толстой (по воспоминаниям В. И. Алексеева) сказал: "Ну что за бессмысленный набор слов. Я ничего не мог понять... а уж где тут мужику понять что-нибудь. Церковь не заботится ответить на духовные запросы мужика".

Другие приоритеты были у церкви! Вот и Никон своими реформами стремился достигнуть единообразия между русской и греческой церковной практикой, что должно было стать идеологической основой будущего "третьего Рима". А стало причиной трагического раскола русской церкви и всего общества, который позднее облегчил окончательное "приручение" Петром I "реформированной" РПЦ. (Запоздалая и двусмысленная попытка честолюбивого патриарха Никона поставить "священство выше царства" уже не могла спасти положение). При "царе-футуристе" архипастырей не душили подушками. Петр просто упразднил русское патриаршество, заменив его бюрократическим институтом - Святейшим Синодом. Государь стал главой церкви. Специальный царский указ нарушал тайну исповеди: узнав "о злодейственном на государя умыш-

лении", духовник отныне обязан был доносить в Тайную канцелярию. Наконец, разве не слышен филофеевский "акцент" в оде М. В. Ломоносова "На взятие Хотина", когда Петр Великий говорит Ивану Грозному: "Не тщетен подвиг твой и мой, чтоб Россов целый мир страшился"?

История показала, что сравнение Московии с Римом пришлось по душе почти всем хозяевам Кремля и Зимнего дворца. Неужели гипноз филофеевской "метонимии" напрочь лишил их чувства юмора, и в имперском угаре они не заметили очевидной недосказанности, неопределенности сакраментальной формулы: два-то Рима уже пали, а "третий" стоит... пока?! (Уж не предупреждение ли это было?) И условие устойчивости, выдвинутое Филофеем,- всего одно: государь должен содержать царство свое "со страхом Божиим".

Не устоял и "третий Рим". Неужто от недостатка "страха божьего"? Аврелий Августин предостерегал: человек, живущий не по Богу, а по человеку, подобен дьяволу. Любого нормального человека в наше время не может не трогать мученическая судьба тысяч служителей православного культа, уничтоженных большевистским режимом после Октября (та же участь постигла и духовенство других конфессий в России). Но историк вправе задать вопрос, который кому-то покажется нетактичным: стала ли бы возможной кровавая атеистическая вакханалия, если бы не "паралич русской церкви" (слова Ф. М. Достоевского)? Ведь именно из-за политической зависимости и официозности русского православия церковь рухнула вместе со "старым режимом".

Один из авторов сборника "Из глубины" (1918 год) С. А. Аскольдов назвал первым и крупнейшим деятелем русской революции... нет, не Ленина, и не Троцкого, а сибирского хлыста Григория Распутина, поскольку "именно он был главным фактором глубочайшего падения видимой русской Церкви..." Не приняв истинного пророка - Владимира Соловьева, писал Аскольдов, РПЦ "в силу роковой связи совершаемых ошибок приняла вместо него - ложного - Гр. Распутина". В самом деле, кто же лепил из лихого тридцатипятилетнего "старца" (а Рос-

сии "везет" со старцами, так же как и с юристами) образ подлинного владыки церкви? В 1907 году лидер московских черносотенцев протоиерей И. И. Восторгов на собрании объединенных монархических организаций назвал Распутина "тобольским Заратустрой" и сравнил его с эхом голоса "настоящего русского мужика", глубоко преданного Богу и царю. Весьма лояльно относились к колдунам и кудесникам "из народа", прозорливцам и "пророкам" Иоанн Кронштадский, епископ Феофан (представивший Распутина царской чете) и даже такой крупный религиозный мыслитель, как П. А. Флоренский.

Языческие реминисценции присущи русскому православию от века, и при обоюдном желании язычники и ортодоксы легко и быстро переходят на общий "воляпюк" юдофобии и антииудаизма. На страницах российской "патриотической" печати в наши дни можно встретить такой диалог: молодой патриот-неоязычник, совсем в духе нацистского профессора Гауэра, заявляет: "Православие - это ответвление иудаизма. С помощью православия Россию завоевали евреи... А раз так, не надо ли менять эту чужую веру на нашу историческую?" Ему "грамотно и подробно", по-отечески терпеливо и назидательно отвечает священник и богослов: "Нет ничего более полярного, нежели православие и иудаизм. Первое олицетворяет дух, второе - материализм". Далее следуют - цитата из евангелия от Матфея (27:25) и стандартные нападки на "иудео-большевиков". Вот она, высшая премудрость ортодоксальной теологии! Ее основы заложил еще в XI веке преподобный Феодосий Киево-Печерский, призывавший братию жить мирно как с друзьями, так и с врагами своими, но только не с "врагами Божьими", к коим отнесены им были "жиды, еретики, держащие кривую веру..." И некоторые православные богословы неукоснительно следовали этому "завету", не задумываясь над тем, что Всевышний, "по определению", не нуждается ни в теодицее, ни в защите от "врагов". Вспомнил ли кто-нибудь из них потом, когда пришла "свобода без креста", Владимира Соловьева, предостерегавшего от разжигания племенной и религиозной вражды, которая "в корне развращает общество и может привести к нравственному

одичанию..."? "Вот почему, - убеждал философ, - уже из одного чувства национального самосохранения следовало бы решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России". (Призыв этот не остался без внимания: архимандрит Антоний Храповицкий назвал Соловьева... "юдофилом и космополитом, типичным жидовствующим интеллигентом").

Впрочем, те священнослужители, для которых истинным Богом был Творец, а не обер-прокурор Синода, становились выше конфессиональных барьеров. Так, один священник Пензенской епархии по просьбе прихожан отслужил панихиду по убитому черносотенцами в 1906 году депутату I Госдумы от конституционно-демократической партии еврею М. Я. Герценштейну, чем вызвал гнев самого Столыпина.

Американский психоаналитик Эрик Эриксон квалифицировал русскую историю как отероченное становление восточного протестантизма. Такой добродушный прогноз врачу простителен. Но кроме материалистического "понимания" истории - этой "наиболее разработанной и опасной формы историцизма" (Карл Поппер), - какие еще есть у нас аргументы в пользу того, что снисходительное Провидение рано или поздно выводит на столбовую дорожку цивилизации всех блудных сыновей? И как случилось, что "святая Русь" - оплот истинной веры, - успешно преодолел "страшную ересь" и прочие соблазны чужеродного происхождения, семьдесят лет жила "не во имя православия, а под знаменем постхристианской ереси европейского происхождения" (так А. Тойнби именовал коммунизм)?

Причин тому, на наш взгляд, две: общего - культурного и частного - политического порядка. Западной Европе потребовались многие века для того, чтобы общество сумело привыкнуть к таким "простым" вещам, как уважение к закону, толерантность, понимание многозначности людской правды (Россия счастливо избежала и этого долгого и тернистого пути)... Думается, это следствие того, что изначально само христианство не впитало из своего источника соответствующих ка-

честв, имманентных иудаизму. Здесь и проявился компилятивный характер новой религии: прорвав "осевое время", носителями которого, по Карлу Ясперсу, являются иудеи, христианство приняло Танах "за основу"; однако ему понадобилось почти две тысячи лет собственной истории, пока оно само начало кое-что "понимать". (Разумеется, если бы это произошло сразу, то еврейский проповедник Йешу не стал бы для значительной части человечества Христом. Вот исходный пункт для еще одного альтернативного варианта всемирной истории.)

От новгородских еретиков - к князю Андрею Курбскому, затем - к раскольникам, потом - к Радищеву, декабристам, Чаадаеву и т. д. - вьется веревочка диссидентства на Руси. Со времени полной победы Москвы над Новгородом сторонники автократии могли искренне или с изрядной долей лукавства считать и преподносить себя обществу монопольными и ревностными блюстителями государственных интересов России. Последователи же подрубленной под корень новгородско-русской политической традиции, время от времени подававшие свой голос, неизменно получали ярлыки врагов - государя, отечества, православия и, конечно, - народа. А между тем у значительной части этого же народа диссиденты вызывали не только естественное человеческое сочувствие, но и веру в их мессианские потенции: уж эти-то точно знают, что надо сделать, чтобы люди наконец зажили счастливо! Расправляясь с диссидентами, выдавливая их за рубеж и загоняя в подполье, отправляя в ссылку и на каторгу, власть таким образом, сама способствовала их сакрализации, обожествлению (Иисус ведь тоже страдал...), романтизировала инакомыслие и тем самым мешала формированию в стране вполне земной (без нимба и тернового венца), а потому цивилизованной (без бомбы и револьвера) оппозиции. Не оттого ли со временем Россия и превратилась в гигантскую клинику, где косметологи истории могли, по своему усмотрению и не всегда безупречному вкусу, удлинить или укоротить "нос Клеопатры", а то и вовсе оставить бедную женщину без носа?

Так мы вернулись к тому, с чего начали. Оспаривать тезис Паскаля - неразумно. Кто же, однако, позаботился о длине и форме легендарного носа, с тем чтобы его обладательница смогла пленить красотой Юлия Цезаря и Марка Антония, со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Размышляя "о ничтожестве и горестях жизни", Артур Шопенгауэр, в пику Г. В. Лейбницу, доказывал, что наш мир - не то, что не лучший, а наихудший из возможных миров: еще чуть-чуть хуже, - и он просто не смог бы существовать. Данные "положительных" наук вроде бы подтверждают этот пессимизм. Астрофизик Б. Картер установил, что внутри звезд равновесие между гравитационным и электромагнитным взаимодействиями соблюдается с невероятной точностью: изменение одного из них на незначительную часть его величины привело бы к катастрофе звезд типа нашего Солнца. Но равновесие не нарушается.

Это в природе. Проведем теперь совершенно неуместную, но неумолимо навязывающуюся аналогию: человеческая жизнь (по отношению к населению Земли) "весомее" круглым счетом на тридцать порядков. А в действительности, а в истории XX века? Сколько же миллиардов миллиардов раз должен был бы перевернуться этот лучший-худший из миров еще до того, как начали работать печи Освенцима? Однако он стоит и после того, как они погасли. Что же, человек - меньше, чем песчинка? Пример этот можно толковать и как посрамление физикализма, хотя данный вид редукции не лучше, но и ничуть не хуже других, которые только и способны предложить абстрактное мышление.

Получается, что смысл истории так же несоизмерим с рациональными критериями, как и смысл жизни человека. Не потому ли, что история в своей запредельной части, с которой как-то связана и человеческая душа, - это вовсе не прогресс и не круговорот, а уже ставшее, реализовавшееся предначертанное? И для Вседержателя - вечного и надвременного - нет ни прошлого, ни будущего, а есть одна только живая картина настоящего: от сотворения мира и до конца времен. Поэтому тем,

кому удавалось заглянуть за грань доступного, дозволенного человеку, - библейским пророкам или Мишелю Нострадамусу - виделись поразительные картины грядущего, в том числе и падение языческих царств, построенных на насилии.

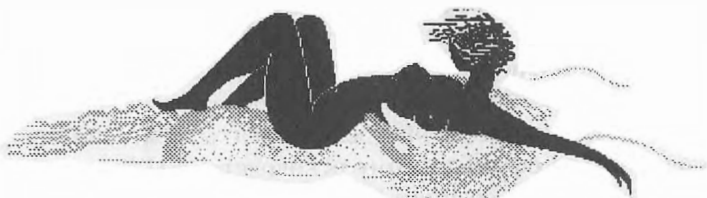
Причин для особой радости по случаю краха очередной великой империи не может быть почти ни у кого. "Такие трансформации, - деликатно предостерегал еще в разгар "революционной перестройки" профессор истории Йельского университета П. Кеннеди. - обыкновенно дорого стоят и происходят не всегда в предсказуемой форме".

И все же проявим столь непопулярный сегодня во всех четырех полушариях нашей планеты "социальный оптимизм" и выразим надежду, что пророчество монаха Филофея, ставшее для Московской империи (скорее всего, помимо желания самого пророка) идеологическим троянским конем, несмотря ни на что - сбудется: четвертому Риму - как и, не к ночи будет сказано, однономерному рейху - не быть.

юлия винер

о деньгах, о старости, о смерти и пр.

(стихи 1985-1995 гг.)

Издательство АЛФАВЕТ 192 стр. Цена 30 шек.

Книгу можно купить по адресу: J.W., P.O.B. 2725, JERUSALEM
Можно также заказать ее по тел. № 02-6231563

Христианские церкви Германии до и после Холокоста

Большая часть - почти 67% - населения Германии относит себя к христианам. Почти поровну (33,7% и 33,2%) они делятся на протестантов и католиков.

Протестанты, кроме десятка мелких независимых общин ("свободных церквей") входят в Евангелическую церковь Германии (ЕЦГ). Она организована по федеративному принципу из 28 протестантских церквей отдельных земель. Руководит ею совет, где по очереди председательствуют президенты земельных синодов. В догматическом и культурном отношении ЕЦГ состоит примерно в равной пропорции из последователей учения М. Лютера (они преобладают на севере и востоке Германии), Ж. Кальвина и У. Цвингли (преобладают на западе).

По отношению к нацизму ЕЦГ не занимала единой позиции. Часть духовенства и верующих - т. н. "немецкие христиане" рьяно поддерживали фашистский режим. Другая часть, представленная т. н. "Исповедующей церковью", не желала превращения ЕЦГ в инструмент нацистского государства, и поэтому значительную часть своей деятельности должна была проводить нелегально. Между ними колебалось большинство протестантских пасторов; идейно тяготая скорее к Исповедующей церкви, но опасаясь присоединиться к ней, они продолжали подчиняться официальному руководству ЕЦГ, которое со временем перешло на позиции "немецких христиан".

Исповедующая церковь сочла нужным дистанцироваться от нацистской политики по отношению к евреям. В августе 1936 года ее руководящие органы направили Гитлеру меморандум, где среди прочих разногласий между церковью и НСДАП отмечалось: национал-социалистическое мировоззрение навязывает верующим антисемитизм, требует от них ненависти к евреям, а

это противоречит христианской заповеди любви к ближнему. На основе меморандума было вскоре подготовлено пастырское послание, зачитанное во многих протестантских церквях, но именно и только указанный пункт в нем отсутствовал. Верх взяла традиционная, идущая от времен средневековья линия: церковь должна защищать себя, своих членов, но не иноверцев. К судьбе евреев Исповедующая церковь вернулась лишь в октябре 1943 г., когда миллионы людей уже были уничтожены. В декларации синода Евангелической церкви Старопруссского Союза ко Дню покаяния и молитвы говорилось: "Горе нам и нашему народу, ...если он считает себя вправе убивать людей, жизни которых признаются малоценными или которые принадлежат к другим расам... Ибо Бог говорит: не убий!"

Можно ли считать эти демарши достаточными в тех конкретно-исторических обстоятельствах? Дитрих Бонхеффер - евангелический пастор и теолог, казненный нацистами в 1945 г. за антифашистскую деятельность, - полагал, что безусловно нет. С глубокой горечью он писал: "Церковь видела произвольное применение жестокого насилия, физические и душевные мучения бесчисленных невинных, угнетение, ненависть, убийства и - не подняла голос в защиту жертв, не нашла способа прийти им на помощь. Она виновна в смерти самых слабых и беззащитных братьев Иисуса Христа". Такие люди, как Бон-хеффер или пастор Хайнрих Грюбер (он помогал евреям выезжать из нацистской Германии, за что и был брошен в концлагерь), глубоко переживали то, что Э. Л. Факенхайм назвал впоследствии "трусостью, внутренней лживостью и очевидной безнравственностью христианской жизни и мысли там и тогда, когда за истинное следование Иисусу нужно было дорого платить".

Осмысление Катастрофы, ее масштабов, причин и последствий началось в христианской среде далеко не сразу - осознание совиновности и ответственности за случившееся влекло за собой глубокую внутреннюю травму. Видимо, поэтому и первые публичные заявления ЕЦГ в послевоенное время - "Штутгартское признание вины" 1945 г. и "Дармштатское Слово"

Совета ЕЦГ 1947 г., - признавая соучастие евангелической церкви и христиан Германии в целом во зле, которое нацизм принес миру, не упоминали эксплицитно о Холокосте. Ведущие авторитеты немецкого протестантизма считали "еврейскую судьбу" после Голгофы подтверждением того, что "с Богом не шутят", и надежду для евреев видели только в "обращении к Христу". Лишь отдельные лица и группы (ганноверский епископ Исповедующей церкви Мараренс в 1945 г., Церковно-теологическое общество Вюртемберга в 1946 г.) говорили о вине церкви, которая молчала, когда евреев "бесчестили, грабили, истязали и убивали". Что касается руководства ЕЦГ, то оно, несмотря на давление со стороны протестантской экумены, избегало занять какую-нибудь позицию в этом вопросе. Оно передало его на изучение "Кругу профессиональных знатоков", в большинстве своем специализировавшихся ранее на миссионерской деятельности среди евреев. Неудивительно, что те попытались направить работу "Круга" в привычное прежнее русло, не задумываясь над тем, насколько уместно после случившегося нести евреям "Радостную Весть" христианства и насколько показана такая роль церкви, отрекшейся в годы нацизма даже от своих сочленов - евреев. Пожалуй, единственным позитивным пунктом в заявлении "Круга" от 1947 г. была оценка антисемитизма, "широко охватившего и церковные круги", как "антихристианского заблуждения", вместе с рекомендацией "снова и снова доводить осознание этого до церковных общин". (Хотя вопрос о том, в какой мере церковь своим учением и проповедью способствовала формированию и распространению антисемитизма, заявлением еще не затрагивался).

Решающий импульс к обновлению, переработке теологических основ отношения церкви к еврейству пришел с неожиданной стороны - от созданного ЕЦГ в 1948 г. (с той же целью отвести от себя непосредственную ответственность за решение болезненной проблемы) "Немецкого евангелического комитета службы Израилю". Руководимый первоначально миссионерами, он в последующие годы вдвое увеличил свой состав, причем доля основателей снизилась, и привлек к постоянному участию в

дискуссиях еврейских партнеров. В итоге его работы было признано, что христианской теологии "необходимо переучиваться", и сформулирован ряд положений, пересматривающих традиционные взгляды церкви на евреев. А именно: "Обет, данный Господом Израилю, не отменен. Он сохранил и еще сохранит свою силу"; "избрание Церкви неотделимо от избрания Израиля". Высоко оценивая новаторский характер этих положений, их значение для будущего христианско-еврейских отношений, следует, однако, учитывать, что они разделялись тогда весьма узким кругом лиц и не вошли в сознание массы верующих.

В 1946-47 гг. появился еще один форум христианско-еврейского диалога, не связанный непосредственно с существующими церквями - общества христианско-еврейского сотрудничества. Они были основаны деятелями культуры, публицистами, общественными и церковными деятелями при поддержке американской военной администрации. Последняя стремилась денацифицировать Германию, содействовать перевоспитанию ее населения в демократическом, толерантном духе. Общества ставили целью противодействовать расовым, национальным, религиозным предрассудкам, которые лежали в основе развития приведшего к Холокосту антисемитизма, прежде всего те, что имели основу в христианской теологии и деятельности Церкви", - говорит в связи с этим нынешний глава ЕЦГ Манфред Кок.

Христианско-еврейский диалог имел к тому времени почти двухтысячелетнюю, но весьма печальную и мрачную историю. На протяжении многих веков он шел как диспут, по отношению к евреям носил, как правило, характер осуждения (подчас - просто поношения) и сопровождался неприкрытым давлением с целью обратить их в христианство. В средние века участие в подобных "disputationes" для евреев было принудительным, и кончались они обычно насильственным крещением или кровавыми расправами, сожжением священных книг, изгнанием, а то и уничтожением еврейских общин.

В послевоенные годы впервые в истории христианско-еврейский диалог велся в атмосфере равноправия и взаимоуважения. То же относится и к совместному изучению Св. Писания,

которое базировалось на принципе "один и тот же Бог обращается к нам со страниц Ветхого и Нового Завета" (сформулирован в "Зеелисбергских тезисах", принятых в 1947 году на встрече земельных обществ христианско-еврейского сотрудничества).

Первым условием прогресса в работе было - говорить не просто друг о друге, но именно друг с другом. Христианам, по выражению лютеранского теолога Фридриха-Вильгельма Марквардта, пришлось "посмотреть на себя глазами жертв Освенцима", услышать их голоса. Евреям, как отметил Кок, "несмотря на невыразимо ужасный опыт, быть готовыми вступить на совместную дорогу взаимопонимания" (это сделали пока лишь представители реформистского и отчасти консервативного направлений иудаизма). Благодаря такому подходу работа названных форумов не превратилась, как получалось в прошлом, в диалог глухих, где стороны застревают на изначально занятых позициях.

Между тем в самой ЕЦГ все более крепло стремление осмыслить и преодолеть прошлое. Проявлением его стало, в частности, "Слово к еврейскому вопросу", принятое руководящим органом ("Братским советом") Исповедующей церкви в 1948 г. В нем констатировались "теологические упущения" церкви, способствовавшие беспрепятственному распространению антисемитизма в стране: "Тем, что более не верили в продолжение Божьего обета Израилю, не возвещали его и не доказывали своим отношением к евреям... христиане приложили руку ко всем несправедливостям и страданиям, выпавшим на долю евреев".

Через два года после этого (1950) в аналогичном "Слове к еврейскому вопросу", принятом синодом ЕЦГ в Берлине-Вайсензее, ответственность христиан за преступления нацизма против евреев была, наконец, официально признана от имени всей евангелической церкви (практически - всех, или почти всех, немецких протестантов). В "Слове" ЕЦГ 1950 г. указывалось: "Бездействием и молчанием своим мы стали совиновны перед милосердным Богом за злодеяния, совершенные по отношению к евреям людьми нашего народа". Как следствие этой

констатации формулировалось требование отказа от антисемитизма, активного противодействия ему. "Слово" включало и приводившуюся уже теологическую новацию: "Мы верим, - говорилось в нем, - что обет, заключенный Богом с избранным им народом Израиля, остался в силе и после распятия Иисуса Христа". Вопрос о том, почему у церкви не оказалось критериев для адекватной оценки нацистской политики в отношении евреев, "Словом" не затрагивался.

Дальнейшим продвижением христианско-еврейский диалог и теологическая работа ЕЦГ обязаны двум форумам - "Рабочему сообществу евреев и христиан" при Съезде Евангелической церкви Германии и "Исследовательской комиссии по теме "Церковь и еврейство" при Совете ЕЦГ, созданными соответственно в 1960 и 1967 гг. Ими было подготовлено к 1975 г. обширное исследование "Христиане и евреи", в историческом и теологическом плане критически пересматривающее все аспекты этой многосложной проблемы.

Работа в указанном направлении проходила, впрочем, и на других уровнях церковной жизни - не только в центре, но и в землях, церковных округах и общинах. Евангелическая церковь Рейнланда первой среди земельных церквей создала в 1975 г. специальный комитет с задачей выработать к исследованию "Евреи и христиане" необходимые практические установки. Интенсивная работа комитета сопровождалась широкой дискуссией на местах с участием еврейских партнеров. В результате и возникло известное Заключение "К обновлению отношений между христианами и евреями", принятое в 1980 г. земельным синодом Евангелической церкви Рейнланда. В Заключении объявлялось, что "исповедует" церковь, что она "верит" и что "устанавливает". Вот его основные пункты:

1. Соответственность и вина Церкви за Холокост.
2. Общность Священного Писания евреев и христиан - Ветхого Завета.
3. Общая с Израилем вера в Творца и надежда на "новое Небо и новую Землю".

4. Общий с Израилем взгляд на "единство справедливости и любви к Богу и людям.
 5. Отказ от представления, что народ Израиля отвергнут Богом и превзойден Церковью.
 6. Вера в сохраняющееся избрание Израиля и принятие Церкви через Иисуса Христа в союз Бога со своим народом.
 7. Связь, установленная Иисусом как Мессией и Спасителем между Божьим и другими народами.
- И, как практический вывод из всего сказанного, -
8. Отказ от миссионерства среди евреев.

Заключение Рейнландского синода 1980 г. получило высокую оценку в общинах евангелической церкви, стало своего рода знаменем времени, обозначив совершившийся прорыв в отношениях между христианами и евреями. Зафиксировав то, что было достигнуто на предшествующих стадиях христианско-еврейского диалога, оно дало толчок дальнейшему развитию христианской теологической мысли (в частности, вовлекло в активное обсуждение этих проблем университетских теологов). Некоторые земельные церкви приняли, в свою очередь, аналогичные документы, а две - Евангелическая церковь Гессена и Нассау и Евангелически-реформистская Баварии и Северной Германии - изменили в указанном духе свои уставы.

С теологической точки зрения наибольшее внимание привлек тезис о Церкви и еврействе (Израиле) как двух сторонах единого народа Божьего. Непосредственно он восходит к "Церковной догматике" (кн.2, 1940-1942) выдающегося швейцарского протестантского теолога Карла Барта, хотя в труде последнего содержится еще и традиционная идея "преодоления" иудаизма. Однако нельзя не вспомнить в этой связи и крупнейшего еврейского философа XX в. Франца Розенцвайга. Оставаясь в рамках иудаизма и в то же время "привстав" над ним, он впервые в истории еврейской мысли признал союз христиан с Богом. В основном труде В. Розенцвайга "Звезда искупления" (1921) говорилось о действительности "двух Союзов" - Бога с Израилем и Бога с человечеством во Христе, хотя и постулировалась вечная, от Бога, связь-и-вражда христиан и евреев.

Что касается моральной ответственности христианства за Холокост, то в еврейской мысли тезис этот стал к тому времени общим местом. Э. Л. Факенхайм, например, отмечал: "Не будь юдофобии в самом христианстве, Освенцим был бы невозможен в сердце христианской Европы". Конечно, не христианство осуществило геноцид - нацизм, как известно, был также и антихристианским, - но оно сделало Холокост идейно, психологически возможным, подготовило к нему население христианских стран. "Без христианского антисемитизма геноцид был бы невыносим", - пишут Деннис Прейгер и Джозеф Телушкин; "Языческий нацизм эффективно использовал резервуар христианской ненависти к евреям", - считает религиозный философ Элизер Беркович. Теперь эта ответственность была зафиксирована Рейнландским синодом ЕЦГ, заявившим: "осуждение Израиля на несуществование", "мысленное стирание еврейского народа вплоть до сегодняшнего дня характеризовало христианскую теологию, проповедь церкви и ее поведение".

Тем большего признания заслуживает роль богословов и церковных деятелей, которые идейно подготовили поворотный акт 1980 г. Один из них, упомянутый ранее Ф.-В. Марквардт, в связи с Днем памяти жертв Холокоста писал (1979): "Сегодня Освенцим надвигается на нас, как суд над нашим христианством, над прошлым и нынешним образом нашего христианского бытия... Освенцим надвигается на нас, как призыв к коренному исправлению. Должен измениться не только наш образ действий, но и сама наша вера. Результатом осмысления Холокоста должны стать последствия не только этические, но и вероучительные. Освенцим зовет к тому, чтобы сегодня мы услышали Слово Божие совсем не так, как нам передали его наши теологические учителя и проповедники прошлых поколений. Это коренное исправление затрагивает сущность христианства, как мы понимали ее до сих пор".

Что конкретно имелось им в виду? Прежде всего, традиционный тезис, что "евреи отвергли Христа", который, в свою очередь, отверг евреев. Как замечает историк иудаизма и христианства С. Лезов, "отвержение Христа, т. е. сознательное не-

приятие евреями Иисуса из Назарета своим Мессией, относится не к истории еврейского народа, а к истории христианского вероучения". (Кстати, в такой же суммарной, недифференцированной форме - но, естественно, с обратным, положительным знаком - утверждение это присутствует и в еврейской теологической литературе.)

В реальной жизни Иисус (Иегошуа) из Назарета имел среди евреев - а проповедь его была обращена исключительно к ним - горячих сторонников и не менее горячих противников. Были, вероятно, и такие, кто относился к этой проповеди индифферентно, а более всего было таких, кто о ней вообще не знал. Иисус и его последователи - как ранее Иоанн Креститель и его последователи - остались одной из групп плюралистического еврейского общества периода перед Великим восстанием 66-73 гг. и разрушением Второго храма. В атмосфере этой эпохи, насквозь проникнутой эсхатологием, ожиданием приближающегося конца мира, возникало много мессианских учений, однако все они прекратили существование после смерти их основателей или в результате гонений. Лишь христианство выжило после кончины Иисуса - в виде немногочисленной общины, состоявшей из соблюдавших Тору евреев, которая воспринималась окружающими как часть фарисейского движения (смотри, в частности, свидетельство Иосифа Флавия). Лишь впоследствии, в результате деятельности апостолов христианства, особенно Павла (Саула), среди язычников, новое учение распространилось и за пределы еврейской среды, утратив постепенно характер течения в иудаизме.

Однако наиболее зловещую роль в истории отношений христиан к евреям сыграло восходящее к Новому Завету (Евангелию от Матфея, 27:25) обвинение евреев в том, что они "распяли Христа" и несут на себе проклятие Божье, коллективную ответственность за "богоубийство". Это обвинение стало главным источником христианской юдофобии, именно им оправдывались почти два тысячелетия пытки и убийства евреев, всевозможные гонения и дискриминация.

Исторически обвинение евреев в распятии Христа совершенно несостоятельно. Вышедшая в Израиле в 1968 и 1971 гг. (нем. и рус. пер. - в 1997 г.) книга видного юриста (кстати, родившегося и обучавшегося в Германии) Хаима Германа Коэна на основе детального анализа раннехристианских, римских и еврейских источников доказывает: в силу характера предъявленных Иисусу обвинений, с одной стороны, и правил иудейского судопроизводства, с другой, он не мог быть судим и осужден еврейским Синедрионом, а только римским наместником Иудеи Понтием Пилатом (участие евреев в разбирательстве, влияние их на исход дела остаются предметом дискуссии).

Но историко-юридическая и всякая иная несостоятельность тезиса не лишают его теологического значения. Евреям, как отмечает С. Лезов, "к их несчастью, досталась функционально важная роль в христианском мифе: в христианском сознании они стали служителями дьявола и врагами Бога, намеренно умертвившими Спасителя и тем самым помимо воли оказавшимися орудиями Провидения". Представление о евреях как проклятых Богом детях и служителях дьявола, восходящее к Евангелию от Иоанна (8:43, 44, 47), написанному примерно около 100 г. н.э. (заметим в скобках, что другие Евангелия таких высказываний не содержат), оказалось из ряда вон вредоносным. Его влияние сказывалось в богословской литературе до последнего времени, а на уровне обыденного религиозного сознания сказывается и поныне.

Интересные коллизии вокруг этого тезиса происходили в нацистские времена. Главный пропагандист антисемитизма в Третьем Рейхе Юлиус Штрайхер откровенно звал к выработанным христианством инстинктам, именуя евреев "народом, о котором Христос говорил, что отец его - дьявол". Ведущий же идеолог партии Альфред Розенберг в известном "Мифе XX столетия" попытался теоретически фундаментализировать антисемитизм, не прибегая к религиозным ассоциациям, исключительно расистскими доводами ("Миф" был также и резко антихристианским). И - встретил отповедь со стороны протестантских теологов. Один из них, Вальтер Кюннет, писал в своем "Ответе на

Миф": "...отрицая христианство, Розенберг оказывается не в состоянии понять, что неполноценность и опасность мирового еврейства, его разлагающее влияние - все это следствие проклятия, тяготеющего над евреями после того, как они распяли Христа".

Из тезиса о проклятии, отвержении Богом народа Израиля органично вытекало и христианское учение о Церкви как "новом народе Божьем", "новом Израиле", также чреватое тяжкими последствиями. "Разумеется, между стремлением христианства вытеснить иудаизм и Освенцимом - огромная пропасть, - замечает в связи с этим Э. Л. Факенхайм. - ...Тем не менее ужас в том, что края этой пропасти соединяет тонкая нить".

Исходя из того, что само существование евреев (неважно, верующих, неверующих, агностиков, но так или иначе живых людей, не переставших быть евреями) представляет собой камень преткновения для христианской теологии с ее стремлением полностью вытеснить иудаизм, протестантский богослов Дж. Курт Риларсдарм заключил: для христиан всегда было лишь два хороших еврея - мертвый и крещеный. Нарочитая заостренность этой констатации помогает выявить ту "ниточку", о которой говорил Факенхайм: мысль о том, что, теологически говоря, евреи вообще не должны существовать.

В свете сказанного ясно, насколько трудно было для христианской церкви - любой - признать, что евреи, отрицающие божественность Иисуса, сохраняют, несмотря на это, свое место в схеме божественного устройства, признать неотчуждаемость мессианской традиции и потенции иудаизма, раскаяться в стремлении вытеснить и заместить еврейский народ. Ведь отрицание иудаизма составляло неотъемлемую часть самоутверждения христианства, и отказ от этой позиции ставил под сомнение универсальность притязаний христианства на обладание Истиной.

Сравнивая нацистское законодательство о евреях с раннехристианским и средневековым каноническим правом, Рауль Хилберг, автор капитального труда "Уничтожение европейских евреев" (1985), показывает: большинство гитлеровских дек-

ретов, направленных на вытеснение евреев из общества (запрещение занимать государственные и общественные должности, получать академические степени, владеть недвижимым имуществом, появляться на улицах в определенные дни, посещать места общественного пользования, обязанность носить желтую звезду, платить особый налог, проживать на территории гетто; запрещение неевреям лечиться у еврейских врачей, вступать с евреями в родственные и дружеские отношения), находит прямые аналогии в решениях церковных синодов и соборов IV, VI-VII, XI и XIII вв. Более того, и нацистское "окончательное решение еврейского вопроса" может и должно рассматриваться в преемственности с предшествовавшими христианскими преследованиями евреев. Хилберг пишет: "Процесс начался с попытки насильственно обратить евреев в христианство. Он был продолжен изгнанием преследуемых. И в конце этого процесса евреев обрекли на смерть. Немецкие нацисты не порвали с прошлым, они основывались на нем. Они не начали, а завершили развитие".

Для лютеран, составляющих половину прихожан ЕЦГ, пересмотр устоявшихся, вошедших в плоть и кровь христианства антиеврейских традиций был особенно труден в силу позиции основоположника немецкого протестантизма Мартина Лютера. В молодости он критиковал антиеврейскую политику католической церкви, поскольку считал, что лишь она мешает обращению евреев в христианство. Впоследствии, убедившись в безрезультатности собственного подхода, Лютер стал непримиримым врагом еврейства. Нацисты охотно цитировали его сочинения, наполненные ядовитыми выпадами против евреев. По свидетельству очевидцев, Гитлер еще в 1918 г. говорил: "Мы лишь сейчас начинаем понимать еврея так, как он понимал его тогда". А Юлиус Штрайхер в Нюрнберге оправдывал себя тем, что не писал о евреях ничего такого, чего Лютер не высказал бы за 400 лет до него. Подобно тому, как средневековый католицизм предвосхитил почти все законодательные акты нацистов в отношении евреев, Лютер предвосхитил почти все их практические действия. Так, он рекомендовал: сжечь все синагоги,

разрушить все еврейские дома, конфисковать священные книги, запретить раввинам учить, изгнать их из районов, где проживают христиане, конфисковать имущество, привлечь их к принудительному физическому труду...

Это историческое духовное наследие нужно иметь в виду, оценивая шаги в противоположном направлении, сделанные ЕЦГ в 1950-1980 гг. Значение их не умаляется тем, что приведенные документы вызывали и продолжают вызывать неоднозначное, в том числе и критическое, отношение. Так, с христианской стороны оценивался иногда недостаточный тезис о том, что Церковь через Иисуса Христа принята в союз Бога с народом Израиля. По мнению критиков, это положение не выявляет полностью эсхатологическое значение явления Христа. С другой стороны, для верующих иудеев эсхатологический обет вообще не связан с Иисусом из Назарета. Однако вся атмосфера христианско-еврейского диалога, в котором догматические расхождения принципиально неустраимы ("Иисус нас объединяет, Христос разъединяет", сформулировал суть этой коллизии христианский теолог), стала уже совершенно иной. "Мерилом теологических суждений, - как заметил Манфред Кок, - более не является наша (христиан) заносчивость".

Заключение Рейнландского синода ЕЦГ 1980 г. содержало чрезвычайно важную диспозицию: "Продолжающееся существование еврейского народа, его возвращение в Землю Обетованную и создание государства Израиль есть свидетельство верности Бога своему народу". Это утверждение подверглось критике, сводящейся к тому, что любая государственность может быть приписана воле Божьей. Рейнландский синод, как явствует из заявления его тогдашнего руководителя Петера Байера, осознавал связанный с такой декларацией теологический риск, но считал его оправданным, исходя из веры в "особый характер избранности народа Божьего".

Естественно, что последнее положение - как, впрочем, и весь дух, направленность рейнландского "Заключения" получили положительную оценку еврейской стороны. Так, известный раввин Альберт Фридендер писал: документ выразил "по-

нимание того, что евреи существуют не только в Библии, но живут и сегодня, и что никакой подлинный диалог между евреями и христианами невозможен, если из него исключается государство Израиль. Конечно, можно и должно критиковать его, но экзистенциальная истина, что евреи и иудаизм связаны с этим государством и вне этой связи уже не могут быть поняты, благодаря Заявлению 1980 г. проникла в центр христианской мысли".

Новым этапом в развитии христианско-еврейских отношений стало последнее десятилетие. В 1988-1998 гг. в уставы большинства земельных церквей вошло важное дополнение, отражающее нынешний уровень этих отношений. Как правило, оно вводилось в "основную статью" устава, излагающую кредо церкви, то, в чем она видит фундамент и смысл своего существования. Мы цитируем такое дополнение по тексту рейнландского устава: "Она (евангелическая церковь Рейнланда) свидетельствует верность Богу, который придерживается избрания Израиля как своего народа. Вместе с Израилем она надеется на новое Небо и новую Землю".

Закрепление приведенных положений в "основной статье" церковного устава выбивает почву из-под ног у тех, кто склонен считать обновление отношений христиан с евреями побочной темой в деятельности Церкви. И наоборот, укрепляет позиции нового поколения, для которого такое обновление - "вопрос нашего собственного самосознания как Церкви". Петер Байер подчеркивал: "Только вместе с Израилем существуем мы как христиане. Если народ Божий терпит преследования, находится под угрозой уничтожения, Церковь во всем мире должна ощущать себя преследуемой и как второй свидетель верности Бога относить угрозу уничтожения к себе и в соответствии с этим действовать".

Такое понимание, однако, нужно было сделать достоянием массы верующих. Поэтому процесс изменения земельных уставов растянулся на годы - в соответствии с демократическими нормами жизни протестантских церквей такого рода изменение требовало *magnus consensus* (максимального согласия) членов,

достигнуть которого было нелегко. ЕЦГ в целом, опубликовав в 1991 г. второе исследование по проблеме "Христиане и евреи", внесла в этот процесс свой стимулирующий вклад. В исследовании констатировалось полное согласие, существующее в рядах церкви относительно "сохраняющегося избрания Израиля" и "нерасторжимой связи христианской веры с иудаизмом". Сейчас готовится третье исследование, результатом чего станет, по-видимому, изменение общегерманского устава евангелической церкви или принятие специального документа, касающегося отношения ЕЦГ к евреям, иудаизму, Израилю.

Конкретных примеров обновления позиций церкви в этой сфере очень много. Достаточно вспомнить, как отмечалась в 1996 г. годовщина первого крестового похода - с категорическим осуждением прокатившихся 900 лет назад по Европе еврейских погромов. Еще важнее, по мнению Кока, то, что у слушателей церковных проповедей, читателей "библейских писем", рассылаемых общинами, "повысилась чувствительность к проявлениям антииудаизма в теологической мысли и языке". Сегодня, считает он, уже не могло бы дойти беспрепятственно до теологически обосновываемых проявлений антисемитизма.

Руководители ЕЦГ при всем том полагают, что оснований для самоуспокоенности у них нет. Антииудаистские мотивы в христианской теологии глубоко проникли в сознание верующих, и нескольких десятилетий недостаточно, чтобы бесследно выкорчевать их. "В иных частях нашей пестрой протестантской семьи еще очень неглубоко мыслили и - на взгляд евреев - также и действовали", - отмечает Манфред Кок. Предстоит, по его мнению, большая, начатая уже работа над литургическими текстами, молитвами и песнопениями, входящими в требники. Теологическое образование должно в соответствии с новыми концепциями готовить к деятельности будущих священнослужителей (антииудаистские традиции здесь оказались, кстати, наиболее живучими).

ЕЦГ продолжает участвовать и в христианско-еврейском диалоге. Такое участие в последние годы стало уставной обязанностью церковных общин и округов в ряде германских

земель. С другой стороны, задача миссионерской деятельности среди евреев изъята теперь из церковных уставов - исходя из представления, что христианство не является "высшей" по отношению к иудаизму религией и не должно пытаться быть альтернативой ему. Этим убеждением продиктовано, в частности, единодушное решение Совета ЕЦГ и Центрального Совета евреев Германии от октября 1995 г.: осудить имевшие место попытки отдельных "свободных церквей" использовать экономические нужды еврейских переселенцев из СНГ в видах христианского прозелитизма.

Мы подробно рассмотрели эволюцию взглядов евангелической церкви, поскольку она инициировала диалог с еврейством и сделал ему навстречу наиболее крупные шаги.

Что можно сказать об отношении католической церкви к рассмотренным проблемам?

В годы нацизма часть католических иерархов Германии демонстрировала свою лояльность режиму, обходя молчанием даже его антицерковные меры. Другие, тоже не зарекаясь от выражений верноподданничества, в подобных случаях заявляли, однако, о своем несогласии. Но на дискриминацию, преследования, начавшееся уничтожение евреев не реагировали ни те, ни другие. Предписанный нацистами бойкот еврейских фирм в апреле 1933 г. епископ-кардинал Бертрам оценил публично как "хозяйственную борьбу в неблизкой нам с церковной точки зрения сфере интересов". Нюрнбергские законы об "охране чистоты германской расы и крови" от 15 сентября 1935 г. вызвали со стороны церкви лишь робкие устные замечания в связи с тем, что перешедшие в католичество евреи не были изъяты из сферы их действия.

Против всегерманского погрома в ноябре 1938 г. ("имперской хрустальной ночи") протестовал один лишь настоятель берлинской Хедвигскирхе Бернард Лихтенберг (он стал открыто возносить в своем храме молитвы за евреев и делал это в течение трех лет, покуда не был арестован и осужден). Начав-

шаяся осенью 1941 г. массовая депортация евреев из Германии и оккупированных ею стран на Восток, поступавшие оттуда сведения об их уничтожении также не побудили иерархов к каким-либо действиям. Лишь после Сталинграда, когда обозначалась перспектива военного поражения Германии, епископ берлинский Конрад фон Прейсинг (декабрь 1942 г.) и архиепископ кельнский Йозеф Фрингс (март 1944 г.) сочли уместным публично заявить: в силу неотчуждаемости прирожденных каждому человеку божественных прав бессудное лишение имущества, свободы и жизни недопустимо и в отношении людей "не нашей крови".

В послевоенный период отношение немецких католиков к евреям и иудаизму эволюционировало в том же направлении, что и отношение протестантов. Основные элементы католической позиции таковы: признание еврейских корней христианства, общего духовного наследия и тесных связей христиан с иудаизмом, напоминание об общем праотце - Аврааме, об еврействе Иисуса, Девы Марии, апостолов и всех первохристиан; сожаление о ненависти и гонениях, направленных "когда бы то ни было и кем бы то ни было" против евреев; признание косвенной связи между нацистским геноцидом евреев и отношением к ним христиан на протяжении многих веков ("антиеврейские чувства сделали христиан менее чувствительными или даже равнодушными к преследованию евреев национал-социализмом"); осуждение антисемитизма как несовместимого с основами христианства, как греха перед Богом и человечеством и призыв искоренить из ментальности верующих остатки антисемитизма, "еще довольно часто встречающиеся".

Внутри католицизма католики Германии занимают в вопросах отношений с еврейством наиболее четкие обновленческие позиции (эксплицитно мотивируя: "в нашей стране эти вопросы следует ставить резко, отчетливее"). Общий Синод католических епархий Германии (1975) с горечью и раскаянием констатировал: "Взятое в целом, церковное сообщество продолжало жить, повернувшись спиной к судьбе преследуемого еврейского народа, ...обходило молчанием преступления, совершавшиеся

по отношению к евреям и еврейству". Видный католический теолог, директор Епископской Академии Аахена Ханс Херманн Хенрикс сдержанно, но недвусмысленно критиковал последний документ Ватикана "Мы вспоминаем: Размышления о Шоа" (1998) за недостаточность содержащейся в нем самокритики (документ, по его оценке, "уводит выяснение Церковью отношений с собственной совестью некоторым образом в сторону от сути").

Острое ощущение вины церкви, осознание масштабов и последствий Катастрофы, стремление дойти до корней, в том числе богословских, происшедшего обусловили, по-видимому, широко известные высказывания католического теолога Иоганна-Баптиста Меца: "Я даю своим студентам с виду простой, а по сути наивысший критерий оценки теологических построений. Спросите себя: теология, которую вы учите, могла бы остаться одинаковой до и после Освенцима? Если да - то будьте настороже!" Другие авторы - и тем более официальные лица Ватикана - не заходят так далеко. Признавая, что "некоторые тексты Нового Завета, вероятно, оказывали влияние на анти-семитские настроения христиан", они оговаривают, однако, что дело тут лишь в "отходе от подлинно христианского их понимания". И папа Иоанн Павел II упоминает "ошибочные, несправедливые интерпретации Нового Завета касательно евреев и их мнимой вины" в смерти Спасителя, "длительное время циркулировавшие в христианском мире", добавляя, впрочем: "не скажу - со стороны Церкви как таковой".

С. Лезов - не только религиовед, но и верующий христианин - считает такие "с трудом выдавленные из себя полупризнания" проявлениями "лукавства". "Конечно же, - пишет он, - наше Священное Писание, Новый Завет, содержит начатки учения, согласно которому "евреи отвергнуты и прокляты Богом". "Юдофобский потенциал" соответствующих мест Евангелия, "вполне реализовавшийся, к сожалению, в истории Церкви", с его точки зрения, несомненен.

В том, что евангелическая церковь смогла продвинуться в

самообновлении дальше католической, сделать из самокритики и вероучительные выводы, сказались исторически сложившиеся черты протестантства - большая свобода и плюрализм мнений, демократизм церковной структуры (а соответственно и меньшая роль традиций, иерархии). Немецкие протестанты решали вопросы оценки своего прошлого, отношений с сегодняшними евреями, иудаизмом и Израилем сами, по собственному разумению, в то время как для немецких католиков основные параметры таких решений задавались извне, Ватиканом.

Знакомство с общественно-политической и духовной ситуацией в ФРГ приводит любого наблюдателя к выводу, что цели тех, кто стоял у истоков христианско-еврейского диалога и сближения, далеко еще не достигнуты.

Насколько искренне и последовательно разделяют новые позиции христианских церквей их рядовые члены - основная масса верующих?

В 1994 г. Алленсбахский Институт по изучению общественного мнения провел опрос, который показал: 15% жителей Германии (12 млн. чел.) - "явные" антисемиты. По этому поводу стоит напомнить: по расчетам социологов, основанным на данных опросов 1946, 1948, 1949 и 1952 гг., число "выраженных" антисемитов в ФРГ составляло от 30 до 40% населения (т. е. от 14,5 до 19,5 млн. чел.). Сколько было в ГДР - неизвестно.

Аналогичную тенденцию выявляют и опросы, измеряющие масштабы специфически "христианского" антисемитизма. В них респондентам предлагалось выразить свое отношение к следующему высказыванию: "евреи потому имеют столько трудностей, что Бог наказывает их за распятие Иисуса Христа". В 1974 г. с этим утверждением согласились 28% опрошенных, не согласились 69,5%. В 1987 г. распределение мнений выглядело иначе: согласились лишь 8%, "нет" сказали 75.7%.

Конечно, в изменении отношения к евреям, о котором свидетельствуют названные цифры, проявилось влияние многих факторов, но в их число, безусловно, входят и усилия христианских церквей.

Марк Азбель

Катастрофа и свобода Запада

В 1933 году произошло важное событие. Научный Ватикан переместился в Новый Свет. "Папа современной физики переехал в Соединенные Штаты, которые теперь сделались центром физических наук" (Поль Ланжевен).

Папой современной физики был, конечно, Эйнштейн. Причиной - нацизм. За Эйнштейном последовали Бор, Ферми, Борн, Вигнер, Теллер, фон Нейман - всех просто не перечислить.

В 1939 году немецкие физики, открыв цепную реакцию в уране (Ган, Штрассман, Мейтнер, Фриш), оказались на пороге атомной эры. Если бы Гитлер проявил сталинскую выдержку, неторопливость и интерес к "полезной науке", то благодарные, близорукие и тщеславные ученые подарили бы атомную бомбу Германии, а не Америке, куда они вынуждены были бежать, - как несколько позднее советские ученые подарили бомбу Сталину.

В Америке создание атомной бомбы заняло три года (1942-1945 гг.). В лучше подготовленной Германии Гитлер мог получить бомбу в 1941 году. Первая же бомба, сброшенная на Лондон, поставила бы Англию на колени, так же, как в 1945 году - Японию. Россия, и так едва устоявшая в 1941-42 гг., пала бы после атомного удара по Москве и Ленинграду. Отвык-

шая воевать Америка сдалась бы, вероятно, без боя. Гитлер стал бы первым в истории властелином мира, а Третий рейх, лишенный внешних противников, - и единственный обладатель тайного оружия, мог оказаться поистине всемирным и тысяче-летним.

Вот тогда бы не спеша Гитлер занялся вселенскими лагерьями уничтожения. То есть альтернативой еврейской Катастрофе могла стать Катастрофа всемирная. Возможно, евреи невольно оказались искупительной жертвой за все человечество.

Много пишут и говорят о том, что Россия спасла от Гитлера часть "своих" евреев (предварительно "подарив" ему три миллиона евреев польских). Но не исключено, что шесть миллионов жизней еврейских мужчин, женщин, стариков и детей невольно оплатили независимость России, свободу Европы, величие Америки и спасли человечество от кошмара Всемирной зоны. Возможно, в этом смысле человечество в неоплатном долгу перед евреями.

Было бы хорошо, если бы мир в какой-то мере осознал моральное значение Катастрофы. Пока на это не очень похоже. Правда, Бог (или судьба?) в благодарность за искупительную жертву и поразительное мужество подарил евреям Израиль.

В Иерусалиме вышла в свет новая книга стихов

ГЕННАДИЯ БЕЗЗУБОВА

„СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ”

Цена книги в Израиле – 20 шекелей,
в других странах – 8 долларов США
(не считая пересылки)

Желающие приобрести книгу могут обратиться к автору.

Телефон: 02-6235185

Адрес: Gennady Bezzubov, Hedekel 2/15, Jerusalem 94324

Состязание диктаторов в просчетах и ошибках

Война всегда связана с той или иной степенью риска, с неопределенностью. Даже если силы противника достоверно известны, остается еще трудно предсказуемый человеческий фактор, поскольку война - это не просто столкновение боевых формирований, но также и человеческих существ, с их ментальностью, интеллектом, естественным страхом за жизнь. Война - это и состязание генералов и офицеров, обязанных принимать решения в стрессовых условиях боя, так что даже у высокого уровня профессионалов возможны ошибки. Вероятность ошибок увеличивается, когда руководство войной осуществляют не профессиональные военные, а самоуверенные деспоты. Яркий пример тому - немецкое вторжение в Россию в 1941-м.

Уничтожив в 1941-м году значительную часть советской армии и захватив обширные территории немцы, скорее всего, имели шансы на победу. Но шансы эти они, как известно, не реализовали. По мнению многих виновен был в этом Гитлер, навязавший своим генералам собственный план военных действий. А как же немцам удалось добиться столь больших успехов в 1941-м? Действительно ли они намного превосходили русских и действовали наверняка (вот только Гитлер помешал)? Отнюдь нет, советская армия объективно была достаточно сильна, чтобы противостоять немцам. Немцы, правда, этого не знали, планируя свое нападение на Союз. Но не знали они и другого: что военными действиями советской армии руководить будет лично Сталин, который будет делать ошибку за ошибкой и доведет свою армию почти до полного поражения, избежать которого ему удастся, во многом благодаря ошибкам Гитлера.

Об ошибках Гитлера и Сталина в мировой литературе написано немало. Но когда говорят об ошибках Сталина, то не совсем понятно, почему победителем в конце концов оказался все же он, а не Гитлер. Точно также, как концентрируясь на ошибках Гитлера нельзя объяснить его успехи в начале войны.

Цель этой статьи рассмотреть ошибки обоих диктаторов не изолированно, а в их взаимном влиянии на ход событий. Это странное состязание ошибок двух диктаторов, граничащее подчас с настоящей "игрой в поддавки", и определило в значительной степени судьбу второй мировой войны.

I. Дилемма Гитлера, лето 1940 года

Намерения Гитлера, его политические и военные планы хорошо известны. Общие политические цели он изложил в своем "Майн кампф", а что касается путей их осуществления, то в них был посвящен широкий круг генералов, политических деятелей, государственных чиновников. После поражения Германии, потеряв власть и на какое-то время личную свободу, эти люди приобрели свободу говорить. И они много интересного рассказали о своем фюрере и его окружении.

Для Гитлера война против Советского Союза была естественным следствием его идеи "жизненного пространства" и гегемонии в Европе, идеи, которой он был фанатично предан. Единственно, что требуется объяснить, - почему он решил это сделать именно в 1941 году. Насколько обосновано было это решение с военной точки зрения? Прежде всего напомним события, предшествовавшие решению Гитлера о вторжении в Россию. Имея в своем распоряжении такую высокоразвитую страну как Германия, Гитлер в короткий срок создал мобильную современную армию, возглавляемую талантливыми генералами. Эта армия легко справилась со слабой Польшей в сентябре 1939-го года и с совсем не слабой франко-британской коалицией в мае-июне 1940-го года. А что дальше? Шахматная ситуация. Два хода были хорошо продуманы и реализованы. А третий? Англия? Гитлер очень надеялся, что без своего главного союзника, Франции, Англия продолжать войну не будет. Английский премьер Черчилль, однако, предложения Гитлера о мире категорически отверг. Определив этим, казалось, третий шаг стратегии Гитлера - высадку в Англии. Но к этой военной операции немецкая армия была меньше всего готова. Немецкий военный флот был намного слабее английского, а десантного

флота к моменту победы над Францией у Германии вообще не было. Хотя немцы и имели сильную авиацию, превосходства в воздухе им еще следовало добиться.

Проблема предстоящих военных операций обсуждалась на совещании у Гитлера вскоре после победы над Францией, 21 июля 1940 года. Именно на этом совещании Гитлер сообщил генералам о решении уничтожить Россию. Только уничтожив Россию, полагал Гитлер, Германия сможет стать хозяином Европы. Что же касается высадки в Англии, то ее желательно осуществить до войны с Советским Союзом, но при выполнении ряда требований обеспечивающих успех. В отношении нападения на Союз никаких условий не ставилось - атаковать непременно и не позднее весны 1941-го года. Обсуждалась на этом совещании и другая альтернатива - нанести удар по Союзу этой же осенью, отложив высадку в Англии до следующего года. Руководители армии маршал фон Браухич и генерал Гальдер проявили на том совещании чрезмерный оптимизм, заявив, что они в состоянии выполнить любую из предложенных операций. Надо отдать должное Гитлеру, который отнесся к этому заявлению скептически и попросил генералов Кейтеля и Йодля дать заключение в отношении готовности Германии к войне с Союзом. Заключение генералов было однозначно - военная операция против Союза осенью 1940 года невозможна.

На следующем заседании у Гитлера, 31 июля, большинство присутствовавших генералов все же высказали свои опасения по поводу перспективы войны на два фронта и предложили отложить войну с Союзом до победы над Англией. Гитлер возразил, и справедливо, что Англия никаких активных действий предпринять не в состоянии и поэтому реальной опасности не представляет. К тому же после разгрома Союза значительно проще будет справиться и с Англией. В конце концов было принято компромиссное решение: немедленно начать подготовку к высадке в Англии (операция "Морской Лев"), одновременно готовясь к войне на Востоке. Предложение командующего флотом адмирала Рейдера отложить операцию "Морской Лев"

до весны 1941-го было Гитлером отвергнуто. Весна 1941 года зарезервирована для нападения на Союз.

Для осуществления операции "Морской Лев" следовало в первую очередь подавить английскую авиацию, и в начале августа началась воздушная битва над Англией. Но нанести поражение англичанам немцы не смогли. В частности из-за того, что в критический момент, когда английская авиация была уже на грани полного истощения, немцы, по распоряжению Гитлера, прекратили атаки английских аэродромов и переключились на бомбежки Лондона. Для разгрома английской армии немцам требовалось примерно 40 дивизий, но обеспечить транспортировку они могли только для 13 дивизий. Не имея десантных средств, а также боевых самолетов и кораблей для их прикрытия, немецкое руководство на операцию "Морской Лев" не решилось и в середине сентября прекратило подготовку.

Теперь все внимание было сосредоточено на подготовке войны с Союзом. В декабре был принят стратегический план, получивший название плана "Барбаросса".

2. Война на авось

План "Барбаросса" ставил перед немецким командованием задачу полного разгрома советской армии в летние месяцы 1941 года с последующим выходом на линию Архангельск-Волга-Кавказ. Предполагалось, что военные действия на этом закончатся. Уверенность в быстрой победе (блицкриг) основывалась у немецких генералов в первую очередь на том, что под их командованием была первоклассная современная армия, продемонстрировавшая свою высокую боеспособность в Польше, Норвегии, Франции. Используя стратегию глубоких прорывов, осуществляемую мобильными танковыми соединениями, они рассчитывали уничтожить основную часть советской регулярной армии в течении первых недель войны. Единственно, чего они опасались: что советские войска сумеют быстро отойти на новые рубежи обороны, избежав этим полного разгрома. Успеху операции должна была способствовать и внезапность нападения. Немцы надеялись, что русские узнают о готовящем-

ся вторжении не ранее чем за несколько дней (последние четыре дня перед вторжением войскам разрешалось передвигаться к рубежам наступления без маскировки).

Противостоящая немцам советская армия оценивалась руководством Германии весьма низко. Гитлер даже сказал как-то своим генералам, что победить Россию будет легче чем Францию. То что советская армия качественно уступает немецкой, было очевидно. О слабости советской армии говорили общеизвестные факты. Во-первых, в 1937-1938 годах был почти полностью уничтожен командный состав советской армии. Были репрессированы и многие командиры среднего и даже низшего звена. История не знает войн, в которых какой-то из сторон удалось бы нанести подобные потери офицерскому составу армии противника. Но то, что никому еще не удавалось сделать с армией противника, Сталин сделал с собственной армией. Образовавшийся в результате репрессий вакуум был заполнен малообразованными и, как правило, малоспособными командирами. Естественно, что с такими командирами армия не могла обладать но даже нормальной боеспособностью. Что и было продемонстрировано всему миру зимой 1939-1940 года. В ту зиму армии СССР с большим трудом удалось преодолеть сопротивление маленькой Финляндии с населением 4 млн. человек. Военные действия велись в "лучших традициях" Первой мировой войны - массированными атаками с крайне неумелым использованием современной боевой техники. За три с половиной месяца войны советская армия потеряла 175-200 тыс. убитыми, в то время как финны только 23 тыс. И когда летом 1940 года в Берлине решался вопрос о вторжении в Союз, финская война фигурировала как важный довод в пользу осуществимости этой операции.

Итак, немцы действительно могли не сомневаться в низком качестве советской армии. Но чтобы оценить боеспособность противостоящей армии, желательно знать также, хотя бы примерно, ее численность, количество танков, самолетов, пушек и т. п. Отправляясь на войну, не мешало бы знать и мобилизационный потенциал противника, мощность его военной про-

мышленности, уровень новых образцов оружия и многое другое. На самом деле, готовясь к войне, немцы знали о своем великом соседе до смешного мало. Они знали только о численности и расположении советских войск в приграничной зоне, порядка 300 км. в глубину. Знали они это благодаря аэро съемкам и агентам, действующим на недавно приобретенных советских территориях (бывшая Польша и Прибалтика). О положении внутри Союза они не знали почти ничего. Истерия шпиономании дала один положительный результат - немцам так и не удалось создать в Союзе эффективную шпионскую сеть. Руководитель разведки СС в годы войны Шеленберг пишет в своих воспоминаниях только об одной шпионской организации, во главе которой стоял немецкий еврей(!). Действовала ли эта организация перед войной, неясно. Чтобы оценить степень неосведомленности немцев, достаточно упомянуть, что они не знали даже, какие из железных дорог в Союзе однокольные, а какие двухколейные, и поэтому не могли оценить сроки переброски советских резервов к фронту. Не знало немецкое командование и о массивном строительстве военных заводов в восточных областях Союза, и поэтому исходило из неверного предположения, что подавляющая часть советских вооружений производится в Московско-Ленинградском районе и на Украине.

Одним из самых широко известных просчетов немецкого командования была недооценка советской танковой мощи. На этом стоит остановиться подробнее. При разработке военных планов немцы не рассматривали советские танки как серьезное препятствие в осуществлении блицкрига. Считалось, что танки эти устаревших конструкций, да и оценки их численности были сильно занижены. А когда немецкой разведке как-то попали цифры производства танков на одном советском заводе, в генеральном штабе эти данные отвергли как фантастически преувеличенные. Любопытный случай, описанный как Шеленбергом, так и генералом Гудерианом, произошел весной 1941 года во время дружеского визита советской военной делегации. Гитлер почему-то распорядился показать этой делегации танк

последней конструкции. Увидев его советские военные возмутились, заявив, что их обманывают, так как это не самый современный немецкий танк. Гудериан сделал отсюда правильный вывод, что у русских есть более совершенные танки. Когда после войны у немецких генералов спрашивали об их впечатлениях о советской армии, то почти все они заявили, что самым большим для них сюрпризом были советские танки. Известно высказывание Гитлера, сделанное им уже во время войны, что если бы он знал, как много у русских танков, он бы эту войну не начал.

Советской пропаганде удалось создать миф о танковой лавине, обрушившейся на русских в 1941 году. В действительности же танков у немцев было не так уж много, учитывая размеры фронта - 3350 км к моменту вторжения. Все они относились к категории средних танков, из них 1550 были самой совершенной конструкции. Советская сторона имела на западе порядка 15000-20000 танков, хотя только 1780 танков современных конструкций. Тяжелым советским танкам не мог противостоять никакой немецкий танк, а знаменитые Т-34, признанные лучшими танками Второй мировой войны, превосходили по своим боевым качествам и самые совершенные немецкие танки. Основную массу советских бронетанковых войск составляли легкие танки устаревших конструкций Т-26 и БТ-2, пушки которых, однако, могли пробить броню большинства немецких танков. Главное, этих советских танков было очень много. И не случайно после первых нескольких дней боев немецкое командование стало избегать прямых столкновений своих бронетанковых частей с советскими.

В авиации советская армия количественно тоже превосходила немецкую. Всего в западных военных округах накануне войны было 6000 боевых самолетов, из них 1540 последних конструкций. Немцы же имели на востоке 2000 боевых самолетов (примерно столько же им приходилось держать на западе против англичан). В артиллерии советская армия несколько превосходила немецкую, хотя и значительно уступала по коли-

честву минометов. Уступала советская армия и в количестве и качестве автоматического стрелкового оружия.

Таким образом, начиная войну, немцы в целом не имели превосходства в вооружении. Как мы уже отмечали, немецкое политическое и военное руководство, не имея достаточных данных о советской военной мощи, сильно недооценивала ее. Существовал чрезвычайно важный фактор, не принятый во внимание немецким командованием: немецкая армия была полностью отмобилизована задолго до начала военных действий, в то время как советской стороне в случае войны еще предстояло провести всеобщую мобилизацию (ограниченных масштабов призыв резервистов был проведен в Союзе за месяц до войны). И что будет собой представлять советская армия военного времени, какова она может быть по численности, как она будет вооружена, немцы не знали, да по правде говоря, и не очень интересовались. Считалось, что если удастся разгромить регулярную армию, то уж с вновь отмобилизованными частями они справятся тем более. Были и другие важные факторы, не учтенные в планировании войны. Не продумана была проблема снабжения войск. Совершенно не принимались в расчет особенности русского климата, состояние дорог и многое другое. Блестяще продумав тактику разгрома противостоящих им к началу войны советских войск, немецкие генералы явно пренебрегли трудностями, которые их могут ждать на следующем этапе войны. Так генерал Браухич писал в апреле 1941-го: "Ожидаются тяжелые бои; продолжительность до четырех недель, но в дальнейшем - только слабое сопротивление". Что же касается политического руководства, и в первую очередь самого Гитлера, то любая информация, свидетельствующая о силе Союза и его армии, вызывала у него только раздражение и просто отвергалась. Кстати, подобная же реакция была у него и на информацию об Америке. К примеру, представленный нацистскому руководству в начале 1942 года отчет о промышленной и военной мощи США Геринг вернул автору со словами "...чушь, вам следует обратиться к психиатру".

А могли ли немцы выставить против Союза более мощную и лучше вооруженную армию? Несомненно могли, если бы с самого начала рассматривали войну против Союза как войну тотальную, требующую мобилизации всех доступных ресурсов. Для этого нужно было пойти на дальнейшее снижение жизненного уровня, который накануне второй мировой войны уже был заметно ниже, чем в других западных странах. Гитлер постоянно этому противился. В 1941, в разгар войны: немецкая промышленность продолжала производить обычную мирную продукцию, включая, к примеру, косметику, а число домработниц сохранялось на почти довоенном уровне. Слабо использовался в производстве вооружений промышленный потенциал оккупированных стран (исключение составляла Чехословакия). Серьезные меры по реорганизации немецкой промышленности стали проводиться только с конца 1941 года, после провала блицкрига.

Лишь в начале 1943 года, после поражений под Сталинградом и в Северной Африке, была принята концепция тотальной войны (Геббельс настаивал на этом начиная с 1941 года). И это немедленно сказалось на военном производстве, которое в 1943 году начало резко расти. Сравнение тенденций в развитии немецкой и советской военной промышленности хорошо видны на примере производства боевых самолетов (в скобках советское производство): 1940 - 10826 (10565), 1941 - 11424 (15735), 1942 - 15288 (25436), 1943 - 25094 (34845), 1944 - 39250 (40246). Как мы видим, на втором году войны с Союзом, в 1942-м, немцы произвели всего в полтора раза больше самолетов, чем в предыдущем. В тот же период Союз увеличил производство самолетов в два с половиной раза. И это в условиях страшных поражений и потери крупнейших промышленных центров. Немцы стали догонять Союз по производству самолетов только в 1943-1944 годах, но к тому времени им нужно было воевать еще и с Америкой, которая производила в эти годы в три с лишним раза больше самолетов чем немцы. Скачок в производстве вооружений немцы могли бы осуществить и до 1943 года. К счастью, они этого не сделали.

Итак, если принять во внимание реальное соотношение вооруженных сил и военного производства Германии и Союза накануне войны, да еще колоссальные материальные и человеческие ресурсы Союза, не говоря уже о необозримости его территории, то шансы немцев на победу следовало оценивать весьма низко, даже с учетом несравненно более высокого уровня боевой подготовки немецкой армии. В реальной истории, однако, немецкой армии удалось добиться в 1941 году таких больших успехов, что советское государство оказалось на грани катастрофы.

3. Зигзаги в политике Сталина

Намерения Сталина, его политические и военные планы почти неизвестны (за исключением тех, естественно, которые он осуществил). В отличие от болтливой Гитлера Сталин своими идеями не делился даже с ближайшим окружением. Если кто-то из этого окружения и знал что-то и даже писал о тех событиях в воспоминаниях, то делал он это очень осторожно, в рамках официальных советских концепций. Интерпретация действий Сталина затруднена и тем, что они выглядят подчас крайне алогично, и их объяснение приходится искать скорее в сфере психологии, чем политики. Все это дает богатую пищу для всевозможных гипотез и спекуляций.

В цепи событий, предшествовавших нападению Гитлера на Союз, важнейшее место занимает пакт Риббентропа-Молотова. Сталина иногда обвиняют в том, что он разделяет с Гитлером ответственность за развязывание второй мировой войны поскольку именно этот пакт позволил немцам напасть на Польшу. На самом деле подготовка немцев к вторжению в Польшу шла полным ходом еще до 15 августа, начала немецко-советских переговоров. Пакт был подписан в Москве 23 августа, на следующий день после совещания, на котором Гитлер объявил дату вторжения в Польшу. Не следует думать, что Гитлер сделал это, зная, что пакт будет подписан. Исход переговоров не был ясен до самого последнего момента и Гитлер, по сообщению очевидцев, ждал новостей из Москвы в крайнем напря-

жении. Через неделю после подписания пакта и через два дня после подписания секретных протоколов о разделе сфер влияния немцы вторглись в Польшу, а еще через три дня Франция и Англия объявили Германии войну.

Сталин мог предотвратить вторую мировую войну только заключив военный договор с Францией и Англией. Но западные державы вели переговоры с советским правительством несерьезно, да и взаимное недоверие, обоюдно обоснованное, сильно снижало шансы на достижение соглашения. Соображения Сталина в пользу сближения с Германией вполне понятны. К августу 1939-го Союз оказался в трудной военно-политической ситуации, поскольку на Востоке казалась вполне реальной угроза военного столкновения с Японией, а на Западе ожидаемое нападение Германии на Польшу должно было привести к появлению общей границы с Германией. Это означало увеличение риска войны, а к большой войне Союз еще не был готов, особенно если пришлось бы противостоять Германии один на один. Вступление в войну Франции и Англии тогда не представлялось очевидным. Пакт же с Германией обеспечивал, хотя бы на какое-то время, безопасность западных границ. Сталина также подогревала возможность расширения его империи, на что западные союзники никогда бы не согласились.

Последовавшее за подписанием пакта развитие событий только подтверждало правильность политики Сталина. Вступление в войну Франции и Англии резко усилило заинтересованность немцев в сохранении мира на Востоке. Сталин, как и многие другие тогда, полагал, что война на Западе продлится годы, как это было в первую мировую войну. За эти годы обе воюющие стороны, измотают друг друга, в то время как Союз будет укреплять свою экономику и военную мощь. А там будет видно.

Первый удар по надеждам Сталина нанесла развязаная им самим финская война. Парадокс истории - но финны, мужественно сопротивляясь русским, спасли не только себя, но и своего противника. Только благодаря этому сопротивлению, помешавшему Союзу одержать легкую и быструю победу, стало

ясно насколько безобразно слаба советская армия. Уроки финской войны Сталин воспринял моментально и сразу же занялся модернизацией своей армии. Если бы финны не развеяли иллюзию о мощи советской армии, ее модернизация началась бы позже, и тогда советская армия оказалась бы значительно хуже подготовленной летом 1941-го года к большой войне и скорее всего потерпела бы полное поражение.

Через несколько месяцев после окончания финской войны произошло событие, совершенно изменившее военно-политическую ситуацию в Европе - немецкий блицкриг на Западе и поражение Франции. Для Кремля разгром Франции был настоящим шоком. Все расчеты на длительную войну на Западе рухнули. К тому же немцы еще раз продемонстрировали, на что способна их армия. И с этой армией СССР предстояло сразиться в ближайшем будущем.

Ответом Сталина на изменившуюся ситуацию было резкое усиление мер по повышению уровня боевой подготовки армии и обеспечению ее современным вооружением. Заметно повысить уровень боевой подготовки так и не удалось, поскольку боевой подготовкой, как известно, должны заниматься офицеры. А офицерский состав советской армии был в основной своей массе малограмотен (к началу 1941 года только 7% офицеров имели высшее образование) и совершенно не способен овладеть современными методами боевых действий. Тот страшный удар, который Сталин нанес своей собственной армии, предопределил ее низкую боеспособность на годы вперед.

Усилия по увеличению советского военного арсенала и улучшению его качества принесли плоды. Разработка современных видов оружия, строительство новых военных заводов (в основном на востоке страны), наращивание производства на уже существующих заводах - все это проходило под непосредственным руководством самого Сталина. Он вникал во все подробности, жал, наказывал, поощрял, где-то мешал, где-то помогал. Но в результате, как мы знаем, советская военная промышленность действительно сделала колоссальный скачок в этот последний предвоенный год. Были предприняты и органи-

зационные меры направленные на подготовку страны к грядущей войне. Тот факт, что Сталин усиленно готовился к войне, преподносится во многих русскоязычных публикациях как доказательство его агрессивности, как еще одно обвинение в его адрес. Сталин несомненно был агрессивен, но не его политика усиления военной мощи служит тому доказательством. Поскольку в той опаснейшей ситуации даже самый миролюбивый лидер обязан был готовить Россию к войне.

В сфере политической после поражения Франции внешне мало что изменилось. Продолжалась дружба с Германией и поставки ей стратегического сырья (в обмен на станки и немецкую боевую технику). В то же время, впервые после заключения пакта, Сталин позволил себе внешнеполитические меры, противоречащие интересам Германии. Пока во Франции еще шли бои, он снова расширил свою территорию, оккупировав прибалтийские страны. Хотя эти страны и входили в советскую сферу влияния, согласно секретным германо-советским соглашениям, присоединение их к Союзу там не предусматривалось. Следующим шагом была оккупация в конце июня части восточной Румынии (Бессарабии и Буковины). Сделано это было, как и в случае Прибалтики, без согласования с Германией. Особенно напугала немцев экспансия Союза в направлении жизненно важных для них румынских источников нефти. Гитлер даже запросил своих генералов, можно ли будет начать войну с русскими немедленно, если те попытаются захватить румынскую нефть.

Следующим событием, продемонстрировавшим стремление Сталина вести себя независимо от Германии, стал официальный визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 года. Гитлер и Риббентроп пригласили Молотова в Берлин с единственной целью: направить советские военные усилия против английских сфер влияния в Азии. Ответом Молотова был категорический отказ, что вызвало злобу у Гитлера, привыкшего иметь дело с более уступчивыми политиками. Встречные требования Молотова о дальнейшем усилении советского влияния в Восточной Европе и на Балканах немецкая сторона отклонила. Стараясь

вовлечь Союз в конфликт с Англией, Гитлер несомненно, хотел убить двух зайцев: ущемить интересы Англии и ослабить позиции Союза в преддверии готовящегося на Востоке блицкрига.

После поражения Франции изменилось кое-что и в советской пропаганде. Так осенью 1940 года, в разгар воздушной битвы над Англией, в советской печати появились корреспонденции из Лондона, написанные с явной симпатией к англичанам.

Насколько опасной для Союза была политика Гитлера в Европе, стало особенно ясно весной 1941 года, когда немцы оккупировали Югославию и Грецию, став таким образом полновластными хозяевами всего Балканского полуострова (Болгария к тому времени уже была союзником Германии). Немецкую экспансию на Балканах Союз пытался остановить дипломатическими мерами, но немецкое правительство не сочло нужным даже ответить на советские дипломатические протесты. Союз поторопился заключить с Югославией договор о дружбе и взаимопомощи, но именно в день подписания этого договора немцы вторглись в Югославию.

Если Сталин осознавал неизбежность войны с Германией, в чем вряд ли можно сомневаться, мог ли он сам проявить инициативу и напасть первым? Конечно, мог. Более того, о такой возможности он говорил в своей речи перед выпускниками военной академии в мае 1941 года. В нашумевшей книге Суворова "Ледокол" утверждается, что Сталин собирался напасть на Германию уже 6-го июля 1941 года. А вторжение Гитлера в Союз было, мол, превентивной операцией, чтобы Сталина опередить (одна из глав этой книги называется "Как Гитлер сорвал войну"!). Однако такая интерпретация не согласуется с фактами. Гитлер принял решение о вторжении в Союз еще летом 1940 года, не имея никаких сведений о возможной военной угрозе со стороны Союза (массированная переброска советских войск на запад началась значительно позже, весной 1941-го). Более того, готовя войну на Востоке, Гитлер имел заключение своих экспертов об отсутствии какой-либо опасности русского нападения, по крайней мере до конца 1941 года. Такого же мнения были и немецкие дипломаты в Москве. Хотя Гитлер и

говорил неоднократно своим генералам (к примеру еще в ноябре 1939-го, всего через три месяца после заключения пакта с Союзом) об исходящей от Союза военной опасности, он не обосновывал это никакими конкретными данными (да вряд ли они у него были). Скорее всего он говорил это, чтобы убедить своих генералов в необходимости будущей войны на Востоке. Не нужно забывать, что уничтожение России и завоевание жизненного пространства на Востоке было частью идеологии Гитлера, о чем он заявлял открыто после того как стал канцлером, в частности в одной из своих речей в 1936 году.

Свою произвольную концепцию Суворов преподносит еще и в категориях моральных. Если Сталин первым собирался нарушить германо-советский пакт, то значит он Сталик, а не Гитлер, и несет ответственность за эту войну. Сталин несомненно мог бы нарушить не колеблясь любой договор, если бы счел это выгодным. Но заключенный им с Германией договор он не нарушил. Не потому, что был честнее Гитлера (поди разберись, кто из этих двух суперпреступников был честнее!), а просто потому, что неправильно оценив ситуацию, надеялся выиграть время. Сталин вполне мог планировать нападение на Германию, но вряд ли в 1941 году, когда производство новых видов вооружений у него только налаживалось. А если представить себе, что Сталин рискнул бы напасть на Германию в 1941-м, то жертвой этой агрессии стала бы его собственная армия, которая, как показали события первых месяцев войны, к активным боевым действиям еще была совершенно не готова.

В книге "Ледокол" приводится множество фактов, вроде бы подтверждающих тезу автора о готовящемся нападении Сталина на Германию. Большинство этих фактов сильно искажены. Однако один приводимый в книге факт, общеизвестный, кстати, действительно очень важен для интерпретации намерений Сталина. Это массированная переброска советских войск к западной границе в первой половине 1941 года.

Массированную переброску войск на запад легко объяснить как меру оборонительную. Для отражения немецкого удара предназначалась и оборонительная линия, спешно строившаяся

вдоль новой границы. Но если Сталин опасался немецкого нападения, то почему он отказывался что-либо предпринимать в дни, предшествовавшие вторжению, когда многочисленные сведения о неизбежности этого вторжения уже поступали со всех сторон? Почему расположение советских войск не было оборонительным (трудно было назвать его и наступательным)? Почему военные аэродромы строились вблизи границ, что оправдано только в случае наступления? Если допустить, что Сталин действительно собирался сам напасть на Германию в июле 1941-го, почему в мае он отклонил предложение Жукова о нанесении превентивного удара по немцам, а за несколько дней до войны обрушился на Тимошенко и Жукова за то, что те якобы хотят втянуть его в войну? Почему утром 22 июня, когда уже шли бои, он издал свой идиотский приказ о немедленном изгнании немецких войск, но категорически запретив пересекать государственную границу? Только к концу первого дня боев был снят запрет на пересечение границы (как будто это могло быть тогда осуществимо!)

Уложить в логическую схему все противоречия политики Сталина того периода практически невозможно. Многое, по видимому, делалось просто, что называется, по глупости. Не потому, что стоящий во главе страны диктатор был глуп. Совсем наоборот, это был несомненно очень умный человек. Но все мало мальски серьезные дела в стране решались только им, человеком упрямым и самоуверенным, нагнавшим к тому же такой страх на окружающих, что те не то что возражать, а даже высказывать свое мнение опасались.

В обнаруженных недавно стратегических планах советской армии предусматриваются наступательные операции против немецких войск. Из этого иногда делается вывод, что Сталин готовил нападение на Германию в 1941-м году. На самом же деле наличие подобных планов еще ни о чем не свидетельствует, поскольку стратегическое планирование должно предусматривать этап наступления, в частности и в том случае, когда войну начинает другая сторона. Чисто оборонительная война - это война на собственное поражение. Пример тому - судьба

Франции в 1940-м (у французов были, естественно, планы наступательных операций, но политики не захотели их задействовать).

Одно из известных объяснений нерационального расположения советских войск заключается в том, что в случае немецкого нападения советская армия должна была немедленно перейти в контрнаступление и разгромить врага. Такая стратегия, соответствующая принципу "ни пяди родной земли", демонстрировала полное непонимание сущности стратегии немецкого блицкрига. Что советское командование так и не сумело учесть опыт немецких побед в Польше и Франции, свидетельствуют военные планы Генерального штаба, в которых полномасштабные боевые действия Советской Армии предполагались только через 10-25 дней после начала войны.

Мы предлагаем здесь другое возможное объяснение советской стратегии накануне войны. Оно основано на уверенности Сталина в том, что Гитлер не повторит главную ошибку Германии 1914-го года и не пойдет на войну на два фронта, и на Западе и на Востоке. Концентрация немецких войск на Востоке еще не означала определенно, по крайней мере до мая 1941-го, что эти войска предназначены для вторжения в Союз. Так, английская разведка только в конце апреля пришла к выводу о неизбежности немецкого вторжения. И если Сталин полагал тогда немецкую агрессию маловероятной, то такая точка зрения не была совсем неразумной (по крайней мере, до мая). Если принять за отправную точку уверенность Сталина в том, что ближайшей задачей Германии является разгром Англии, то противоречия в его политике можно объяснить, хотя бы частично, его намерением дожидаться высадки немцев в Англии и тогда нанести им удар в спину. Отсюда массированная переброска войск на запад, чтобы быть готовым к наступлению в считанные недели после начала боев в Англии. Отсюда демонстрация дружбы с Германией, чтобы немцы не опасались за свою восточную границу и могли начать спокойно столь желаемое Сталиным вторжение в Англию.

Нет прямых данных, подтверждающих предложенную гипотезу. Каковы бы ни были соображения Сталина при разработке им политики в период предшествовавший войне, в одном сомневаться не приходится. Политика эта имела для его страны катастрофические последствия.

4. Роковой 1941 год

Немецкие генералы полагали, что им удастся уничтожить основную массу советских войск уже в первые недели войны. Этой цели должны были способствовать внезапность нападения и благоприятное, с точки зрения нападающих, расположение советских войск. Внезапность, как известно, была полная. И обеспечил ее немцам не кто иной как сам Сталин, благодаря упрямству которого время, данное войскам для подготовки к бою, свелось к нулю. Немцам даже в самом сладком сне не снилась такая возможность. Что касается расположения войск, то и тут Сталин пошел им "навстречу". Ведь это он расположил колоссальные контингенты своих войск вблизи границы, где они оказались в пределах первого немецкого удара на неподготовленных для обороны позициях. Немецкие генералы не сомневались, что они нанесут поражение этим войскам. Не было у них уверенности только в том, смогут ли они предотвратить организованное отступление этих войск. Об этом тоже позаботился Сталин. С самого начала войны он запретил своим генералам отступать при любых обстоятельствах.

Оправившись от шока катастрофических поражений, преодолев растерянность первых дней войны, Сталин быстро взял дело управления войсками в свои руки. Не имея никакого военного образования кроме ограниченного опыта боевых действий в гражданской войне, он взял на себя смелость лично руководить военными операциями, подменяя обязанности начальника генерального штаба. Он сам решал, чаще всего ни с кем не советуясь, повседневные тактические задачи ведения войны, он сам перемещал армии, а часто и отдельные дивизии, он сам выделял посылаемые на фронт подкрепления. Обладая феноменальной памятью, Сталин прекрасно ориентировался в располо-

жении войск и в состоянии резервов. Резервами он распоряжался единолично, скрывая данные о них даже от самых высокопоставленных генералов. Конечно, Сталин не был бы Сталиным, если бы не расстрелял в начале войны несколько незадачливых генералов, хотя, видимо, сумел себя как-то сдержать, если ограничился только несколькими.

Первые год-полтора Сталин управлял своими войсками безграмотно и бездарно. Однако со временем он набрался опыта и где-то к концу 1942-го года его можно было рассматривать как сравнительно грамотного военачальника. Но в то страшное лето 1941-го года действия Сталина были сплошной цепью ошибок. Своих генералов, людей тоже не слишком квалифицированных, он заставлял наступать там, где не было достаточных сил и для обороны, и продолжать обороняться там, где угроза окружения и полного разгрома была очевидна. Главный принцип тактики Сталина - с жертвами не считаться, - красной нитью прошел через всю войну.

Говоря о роли Сталина в тот роковой 1941-й, будем к нему справедливы: не все, что он делал было ошибочно. В частности, он быстро осознал смысл происходящего и сформулировал это своему народу в знаменитой речи от 3 июля. Любят цитировать из этой речи его неожиданное обращение "Братья и сестры". Но он также сказал тогда, что война будет тяжелой и продолжительной. В той же речи он объявил о политике эвакуации населения и промышленности на восток. А ведь до его речи 3 июля в стране царил полное непонимание ситуации.

Мои собственные воспоминания, пусть и детские, подтверждают это (я жил недалеко от границы). Помню разговоры о том, что вот подойдут с востока войска и немцев прогонят. Помню, как на убегающих в тыл жителей смотрели как на паникеров, достойных презрения. Осуществленная Сталиным политика эвакуации, не имеющая аналогов во всей мировой истории, как по масштабам так и по эффективности, была шагом рискованным, поскольку ее немедленным результатом было резкое падение производства вооружений. Но уже в марте 1942-го

года выпуск военной продукции достиг довоенного уровня, а затем значительно превысил его, обеспечив будущие победы.

Советская армия оказалась значительно сильнее, чем немцы предполагали, планируя вторжение. С другой стороны стратегическая ситуация советской армии была резко ухудшена многочисленными ошибками Сталина, которых немцы, естественно, предугадать не могли. Оба эти фактора как-то скомпенсировали друг друга, так что свое наступление немцам удалось провести более-менее в соответствии с планом. Уже в первые 3-4 дня немцы уничтожили почти всю советскую авиацию, обеспечив себе полное превосходство в воздухе. Севернее Припятских болот к 9 июля, за 18 дней боев, немцы продвинулись на 440-480 км., окружив и уничтожив большую часть противостоящих им дивизий. Только под Минском и Белостоком в плен попало 330.000 солдат и офицеров, и было захвачено более 3300 танков. Окруженные войска, надо отдать им должное, сдавались только после упорного сопротивления, задерживая продвижение вперед немецких пехотных дивизий. Южнее Припятских болот успехи немцев были скромнее, и только на Киевском направлении им удалось заметно продвинуться, до 330 км. На северном (финском) фронте финны и немцы хотя и потеснили советские войска, но Мурманск им так и не удалось захватить.

Несмотря на то, что наступление не всюду шло в соответствии с планом, результатами первых 2-3 недель боев немецкие генералы могли быть довольны. На главных направлениях основные силы советских войск были уничтожены и ничто, казалось, не могло помешать продвижению в направлении Москвы и Ленинграда. Уверенность Гитлера в близкой победе была столь велика, что 14 июля он даже поторопился издать приказ о мерах по сокращению армии и производства некоторых видов вооружений.

Советскому руководству, однако, в кратчайший срок удалось задействовать мобилизационный потенциал. Вновь сформированные дивизии были, как правило, плохо обучены; в них не хватало офицеров, но имеющиеся арсеналы оказались доста-

точно богаты, чтобы снабдить эти дивизии вооружением, в том числе и танками. Это не исключало, конечно, случаев, когда из-за общей неразберихи и спешки па фронт отправлялись дивизии, недоукомплектованные даже стрелковым оружием. Новые дивизии высокой боеспособностью не отличались, но их было много. Один немецкий генерал как-то заметил, что уничтожив противостоящие им 200 дивизий, немцы с удивлением обнаружили перед собой еще 300 дивизий. При мало-мальски разумном использовании эти вновь сформированные армейские подразделения могли бы приостановить немецкое продвижение на восток. Но о разумном использовании войск не могло быть и речи. Наспех собранные соединения, чаще всего на уровне отдельных армий, бросались Сталиным в непродуманные и безнадежные контратаки, почти всегда заканчивавшиеся разгромом. При всей их малоэффективности эти непрерывные контратаки все же затрудняли продвижение немцев, заставляя их подтягивать резервы, тратить боеприпасы и горючее, подвоз которых представлял для них все более трудную проблему. Особенно тяжелые бои, продолжавшиеся около месяца, завязались под Смоленском. В этих боях советские войска вновь понесли большие потери, включая около 400.000 пленных, но немецкое наступление было приостановлено. На пути к Ленинграду немцам тоже пришлось преодолеть сильное сопротивление, так что к городу они подошли только 17 сентября. На Украине им удалось разгромить большую группу советских войск и выйти к Днепру в августе.

Одним из важнейших факторов, ограничивающих темпы немецкого наступления, было состояние дорог. Совершенно пренебрегая их строительством в предыдущие годы, Сталин, можно сказать, спас свою страну. Большинство дорог не годились для автотранспорта, особенно в дождливую погоду. А именно в начале июля прошли дожди. Снабжение немецких войск осуществлялось в основном французскими грузовиками самых разных марок, сконструированными, естественно, не для русских дорог. На этих дорогах грузовики быстро выходили из строя, а их починка затруднялась разнообразием марок машин.

Как заметил один немецкий офицер, единственным унифицированным транспортом немецкой армии стала русская телега.

Итак, несмотря на беспрецедентные по масштабам победы, несмотря на колоссальные потери, нанесенные противнику за первые два месяца боев, немецкая армия в августе оказалась в довольно сложной ситуации. Немецкому командованию стало ясно, что советская армия все еще боеспособна, а у них нет достаточных сил, чтобы вести наступление одновременно по всему фронту. Хотя немецкие потери были где-то в 6-8 раз меньше советских, но все же на 26 сентября они составляли более 500.000 убитыми, ранеными и больными. Немецкие потери в танках были невелики, но значительная часть танков вышла из строя в результате поломок и износа, а новые танки и запчасти поступали медленно, поскольку немецкая промышленность не планировала наращивания производства в 1941-м году. К тому же Гитлер формировал одновременно танковые дивизии против англичан в Северной Африке и поэтому очень неохотно "отпускал" танки и запчасти для Восточного фронта. Немецкие танковые соединения в августе-сентябре оказались сильно ослабленными, и только благодаря военному таланту генералов и высокому уровню подготовки офицеров и солдат, они продолжали одерживать победы. Заметно ослабела и немецкая авиация. К августу число действующих боевых самолетов уменьшилось, в основном из-за поломок и износа, более чем вдвое, и составляло порядка 1000 единиц. Когда Гитлер отдал приказ начать массированные бомбардировки Москвы, масштаб этих бомбардировок оказался относительно скромным и не шел ни в какое сравнение с масштабом бомбардировок Лондона за год до того. Не удалось немецкой авиации и парализовать советские железные дороги.

Для немецкого военного руководства уже в начале августа стало ясно, что план "Барбаросса" выполнить в 1941-м году не удастся. В августе и сам Гитлер начал понимать, что ситуация осложняется и надежды на легкую победу и распад советского государства не оправдались. В своем меморандуме от 22 августа вину за это он возложил, понятно, не на себя, а на своих

военных. Единственным разумным решением для него в создавшейся ситуации было сконцентрировать войска на каком-то одном участке, добиться там решающей победы, а затем перейти в наступление на других направлениях.

При обсуждении направления следующего удара военные довольно единодушно настаивали на наступлении на Москву. Их доводы звучали убедительно: потеря такого крупного политического, экономического и транспортного центра как Москва сильно ослабила бы советскую мощь и могла бы привести даже к крушению советской власти. Кроме того, именно в центре были сосредоточены основные советские силы, которые немцы стремились уничтожить как можно скорее. С уничтожением советских войск на южном и северном участках фронта можно было и подождать, так как эти войска не были настолько сильны и мобильны, чтобы помешать немецкому наступлению в центре. Однако Гитлер, а решал в конечном итоге только он, был другого мнения. Он почему-то всегда, еще со времени разработки плана "Барбаросса", сдержанно относился к планам захвата Москвы, отдавая предпочтение другим целям. В своем письме генералу Браухичу от 21 августа 1941-го года он прямо заявил, что захват Москвы до наступления зимы не является главной целью немецкой армии. Будучи человеком суеверным, Гитлер, отказывался направить свои армии на Москву скорее всего не по практическим соображениям. Он боялся повторить судьбу Наполеона (как будто Наполеон выиграл бы войну, если бы остановился, скажем, в районе Бородино!). Как бы там ни было, вопреки мнению своих генералов Гитлер выбрал южный вариант наступления, предусматривавший поворот части войск центральной группировки в направлении Украины. Его доводы: победа на юге обеспечит плацдарм для последующего наступления на нефтяные районы Кавказа, а богатая ресурсами Украина усилит экономический и военный потенциал Германии. (Здесь уместно отметить, что за два года оккупации не было сделано никаких серьезных попыток использовать эти самые украинские ресурсы, а когда министр оккупированных территорий Розенберг предлагал принять меры по развитию экономи-

ки Украины, Гитлер отверг это, сославшись на расовую неполноценность местного населения).

В соответствии с решением Гитлера 25 августа немцы нанесли удар в южном направлении из плацдарма, расположенного западнее Брянска. Позднее, 10 сентября, встречное наступление начали немецкие войска в районе Кременчуга. Еще в начале сентября как Жукову, так и командующему Юго-Западным фронтом Кириленко стало ясно, что единственный выход из создавшейся ситуации - оставить Киев и быстро отвести войска на восток. Но Сталин, в который уж раз, облегчил немцам их задачу, запретив отступление. К 17 сентября гигантская ловушка захлопнулась. В окружении оказалась почти вся южная группировка советских войск, семь армий. К 26 сентября все было кончено. Два южных фронта перестали существовать, в плен попало 665.000 человек, а сколько погибло - никто не считал.

Образовавшуюся на юге брешь советское командование пыталось закрыть наспех собранными резервами. Но, приводившая подчас в отчаяние немецких генералов способность советской стороны выставлять все новые резервы, к концу сентября начала ослабевать. Даже российские человеческие ресурсы имеют свой предел, да и запасов накопленного до войны вооружения оставалось мало. Но и у немцев уже не было достаточных сил продолжать наступление на широком фронте, поэтому все имеющиеся резервы они теперь сконцентрировали на центральном участке фронта для наступления на Москву.

Успех сентябрьской операции на Украине, казалось, подтверждал правильность плана Гитлера. В результате этой операции советская армия значительно ослабла, что облегчало немцам достижение следующей задачи - разгрома центральной группировки советских сил и захвата Москвы. Но выиграв гигантское сражение на юге и нанеся страшный урон советским войскам, немцы заплатили тяжелую цену - они потеряли время. Пока они воевали на юге, с севера приближалась осенняя распутица, а за ней и морозы. Для наступления на Москву немецким генералам было отпущено совсем немного времени.

Наступление на Москву началось 2 октября. Хотя советские войска на центральном участке имели достаточно времени для подготовки обороны, противостоять концентрированному немецкому удару они не смогли. К середине октября войска трех центральных фронтов были почти полностью уничтожены, потеряв пленными 663.000 человек. Объяснить это очередное катастрофическое поражение советской армии можно только одним - крайне низким уровнем командования. Достаточно напомнить, что одним из разгромленных фронтов командовал такой ограниченный человек как Буденный.

За две-три недели своего наступления немцы продвинулись примерно на 200 км., пройдя две трети пути к Москве. Советское командование не имело больше резервов, чтобы остановить немцев, и падение Москвы казалось неминуемым. Но к концу октября подспела распутица, сделав почти невозможным дальнейшее продвижение. Только 17 ноября, когда первые слабые морозы улучшили состояние дорог, немцы предприняли еще одну попытку. Однако вскоре слабые морозы сменились сильными, к которым немецкая армия была абсолютно не готова (из-за трудностей с транспортом, главным образом). Отчаянное сопротивление вновь подброшенных резервов при "поддержке" суровой зимы окончательно остановило немецкое продвижение. А в декабре советские войска перешли в контр-наступление, разгромив немецкую группировку под Москвой. Судьба войны была решена. Хотя немцев впереди ожидало еще много военных успехов, шансов на победу у них уже не было. На то было несколько причин, но главные из них - резкий рост советского военного производства в 1942-м году (отчасти благодаря щедрой помощи Америки и Англии) и появление у немцев нового противника - Америки, которой Гитлер в декабре 1941-го года объявил войну.

5. Мог ли Гитлер победить?

Гитлер возможно и мог победить Советский Союз, но только благодаря ошибкам Сталина. При условии, конечно, что сам он не сделал бы ошибок, способствовавших его поражению.

Главной ошибкой Гитлера, несомненно, была развязанная им в 1939-м году Вторая мировая война. Хотя в этом, скорее, следует винить весь немецкий народ, избравший своим лидером агрессивного фанатика, открыто провозгласившего своей целью немецкую гегемонию в Европе. В действительности Гитлер в 1939-м к войне готов не был. Но успех поначалу ему сопутствовал, отчасти из-за ошибок его противников. Успехи вселили в Гитлера, да и в его народ, уверенность в почти неограниченном могуществе нацистской Германии. Если цивилизованные западные государства не смогли противостоять немецкому натиску, то что уж говорить об отсталой России!

Широко распространено мнение, что Гитлеру вообще не следовало нападать на Союз, что это и было его самой большой ошибкой. На самом деле, развязав мировую войну, Гитлер не мог избежать войны с Союзом. Но к этой войне он как следует не подготовился. Презирая русских, как низшую расу, он был уверен в легкой победе и на разгром Союза направил не намного более сильную армию, чем за год до того против Франции. Гитлер надеялся, что советская власть начнет разваливаться в результате военных поражений. Накануне войны он сказал генералу Рушштедту: "Стоит только стукнуть в дверь - и вся прогнившая структура рухнет". Однако фактически Гитлер сам помог советской власти удержаться. Проводившаяся по его указаниям политика репрессий по отношению к военнопленным и населению на оккупированных территориях, его нежелание поступиться хоть чем-то для привлечения этого населения на свою сторону (даже ненавистные колхозы не распустил!), несомненно способствовали стабилизации советского строя.

Критическим для Союза мог оказаться в 1941-м году удар японцев с востока. Но, готовясь к войне с Союзом, Гитлер не пытался привлечь к этой войне Японию. Он даже не предупредил ее о готовящемся вторжении, хотя она и была союзником Германии. Гитлера вполне устраивало, что Япония отвлечет на себя Америку. Однако в действительности нападение японцев на Америку имело обратный эффект. Оно привело к быстрому

росту американской военной мощи, которой вскоре хватило для успешной борьбы и прѣтив Японии, и против Германии.

Гитлер нес ответственность не только за глобальные военно-политические решения. Он, как и Сталин, не позволял своим генералам самостоятельно руководить военными операциями. Вмешиваясь в управление войсками, Гитлер чаще всего мешал, хотя, в отличие от Сталина, имел некоторый опыт современной войны и иногда способствовал принятию технически обоснованных решений. По сравнению со Сталиным у Гитлера было и другое преимущество - он был ленив и не утруждал себя тактическими деталями, оставляя их на усмотрение генералов.

Среди многочисленных военных решений Гитлера самым судьбоносным для него оказалось принятое им в августе 1941-го решение нанести главный удар на юге, а не в центре. Как утверждали после войны почти все немецкие генералы, именно этим решением Гитлер помешал своей армии одержать победу. Не будем гадать, могла ли немецкая армия действительно победить Советский Союз, начав наступление на Москву где-то в первых числах сентября. Не приходится сомневаться только в том, что немцы в этом случае уничтожили бы центральную группировку советских войск и заняли бы Москву.

Если случилось бы худшее и Гитлер действительно разгромил бы Союз, захват Северной Африки, Ближнего Востока, а может быть, и Англии, был бы только вопросом времени. Так что авантюристическая агрессивность Гитлера могла привести, как это ни страшно себе представить, к полной гегемонии нацистской Германии (вместе с Японией) во всем восточном полушарии. Но и при таком развитии событий Германия и Япония все равно потерпели бы скорее всего поражение где-то в конце 1945-го или начале 1946-го года. И произошло бы это не под ударами американской армии (она была слишком слаба) и не благодаря отчаянной борьбе покоренных народов (многие ли из них действительно боролись?), а в результате создания в Америке нового вида оружия - атомной бомбы.

Сергей Черепанов

ЗОЛОТОЙ РОГ

Что за прелесть эти народные песни!

Третий вечер подряд мы заливаемся как соловьи в ресторане, точнее, Юра поет - у него прекрасный голос, - а я подпеваю, и турки, и армяне, и румыны, и албанцы, и болгары - короче, все участники балдеют, хлопают от души и просят еще и еще!

До сих пор мне нравились только некоторые - "Ой, мороз, мороз" или "Ридна маты моя", а к большинству я относился - как бы это выразиться - пренебрежительно; то есть сидит жлобятник, глаза залили, и на три ноты - гупа-цюця-гупа-па, гупа-цюця-гупа-па - трясут цицьками и втаптывают в грязь достижения мировой цивилизации, а заодно и городскую интеллигенцию.

Но Юра - у него поставленный голос и три песенника - Юра зачинал, и так чисто, бережно вел мелодию, что нельзя было не включиться, и пропадал страх не вытянуть, и открывалось дыхание, ибо такую красоту нельзя петь зажато, а надо забыть обо всем, забыться и вложить сюда всю свою сентиментальную душу.

Ах, хорошо! После какого-то часа, не более, лицо обретает новое, незахлопотанное выражение, глаза вылупливаются, как птенцы, и тянет на волю, на просторы полей или гор, чтобы увидеть мир целиком и вдохнуть разом.

На четвертый день мы не выдержали и побежали к морю, к Золотому Рогу, заливу - сердцевине Стамбула, его чреву, натуре, уму, чести и совести.

Мы скатились, мы слетели, как на скоростном лифте и, вырвавшись навстречу босфорскому бризу, мгновенно зажали носы.

Халич - по-турецки - Золотой Рог - действительно пахнет редькой.

Венецианский, слегка солоноватый его запах напоминает досужему путешественнику, что именно сюда, в живописный залив, стекает немалая часть древнего многомиллионного города.

Идущий вдоль набережной способен наблюдать стайки полиэтиленовых бутылок и обесцвеченных резиновых мячей, покрытых сальным сероватым налетом. Меж ними, соревнуясь, плывут фекалии. Пропитанные продуктами переработки нефти, они то появляются подле, то уходят под воду, в канализационную немоту Золотого Рога.

Рыбаков не видать. Или рыба не та. Или не слишком приятно сматывать удочку, где и леска, и грузило, и задохшийся от этого червяк истекают густой отвратительной липью.

Несмотря на запах, жизнь у берега бьет ключом.

На куцей полоске травы меж бетонной набережной и гремющей автострадой расположились семьи, пришедшие на уикенд.

Мужчины возьматься с жаровнями и тут же мастерят ароматные шашлыки и готовят душистый чай; женщины в длиннополой одежде, повязанные глухими платками, нарезают огурцы, и помидоры, и зелень, и накрывают на турецких коврах; дети носятся в футбол и лапту; и только маленькие собачки стоят, поскуливая, привязанные к чахлым деревцам, чтобы не дай Бог не заиграться и не упасть в воду, после которой легче удавить, нежели отмыть и очистить от дерьма.

- Знаете, сэр, - окликает нас один из многочисленных юных торговцев, - я не могу его продать вам. Простите меня, но это инкрустированное настоящим перламутром судно - последняя память о моей покойной матери.

Она ослепла во время родов. И вот уже более двадцати лет как я ухаживаю за ней и за моей приемной сестренкой Оксаной, которой нужна срочная операция.

Возьмите, сэр! Нет, что вы, денег я не возьму. Мне просто хочется сделать вам подарок.

Ведь вы - с Украины? О! Я люблю украинцев! Моя младшая сестренка - инвалид сердца первой группы - ук-

раинка, Оксана. Я вам говорил. Ее, грудную, кинули в гостинице челноки. С четвертого этажа! А моя мама - она была беременна мной - как раз вышла за молоком и успела вот так (он протягивает ко мне руки) поймать ее, хотя и получила перелом головы, позвоночника в девяти местах, зато девочка (радно восторженно всхлипнул) - только в трех! Вон моя Оксанка, - ласково помахал он. - в инвалидной коляске.

Так что простите. Я не могу взять с вас деньги. Ведь вы, наверное, тоже любите свою покойную маму. А? А живую - тем паче! Ведь мама - как родина - у каждого - одна. Как у нас в народе говорится - мать не жена, гарем не заведешь!

А у вас нет с собой фотографии мамы? Нет? А жены или ребенка? Некоторые носят в портмоне. Ничего такого нет? Есть?! О, дайте, дайте посмотреть! Я покажу вам своих. Вот, видите? Лейла, Зульфия, Зухраб - а вы мне своих. Это Хафиза, Гюльчатай... А где же ваши? Что? Вы носите фотографию собаки?!

Правильно! Собака - это друг! Она не подведет. Овчарка! У-у, хоро-о-шая морда! Глаза такие. Доверчивые. Как у вас, мистер.

Нет! Это подарок. Берите! Оби-и-жусь! Все! Все-е! И вам! И вашей жене, то есть собаке: Все. Пошел. Дружба! Фройншафт! Но пасаран!..

И, улыбаясь, побежал он в сторону девушки в инвалидной коляске, и помахивая нам, пробежал мимо и нырнул в такси, мгновенно мелькнувшее за поворотом.

А мы, с самого начала уверенные, что нас гарантированно обманут, облапошат как последних лохов, кинулись в похудевшие кошельки и вылезли оттуда гадкие, как бы может новорожденные утята, когда-либо окунавшиеся в житейское море Стамбула.

Что за прелесть эти народные песни! Сколько в них неподдельной доброты и искрометного юмора! Как хорошо от полногрудного песенного дыхания, когда души звучат в унисон и фибры звенят и вибрируют, и наполняются свежайшим босфорским бризом! Как эхо подрагивают звезды в ночи и огни, тысячи огней многомиллионного города.

ПИСЬМА К БРЕНДЕ

I

Воспоминания об Америке - так мы впредь и будем называть Северо-Американские Соединенные Штаты - хорошо писать в гамаке, в сосняке, где-нибудь в районе Истхэма на Кэйп-Коде. (Безусловно, кое-что из того, что я буду рассказывать, покажется читателю непонятным. Это ничего. Это, можно сказать, хорошо, поскольку Америка и должна открываться не сразу. Тем более, что географические подробности - какой штат, или дистрикт, или какой там океан, что в сущности меняет? Нью Хэмпшир или Массачусетс? Короче говоря, не приставайте и не дергайте меня, а то позабуду чего-нибудь важное и вообще рассказывать не буду.)

Любопытно, что сосны расположены здесь попарно, как раз на расстоянии вытянутого гамака. Как и многое другое, примеры сознательно приводить не буду, природа здесь-таки подумала о человеке. Хочешь купаться - пожалуйста на выбор: оушн прохладный, бэй теплый, лэйк пресный. Не хочешь купаться - сансет. Не хочешь сансет вечером - санрайс. А кто, скажите мне, утречком, тихохонько, чтобы не разбудить супругу, кроссовки на босу, и туда, на волю, на вольные воды бескрайним отливом, вот баночка соды, вот баночка пива, пустые, а к уху приложишь - и слышишь, и видишь, и чуешь, и бродишь, и дышишь, и душу свою обхвативши руками, в шампанское море нырять пузырьками...

Человеку, отягощенному славянским прошлым и будущим, попадать сюда совершенно безопасно, как для здоровья, так и для психики. Это только поначалу кружится голова в гамаке, в меру провисающем меж двумя 108-этажными небоскребами-близнецами - голова в гамаке, голова в гамаке, провисающем между двумя небоскре...- извините за рифму, туман на реке, где Гудини гулял со свободой в кульке.

Бояться не надо. Адаптация проходит быстро. Мы, как известно, привыкаем ко всему, а к хорошему - в особенности. Этого, Рая, бояться не надо. Это, Раиса, такая страна.

В городе, сделанном из шоколада, есть шоколадного плача степа.

Этого рая бояться не надо. По истечении времени он остается в душе незаметным облачком и не заставляет кричать по ночам. Во всяком случае, никто из вернувшихся с такими симптомами не обращался.

2

- Мы все иммигранты, - подчеркивала Бренда, и сначала я воспринимал это как пэлайт, этакий реверанс в нашу многострадальную сторону. Однако гордость, звучавшая в брендиных словах, заставила задуматься и исследовать это феноменальное явление.

Наш иммигрант проходит 12 последовательных кругов, или, если хотите, стадий, или же этапов - кому как нравится, меня лично всегда бесила эта околонуочно-методическая болтовня - все-таки, скорее, периодов; именно периодов.

1-ый - Он боится не получить работу и стыдится жить, как приживалка.

2-ой - Он имеет работу и стыдится этой новой работы.

3-ий - Он, наконец, имеет престижную работу, но боится, что это временно.

4-ый - Он имеет постоянную престижную работу и стыдится, что променял Родину на кусок хлеба.

5-ый - Он имеет все, но стыдится, что внуки не понимают по-русски.

То есть стыд и страх сопровождают его постоянно, и оба-два отражаются в его глазах, хотя и распределяются зачастую неравномерно. У некоторых левый глаз набрякает, а правый остается практически прежним, у других наоборот - левый сверлит, а правый щурится. У большей же части оба глаза покрываются тоненькой пленочкой, отчего и блестят сверх обычного. Они как бы потеют от сего резонирующего сочетания стыда и страха, и наливаются. Но упаси вас Бог вообразить, что это накопившиеся слезы или затаенная печаль, или драма - о, ну! - это самые обычные глаза иммигранта на первой, второй, третьей, четвертой и пятой стадиях ассимиляции.

С течением времени пленочка утоньшается, глаза усыхают, как соляные озера, и белеют, как тальк, скрипуче и тускло.

Последние 7 этапов находятся за пределами жизни иммигранта, причем 4 из них касаются его детей, а последние 3 - внуков, кои действительно донт андерстенд зис крейзи дьедушка энд хиз стьюпид сториез.

Чего же ты, старый дурак, ехал, если тоскуешь?

Чего тебе здесь не хватает?

Музеи богаче, реки чище и шире, жидом не обзывают, питание, условия - что там говорить?!

Дети покончали колледжи, и никто их не грабит, не режет, две машины, дом - три бедрумз, деньги вложены с умом, прошлым летом ездил на могилу мамы в Крыжополь? Что еще?

Утренняя газета, дневное пиво, вечернее виски, 89 каналов, газонокосильщик приходит, кролик живет в саду по имени Петрик. Почему Петрик? Для чего - Петрик?

Старый дурак.

Как выглядит ангел смерти и куда исчезают надоевшие жены,
убийство премьер-министра при помощи каббалы
и секреты преуспевания бизнеса -

читайте в новой книге

ЯКОВА ШЕХТЕРА

ШАХМАТНЫЕ ПРОДЕЛКИ БИСКВИТНЫХ ЗАЙЦЕВ

«Это - нетривиальная проза...» - считает Дина Рубина.

«... Богом дарованный талант...» - пишет Анатолий Алексин.

«... Шехтер возвращает нас к главному, во имя чего вообще существует истинная литература...» - утверждает

Эфраим Баух.

«Он любит и умеет искать свое слово...» - отмечает

Григорий Канович.

230 страниц, 25 шекелей

Заказы по телефонам: 08-9457588, 050-927768

Рита Гензелева

Литературная диаспора

(о книге В. В. Агеносова "Литература Russkogo зарубежья" Терра – Спорт, М., 1998)

Последнее десятилетие отмечено растущим интересом к литературе русского зарубежья. Продолжается процесс активного научного осмысления объемной сферы русской культуры, до недавнего времени табуированной на исторической родине. В этом процессе участвуют ученые разных стран. Однако история русской зарубежной литературы все еще не создана.

Книга В. В. Агеносова "Литература Russkogo зарубежья" являет собою несомненный шаг в этом направлении. Ведущая концепция этой книги - литература эмиграции как органическая часть русской культуры, как явление единого историко-литературного процесса; русская словесность метрополии и диаспоры - два взаимосвязанных и взаимодействующих потока. Автору удалось показать многообразие и неоднородность русской зарубежной литературы. В книге представлены особенности каждой волны литературной эмиграции, различия между центрами русского рассеяния, расхождения между литературными поколениями одной и той же волны. Общая картина литературной жизни русской эмиграции сочетается с интересом к художественной индивидуальности писателей.

Ученый не обходит и весьма непростую проблему взаимосвязи и взаимовлияния русской литературы и ее зарубежной ветви. Важнейшее проявление такой связи правомерно усматривается в наследовании писателями-эмигрантами традиций русской классики, на которую особенно упорно ориентирова-

лись художники первой волны. Из источников художественных влияний на словесность русской диаспоры не исключена литература советского периода: молодые поэты первой волны использовали опыт В. Маяковского, Б. Пастернака, О. Мандельштама, С. Есенина. как поэты и прозаики третьей волны не обошлись без опыта Б. Пастернака и О. Мандельштама, И. Бабеля и Б. Пильняка, Ю. Олени и А. Платонова. Взаимодействие литературы метрополии и диаспоры видится автору и в обратном процессе, затрудненном отгороженностью советской России от Запада, но тем не менее имевшем место (влияние А. Ремизова на Б. Пильняка и М. Пришвина, В. Ходасевича - на Н. Заболоцкого и В. Инбер).

Существуя в инокультурном окружении, литература русского зарубежья не могла не испытывать мощного влияния соседствующих культур. Хотя рецензируемая книга содержит на этот счет немало удачных наблюдений, проблема взаимодействия русских литературных традиций с традициями зарубежных литератур в творчестве писателей-эмигрантов еще ожидает своего разрешения.

В трудах, посвященных истории русской зарубежной литературы, наиболее "повезло" литературной эмиграции периода 1920-х годов; в меньшей степени - писателям, чей исход пришелся на 70-90-е годы. Практически обойденной оказалась волна эмиграции, порожденная Второй мировой войной. Рецензируемая книга, не претендующая на восполнение всех "белых пятен", тем не менее представляет собою пока единственный обзор литературы русского зарубежья, в котором представлены все ее этапы, включая поэзию и прозу эмигрантов второй волны. Не ограничившись только упоминанием имен "наиболее талантливых и обративших на себя внимание" писателей послевоенной эмиграции, как это сделал Г. Струве в трижды переизданной книге "Русская литература в изгнании", В. Агнесов размышляет над типологическими особенностями литературы второй эмигрантской волны. Наряду с ее общим обзором, читателям предложена характеристика творчества Д. Кленовского, И. Елагина, Н. Моршена, Л. Ржевского и более конс-

пективно - Ю. Иваска, В. Синкевич, В. Маркова, В. Юрасова, С. Максимова, Б. Филиппова, А. Дарова, Б. Ширяева, Н. Нарокова, которые, по мнению исследователя, определили развитие этой литературы.

Существует еще один пласт, доселе не затрагивавшийся российским литературоведением. Речь идет о русскоязычной литературе Израиля. В. Агеносов бегло знакомит читателей с периодическими изданиями на русском языке, кратко представляет группу писателей, прибывших в Израиль в разное время: Александра Верника, Илью Бокштейна, Михаила Генделева, Нину Воронель, Эфраима Бауха, Феликса Канделя, Давида Маркиша, Игоря Губермана, Анатолия Алексина и Дину Рубину. Естественно, в краткий обзор не могли попасть все художники этой весьма многочисленной группы. Хотелось бы, однако, чтобы такой обзор отразил и жанровое многообразие русскоязычной литературы Израиля. Выпадение из него Руфи Зерновой, плодотворно работающей в жанре мемуарно-биографического рассказа; лауреатов премии Союза писателей Израиля по литературе за 1997 год романиста Григория Кановича и писательницы-литературоведа Лидии Яновской; самобытной детской поэтессы Ренаты Мухи, писателя-фантаста Песаха Амнуэля и некоторых других авторов сужает представление о специфике этого литературного слоя. В обзоре русскоязычной литературы Израиля представляется справедливой исходная посылка автора: эта ветвь словесности отличается от русской эмигрантской литературы и заслуживает "особого разговора". Включение материала о литературе Израиля в книгу, рекомендованную в качестве пособия для студентов России, глубоко позитивно. Надеюсь, что автор рецензируемой книги еще вернется к русскоязычной литературе Израиля, позволю себе заметить следующее.

Осмысление специфики русскоязычной литературы Израиля невозможно без связи с проблемой национальной самоидентификации писателей-репатриантов. В отличие от русских литераторов, эмигрировавших из России в США или страны Европы, культурная идентификация писателей-евреев, репат-

ревностно охраняют свою принадлежность к русской нации и ее культуре. Писатели-евреи, воспитанные на русской культуре, впитавшие в себя ее традиции, думающие и пишущие по-русски, репатриировавшись в Израиль и оставаясь культурными русскими, отождествляют себя со страной и народом Израиля. Наблюдения над динамикой национального самосознания этих писателей, над соотношением их национальной и культурной самоидентификации позволит понять специфику русскоязычной литературы Израиля.

Книга В. Агеносова выдержана в едином стиле и легка в чтении. Воссозданные здесь литературные портреты писателей, как широко известных, так и малознакомых, опирающиеся на мемуарную литературу, зримы и выразительны. При этом автор не занижает научную планку: в стремлении постичь творческую индивидуальность каждого художника слова он прибегает к самым современным методам литературоведческого анализа. Главы книги завершает лаконично и умело аннотированный список литературы на русском, английском и немецком языках.

Рекомендованная студентам педагогических вузов и учащимся средних учебных заведений, эта книга выходит за рамки популярного учебного пособия и, несомненно, имеет самостоятельное научное значение.

Ян Зарецкий

Книжка стихов со знакомым именем

Тонкая книжка с черной неприметной обложкой. Еще один поэтический (сколько их ныне издают!) сборник. "Близкая даль" Фредди Зорина.

И только потом всплывает в памяти: Фредди Бен-Натан, радио РЭКА... Не без предубеждения открываю первые страницы - знаем мы этих творческих радиожурналистов, страстных секундантов "гайд-парков", распорядителей "олимовских

барахолок", и певцов клуба "золотого возраста"..."... Лично слышан. Но стоит перевернуть пару страничек, и наткнуться на первое же стихотворение, как прежняя ирония мгновенно исчезает, уступив место совсем иному чувству. Вопреки обычной практике доморощенных критиков, хочу привести эти стихи полностью. Без привычных многоточий, сокращений и выдергиваний лакомых абзацев.

*Не Колизей шатает от коллизий, -
То не приемлет старый мир новаций,
И можно ли, подобно башне в Пизе,
В немом поклоне с веком распрощаться?!
Где нашего столетия приметы? -
В великой правде и в бесстыдной фальши.
Приблизились далекие планеты,
Но люди стали друг от друга дальше.
Искривлены войной меридианы,
Задымлен горизонт и затуманен,
Судьба в вокзалы превратила страны:
Все меньше встреч и больше расставаний.
Но и в лампы подливалось масло,
Во тьме перекликались души, брезжа,
И на ветрах студеньих не угасла
Сквозь время проносимая надежда...
Пусть ошибутся те, что предрекали
Неотвратимость страшного исхода,
Хоть и легко сорваться со спирали
На высоте двухтысячного года!..*

Тот, кому показалось, что перед нами программное стихотворение, а весь сборник насыщен подобным публицистическим накалом, серьезно ошибается. Тем и удивителен последующий переход от страстного трибуна (а подобные стихи часто встречаются в книге, и надо отдать им должное) к тонкому, подчас нарочито сдержанному лирику, понимающему ценность каждого произнесенного слова, и прибегающему к точным, лишенным искусственной изысканности, метафорам.

*Мир в сентябре обрел покой.
Его на небесах приемля,
Бог не спешил осыпать землю,
Как ложе брачное, листвою,
Еще добавив лепестков,
Чьи линии и нежность кожи
На крылья ангелов похожи,
Оберегающих любовь.*

А вот и другое, когда открывается миг осмысления, некий момент истины, свойственный скорее мудрецу, нежели поэту. Хотя истинный поэт, как и истинный мудрец, не должен стремиться переделать окружающий мир, либо как-то улучшить его. Стоящая перед ним задача заключена в ином - понять и осмыслить происходящее и происходившее, и, если удастся, чуть-чуть приоткрыть дверь в будущее. И не столь важно, чье это будущее - цивилизации или одного человека... ("Лучший способ спасти человечество - попытаться спасти человека".)

*Не заступит бы за черту,
Где набегающие годы,
Как бесконечные невзгоды,
Становятся неумолимо,
Где души, словно паруса,
На части разрывает старость,
И в жизни только и осталось
Молить о смерти небеса.*

А иногда взгляд вбирает и поистине пророческие строки, не требующие и не приемлющие какого-либо комментария:

*Куда, Всевышний, неустанно
Ведешь ты жизни караван?
Мы в смерть уходим, как в туман,
Не зная, что там, за туманом.
И тянется под небесами
Земная вереница лет...
...И остается только след,
Для тех, что движутся за нами.*

Как это важно для поэта: не только уловить настроение своего поколения, но и суметь так его передать, выразить. Причем простыми, обычными словами, которые под твоими странными манипуляциями, сложенные в бесхитростные шта-беля строк, превращаются в поистине магические откровения.

*...И век двадцатый сблизил нас не делом,
Не верой, но оптическим прицелом...*

Хотя порой из лирического настроя, осторожного слога, полуслова, полувздоха, прорывается отчаянный уличный бунтарь, насильственно удерживаемый в канонических, "приемлемых" для окружающих рамках. Скажем, как в стихотворении "Обряд шамана":

*Куда важнее, чем пикник,
Чем звон бокалов,
Счастливый возвращенья миг
К своим началам.
Что придает нам столько сил,
Как не природа?
Беда тому, кто позабыл
Откуда родом.
Ему-то, верно, невдомек,
Что может в поле
Под сапогами колосок
Стонать от боли.*

Как тут не вспомнить раннего Петра Вегина: тот же ритм, та же интонация, то же необузданное стремление затронуть собственной тревогой чужие сердца. И Фредди Зорину это прекрасно удается.

Разумеется, не все в книге однозначно. Сборник стихов, он и есть - сборник, и тут никуда не деться. Наряду с удачными произведениями, встречаются и довольно посредственные строки. Иногда просто пародийные.

*Что в небесах, скажи мне, происходит?
- Вслед за апрелем наступает май
И начинает действовать в природе
Закон о возвращении птичьих стай...*

....

*- А это зову давнему внимая,
В обетованный уголок земли
Стремятся человеческие стаи,
Туда, где предки крылья обрели.*

Думаю, что даже такая организация, как Сохнут, от данных сравнений не пришла бы в восторг. Впрочем, для любителей "занимательного чтения" в любой книжке найдется пища. Отдадим должное тем, кто редактировал "Близкую даль" - подобных строк в ней сравнительно мало. А вот многих издержек, когда поэты, выступая в роли издателей, полагаются только на собственный вкус, Фредди Зорину удалось избежать.

К примеру, всегда несколько коробит, когда в стихах на русском языке пишущий использует "чужие" слова, по видимому надеясь, что благодаря им он сможет придать тому или иному образу некий местно-национальный колорит. Особенно этим страдают иные маститые пииты, оказавшиеся в новой для себя, непривычной среде. Ф. Зорин тут приятное исключение: если у него и встречаются несколько раз подобные "огрехи", то лишь тогда, когда эти слова являются для поэта ключевыми (как бы сказали в современной России "культурными"). Ну, а солнце, "поостывшее, как пита у сереющего противня небес" мы ему простим...

Р. С. Хороших поэтов не стоит хвалить. Вернее, они не нуждаются в похвале. Их надо просто читать.

Большая горькая книга

(о книге Доры Штурман и Сергея Тиктина
"Современники", изд – во "Лира", Иерусалим, 1998 год)

"Теперь вижу, что не вызвала бытия из небытия, а только попыталась рассказать то, что помню о своем прошлом".

Дора Штурман, "Современники", глава "Дети утопии"

Чтобы отозваться на объемную, правдивую и горестную книгу "Современники" по методике, избранной самими авторами этого труда, мне придется привести в приблизительном пересказе историю, которая, как писал русский журналист Влас Дорошевич, имеет отношение к русскому певцу Шаляпину.

В Москве Шаляпин пел Бориса Годунова. Некий ученый-россиевед, впечатленный точностью и исторической достоверностью созданного артистом образа, сидя после спектакля в дорогом ресторане, пытался угадать научные источники, использованные певцом при подготовке роли. Особенно его восхитил момент, когда Годунов уходит со сцены, словно опасаясь удара в спину. Вдруг в ресторан вошел сам Шаляпин. Ученый бросился к нему с похвалами, приговаривая: "Скажите, а вот этот жест вы почерпнули в трудах такого-то? А упоминание о возможности удара в царскую спину вы нашли у этого-то?" Шаляпин, ничего подобного не читавший, ответил: "Да, знаете ли... Просто посмотрел я на них и вижу - такая кругом дрянь!"

Художественное чутье столкнулось с кропотливым знанием и они не поняли друг друга. Авторы "Современников", тщательно собравшие и выстроившие последовательные, яркие и живые свидетельства страшного разрушения совести у представителей образованного слоя послереволюционной России, пытаются осмыслить причины этого разрушения с позиции кропотливого познания, приводя в качестве примеров образцы, созданные при помощи художественного чутья.

Жанр, в котором книга выполнена авторами - комментариями. Вот источники, проштудированные создателями "Современников" и присутствующие в качестве обильных цитат: Лев Копелев "И сотворил себе кумира" (1978, "Ардис". Анн Арбор, США); Раиса Орлова "Воспоминание о непрошедшем времени" (1983, "Ардис"); Юрий Нагибин "Срочная командировка, или дорогая Маргарет Тетчер" (1989, "Киноцентр", Москва) и сборник "Песни русских бардов" (1978, Париж, "УМКА-PRESS") в страницах, посвященных Галичу; две книги академика Андрея Сахарова: "Воспоминания" и "Горький, Москва, далсе везде" (обе книги - 1990, из-во им. Чехова, США); Александр Солженицын "Бодался теленок с дубом" (1975, Париж, "УМКА-PRESS") и работы самой Доры Штурман, частично воспроизведенные в очерках "Тетрадь на столе" (журнал "Время и мы", N52, 53, 58, Тель-Авив), книге "Моя школа" (1990, "ОПИ", Лондон), а также неизданных и незавершенных рукописях 1939-44 годов "Предисловие к статьям о творчестве нескольких современных писателей", "Официальная идеология" и "Мемуар о поэтах". И еще множество цитат из иных разрозненных изданий.

Если рассматривать все эти, в большинстве своем весьма литературно мощные тексты, с точки зрения строго познавательной, то они могут служить превосходными пособиями для специфического раздела исторической общественной науки - советологии, изучавшей феномены деятельности в России так называемой "социалистической советской власти". В цитируемых работах содержатся ценнейшие свидетельства об изменениях психики и о душевных движениях людей, находившихся в подчинении этой власти и вынужденных соотносить с нею свою повседневную жизнь и творческую деятельность. Комментарии авторов "Современников" служат не усилению эмоциональной картины злобных бессмыслиц и рабских радостей советскоподданных, но сухому и рассудочному анализу гниения массовой души. Эффект "избирательного видения", при котором современники авторов (а значит, старшие приятели, родители и учителя большинства читателей) заме-

чали в социуме только те процессы, с которыми хотя бы как-то могли соотнести собственную совесть, описан в "Современниках" многократно и исчерпывающе. При этом примеры психологических установок, характерных для советского человека, приводятся по мемуарам тех, кто полностью или хотя бы частично смог эти явления в себе распознать и преодолеть, да еще, обладая литературным талантом, сумел зафиксировать этапы такого преобразования. Художественное чувство этих людей, вынуждающее по мере повествования мягко журить или строго судить самих себя, сталкивается с кропотливым знанием комментаторов. И получается, что "подсознательная ретроактивная самозащита незнанием - не личное свойство... Это рефлекс целой генерации, позволившей раскаянию проявиться тогда, когда некоторое прояснение истинной суги событий стало почти безопасным. - пишет Дора Штурман. - Я и в середине 90-х годов получаю письма, в которых семидесятилетние доктора наук, в том числе и гуманитарных, сообщают мне, что мои книги, сегодня прочитанные, помогли им прозреть. А что в этих книгах есть такого, чего бы они не знали раньше?"

По счастью, советология как наука уходит в прошлое вместе с объектами ее изучения. У этой науки были свои достижения и гипотезы, свои теоретические споры и открытия. Когда-нибудь она войдет интегральной частью в историю средних веков. Но до тех пор, пока говорящие на русском языке люди вынуждены принимать выводы советологии как диагноз собственного страдания, - неумолимая логика и жесткий анализ, проведенный авторами "Современников", будет тревожить душу столь же сильно, как и вдохновенные страницы анализируемых ими книжек.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ № 113

Олег Юрьев, российский писатель. См. "22" №№ 96, 101, 102, 103. Живет во Франкфурте.

Павел Лукаш, поэт, гражданский инженер в муниципалитете Ришон ле-Цион. См. №104.

Нина Демази, поэт. Живет в Бат-Яме.

Александр Воронель, физик и публицист, см. №№ 100, 104, 106, 109, 111. Работает в Тель-Авивском университете.

Эдуард Бормашенко, физик и публицист. См. №№ 98, 103, 106, 108, 111, 112. Живет в Ариэле.

Злата Зарецкая, театральныи критик, см. №№ 93, 96, 110. Живет в Маале-Адумим.

Софья Гутникова - музыковед, и **Сергей Шац** - композитор. Живут в Иерусалиме. См. № 107.

Михаил Сидоров, историк, см. №101. Живет в Рамат-Гане.

Самсон Мадиевский, историк. Живет в Аахене (Германия).

Марк Азбель, профессор Тель-Авивского университета, физик и публицист. См. №39.

Изидор Ляст. Физик и публицист. Живет в Бней-Браке. См № 31

Сергей Черепанов, писатель, бизнесмен. Живет в Киеве.

Рита Гензелева, филолог, работает в Еврейском университете.

Ян Зарецкий, псевдоним литератора, живущего в Тель-Авиве. См. №№ 111, 112.

Ал. Мышиц, псевдоним литератора, живущего в Тель-Авиве. См. № 109.

Главный редактор - Александр ВОРОНЕЛЬ

Редакционная коллегия: Н. ВОРОНЕЛЬ, Н. ГУТИНА,
А. ДОБРОВИЧ, А. ДОНДЕ, Н. ДРАЧИНСКАЯ, Э. КУЗНЕЦОВ,
М. ХЕЙФЕЦ, Д. ЦИФРИНОВИЧ, И. ЧАПЛИНА,
Н. БАСОВСКИЙ, В. КРАСНОГОРОВ, Э. БОРМАШЕНКО

Заведующая редакцией - Мирьям БАР-ОР
Компьютерная обработка - Алекс ВАЛЛЕЙ
Печать - издательство "МЕРКУР"

Всю корреспонденцию направлять по адресу:

"22", Р.О.В. 44050, Tel-Aviv 61440

Телефон редакции - 03-7394525

Электронный адрес: <http://folding.tierranet.com/22/>

Все права на материалы журнала (за исключением особо оговоренных случаев) принадлежат издательству "Москва-Иерусалим", и их использование без ведома и согласия издательства не разрешается.

Стоимость годовой подписки в Израиле - 120 шек., для организаций - 130 шек., за рубежом - 80 долларов (авиапочтой в Европу - 90, в США - 95 долларов), для организаций - 100 долларов (включая пересылку).

Стоимость подписки для новых репатриантов (до 1 года в стране) - 90 шекелей (с рассрочкой в два платежа).

Отвергнутые рукописи не возвращаются и в переписку по их поводу редакция не вступает.

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Прошу подписать меня на журнал "22", начиная с №.....

Прилагаю чеки (чеки) №.....

на сумму.....

Журнал прошу высылать по адресу.....

.....

(пишите разборчиво желательнo указать номер телефона)

Жертвую в фонд журнала.....

(фамилия)

Наш адрес: "22", Тель-Авив 61440, п.я 44050

